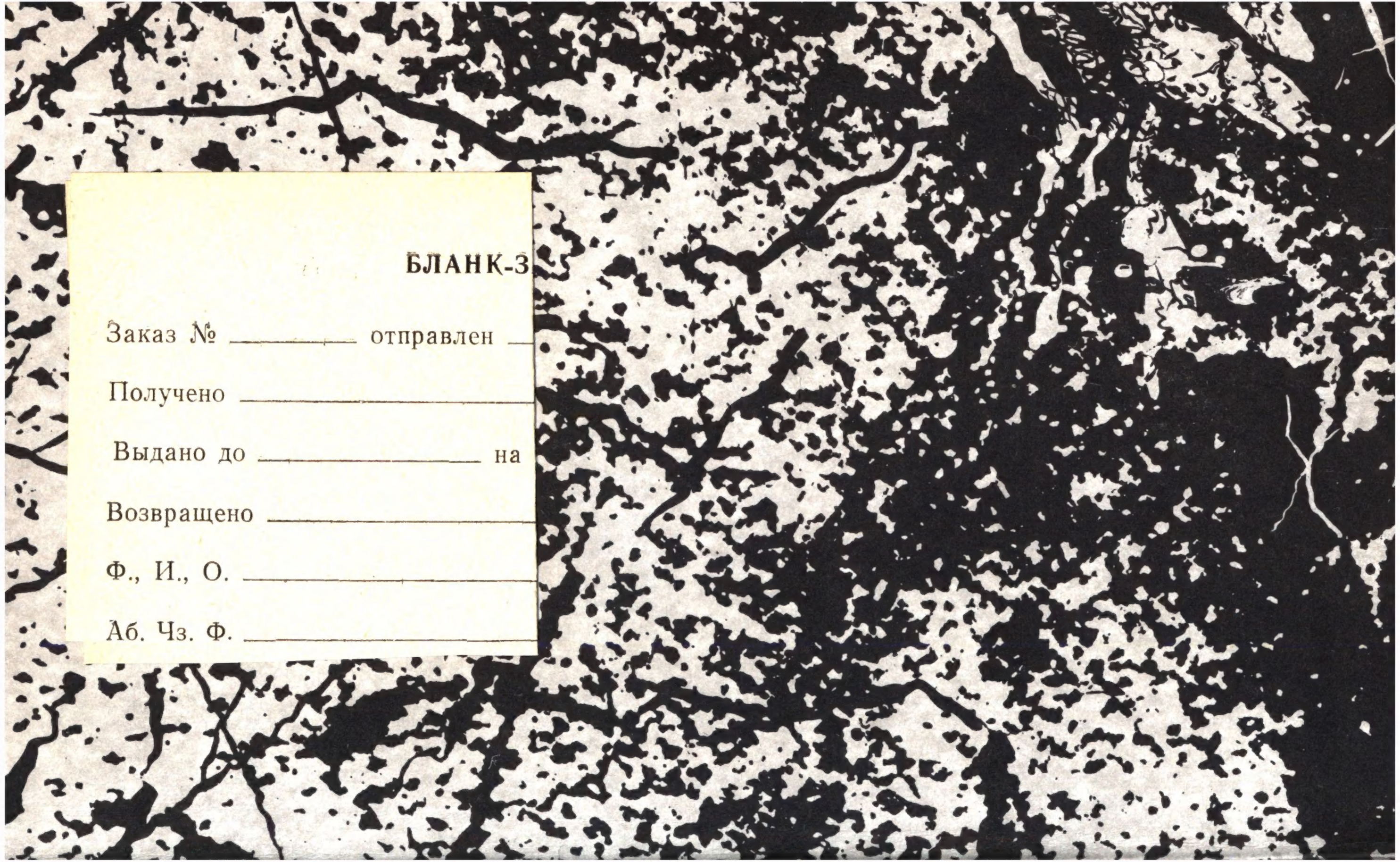
ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ

ХРОНИКА ВЕЛИКОГО ДЖУТА

[redacted]

[redacted] 8.V. 91

[signature]

ВАЛЕРИЙ
МИХАЙЛОВ

ХРОНИКА ВЕЛИКОГО ДЖУТА

Документальное
повествование

Книга выпущена при участии издательства «Жалын»

До недавнего времени у нас было «не принято» говорить и писать о страшной катастрофе, постигшей Казахстан в 30-е годы, когда вследствие проведения сплошной коллективизации разразился небывалый голод, унесший сотни тысяч жизней.

Эта книга — первое крупное исследование, адресованное широкой общественности, где раскрываются истинные причины, характер и масштабы голода в Казахстане, а также выявляются «действующие лица и исполнители» этого преступления против народа.

ISBN 5-610-00912-X
ISBN 5-7-7664-0406-9

Народное казахское поверье говорит что внутри смерча летит дьявол. И поэтому, завидев черный вихрь, люди прогоняют его заклинанием: «Прочь от нас к дому плешивого!»

I

— Первое мое воспоминание — луна. Осень, холодно, мы куда-то кочуем. Меня, завернутого, покачивает в телеге. Резкая остановка — и я вижу в черном небе огромную луну. Она полная, круглая и ярко светит. Я лежу на спине и долго смотрю на нее не отрываясь. Поворачиваюсь и ясно вижу на земле какие-то коряги с вытянутыми скрюченными ветками-руками, их много, по обеим сторонам дороги, это люди. Они застыли и молча лежат на земле. Я догадался: ни о чем спрашивать не надо. Взрослые не ответят, им не до меня. И какая-то страшная тайна окружает этих застывших людей... Когда вырос, спросил, и тогда мне все рассказали. Это были трупы. Бабушка удивлялась: как ты мог запомнить, ведь было-то тебе всего два года. В самом деле, как? Но запомнил. Луна... кочуем... трупы...

Было это в тридцать первом году, и перебирались мы тогда из опустевшего аула в Гургай...

Поэт Гафу Каирбеков рассказывает своим обычным глуховатым голосом, тон мягкий, как бы удивленный.

Говорят, поет он и играет на домбре замечательно. Жаль, не слышал. Зато доводилось слышать, как он выступает на собраниях. Говорит прямо, резко, образно и, когда распаляется, голос звучит так, что сотрясает зал. Природный сильный голос степняка, акына. В том районе, откуда он родом — Батпаккаринском, ныне Амангельдинском,— народ сплошь музыкально одарен. Лучшая в Тургайской области самодеятельность... Но я сейчас не думаю обо всем этом, я вслушиваюсь в его слова и вглядываюсь в добрые карие глаза, потрясенный рас-

сказом, от которого сразу начинает давить сердце. А ему то самому каково?..

— Второе мое воспоминание связано с Тургаем. Этот городок, районный центр, стоит на возвышенном месте Под ним речка, все улицы круто спускаются к ней. Мы, ребятишки, бежим босиком к речке. А на улицах люди, много взрослых людей. Они идти не могут, ползут на четвереньках. Еле-еле, из последних сил. Отдохнут в изнеможении и снова царапают землю ногтями. А некоторые уже недвижны, лежат на дороге, как бревна Мы через них переступаем. Пока спустишься к реке через несколько трупов надо перешагнуть. Там, у воды забивают скот. К этой бойне и ползут голодные. Кто доберется — пьет кровь животных...

Во-о-от. А теперь третье воспоминание. Жили мы во дворе райпотребсоюза, там работал мой нагаши — дядя, старший брат матери. Двор широкий, огороженный, с тяжелыми запертыми воротами. Тут и скот, совсем небольшое стадо, но его надо беречь. Иначе все пропадут, кто кормится в общей столовой. Там дают какую-то похлебку. Из чего она, не разобрать. Мой брат — он был старше меня на десять лет, потом погиб на войне,— таскает варево большими ведрами. Поешь, в животе вроде не пусто... А со двора нас, малых ребятишек, уже не выпускают. Строго-настрого запретили. Глядим в щели ворот, что там на улице. Любопытно! А напротив старый глиняный дувал, у него люди. Кто прислонился спиной, кто вповалку лежит. Ждут... Скот во дворе истощенный, едва не падает с ног. У коров рождаются мертвые телята, у овец — мертвые ягнята. Их тела, как и павший скот, вытаскивают за ворота. И люди накидываются на это. Тут же поедают. Разрывают руками и едят...

Выбежал я однажды погулять, и меня схватили чьи-то руки. Слабые руки, но держат как-то цепко. Я — вырываться. А сколько мне было... ну, года четыре, или чуть больше. Хорошо, бабушка на помощь подоспела, крик подняла. Потому-то и наказывала несколько раз на день: не ходи за ворота — съедят...

Он сидит, слегка потупив голову, тянется за сигаретами. Молчит, глядит в окно.

— Вот такие самые первые воспоминания детства... Выжили только потому, что отец — он грамотный был — и дядя-нагаши работали в потребсоюзе... А потом я немного подрос. Тридцать четвертый год помню довольно отчетливо. Мы по-прежнему жили в Тургае. Людям полег-

че стало; тем, кто уцелел, понемногу помогали продовольствием. Привозили откуда-то... Но вообще-то трудно еще жилось. Появились у нас в Тургае ссыльные (казахи выговаривали это слово — ссельные). Убийцы Кирова. Человек тридцать, разных национальностей. Голодные, страшные, работы им никакой, бродят кучей по улицам. Детишки, конечно, сбегались на них смотреть. Однажды и я пошел, забыл про наказ бабушки. Тут они за мной и погнались — двое или трое каких-то огромных мужиков. Напугали до смерти, не знаю, как и добежал. У самых ворот догнали, но мой нагаши и бабушка отбили. Спасли...

Перед войной, когда мне было уже лет десять — двенадцать, как-то поехали мы на арбе за топливом. Кустарники, камыши, сухая трава — все в топку шло. Едва выехали за город, деревянные колеса стали скрипеть, переваливаться через что-то. Вроде почва ровная, песок — а тяжело едется. И этот скрип — странный, нехороший, слух режет. Соскочил я с телеги, а в песке кругом кости. Кто их тут набросал? Рвем траву, собираем сухие ветки, и всюду кости, кости. Или на поверхности валяются, или чуть-чуть песком занесло. Потом черепа стали попадаться, человеческие. «Да это же люди,— думаю.— Сколько же их здесь полегло?» Дома рассказал. Старшие пояснили: голодные в город шли, умирали, хоронить-то было некому, так кругом мертвецы и лежали...

А мы все время за городом: то траву косишь, то собираешь топливо, то играешь где-нибудь на сопках,— мальчишки ведь не успокоятся, пока местность вокруг своего жилья не разведают. Так, веришь или нет, весь Тургай был в кольце человеческих костей. Должно быть, обессиленные люди из аулов сходились, сползались к районному центру. Надеялись хоть там добыть что-нибудь поесть и уберечься от голодной смерти...

А мы так и не вернулись в свой аул. Некуда было возвращаться...

Стоял наш аул неподалеку от районного городка, верстах в десяти. В гражданскую войну белоказаки прозвали его «аулом большевиков»: из семнадцати тургайских коммунистов восемь были выходцами из этого селения. Однажды каратели окружили аул и погнали жителей в камыши. Старики поняли, что их ожидает расправа. Решили спасать детей — они продолжат род, не дадут аулу вымереть. В зарослях привязали мальчишек к лошадям — кого к спине, кого к брюху. И перед тем, как камыши зажгли со всех сторон, ударили коней по крупам.

Так спаслось десятка два детей, которые не дали исчезнуть родному селению. Я об этом поэму написал — «Аул большевиков».

Спустя пятнадцать лет, в мирное время, аул опустел. Навсегда.

Мы курим, молчим. Лицо моего собеседника по-прежнему бесстрастно. Будто говорил он мне обычные вещи. Но я-то знаю его не первый год.

Сейчас он пишет прозаическую книгу о своей родине, о детстве. И еще одну книгу воспоминаний заканчивает — о Габите Мусрепове, которого почитал всю жизнь.

Началось их знакомство в 1958 году, когда нынешнего классика казахской литературы почти не печатали, обвиняя в различных идеологических ошибках и прегрешениях (даже на время, довольно долгое, из партии исключали).

— Был я тогда молодым редактором в издательстве,— продолжает свой рассказ поэт,— и как-то Габеке сам остановил меня и подозвал к себе. «Ты откуда, джигит?»— «Из Тургая».— «Тем лучше. ...Пойдем-ка со мной, узнаешь кое-что про свой Тургай. Пожалуй, поведаю тебе одну историю».

— Был Габеке в хорошем настроении, шутил, несмотря на все передряги. Сейчас думаю: потому и смеялся и острил, что силен был духом, не хотел поддаваться своим критиканам. Рассказал он мне тогда смешной случай. Довелось ему сопровождать Кирова в поездке по нашим краям.

«Летом тридцать четвертого года было дело,— говорит и смотрит на меня. В глазах искорки, улыбается чему-то. Потом вдруг угрюмым стал: — Голодно кругом, народ еще не отошел от истощения. Продпомощи не хватает, хозяйство в упадке. Крайком направил меня в Актюбинск. Приезжаю, а в обкоме все страшно перепуганы. Что такое еще случилось? Оказывается, Киров к ним едет.

— Ну и чего боитесь?

— А что мы ему покажем? — вытаращили они глаза.— Увидит, что здесь творится, задаст нам!

— Помощи просите, люди же бедствуют!

— Е, какая там помощь! В глаза ему взглянуть страшно...

— И уговорили они меня,— усмехнулся Габен,— встречать Кирова, а сами попрятались кто куда...»

— Короче говоря,— чуть улыбнулся Гафу Каирбеков, видно, припоминая глаза и голос Мусрепова, все обо-

шлось. Киров попросил Габеке и других джигитов сопровождать его. Направились они первым делом в Тургай. Рассказывали, по просьбе Кирова, о казахской истории, обычаях.

«Подъезжаем к самой границе твоего Тургая...— произносит Габен и тут начинает весело хохотать, лукаво поглядывая на меня. Я, разумеется, ничего понять не могу.— ...Подъезжаем, а там, впереди, виднеется какое-то черное пятно. Что такое? Жара, миражи дрожат над землей, а тут вдали что-то вроде четырехугольного черного камня и словно птица на нем сидит. Непонятная, знаешь ли, птица! Для дрофы крупновата, для орла тоже. То исчезнет на черном камне, то снова появится. Подъехали ближе, а птица вдруг и вовсе пропала. Куда — не видать. Как испарилась в горячем воздухе.

Подкатили мы еще ближе, смотрим — да это машина в степи стоит. Земляки твои нас встречают, тургайское районное начальство. Спешили, спешили, да не доехали: вода в радиаторе у них выкипела. Джигиты в нашей машине догадались, в чем дело, смеются: «Изобретательный народ эти тургайцы! Чуть что — на капот по очереди забираются. А мы-то думали — птица!»

А Киров сначала ничего не понял.

— Эй, братцы,— говорит,— зачем же вы на капот все время лазили?

Покраснели тургайские руководители, глаза опустили. Он и перестал спрашивать. И вдруг принялся хохотать, за живот схватился, чуть по земле не катается.

— Вот они, твои тургайцы!..— закончил Мусрепов почему-то печальным, тихим голосом. И надолго замолчал. Потом он пристально посмотрел на меня отрешенным, горьким взглядом и говорит:

— Как-нибудь тебе еще одну историю расскажу. Тоже про твой Тургай...»

— С той поры началось наше близкое знакомство, и продолжалось оно почти три десятилетия. Не помню в точности, когда, но немного позднее Габеке исполнил обещанное. Сколько лет прошло, а, кажется, слово в слово помню тот его рассказ,— голос Гафу Каирбекова стал еще тише и задумчивей.— В тридцать втором году Казахстан был охвачен ужасным голодом. Мусрепов с четырьмя товарищами написали письмо в крайком. О перегибах в коллективизации. Ну и обвинили их всех в национализме. «Мы думали,— сказал Габеке,— конец нам пришел. Что

для н е г о наши жизни, для этого палача с окровавленным мечом в руке...»

Зима в том году была ранняя. Алма-Ату еще в октябре занесло снегом. И вот вызывают Мусрепова в крайком.

«Что ж, если ты столь пылко переживаешь за свой народ, поезжай в Тургай,— с усмешкой обращается к нему Голощекин.— Сам убедишься, своими глазами посмотришь, что никакого голода там нет».

В Тургай и Батпаккару тогда можно было добраться только через Кустанай. И Мусрепов поехал. Дали ему в попутчики, непонятно зачем, одного крайкомовского чиновника.

Кое-как, с большими трудностями, добрались они до Кустаная. Там стояла лютая зима. Пришли в исполком. Его председателем был человек, не по своей воле оказавшийся в Казахстане. «Э-э,— говорит,— да вы такие же ссыльные, как я. Куда же вас понесло? Дорога безлюдная, бураны метут, а до Батпаккары полтыщи верст. Замерзнете. Или съедят вас». Тихо так это произносит и, видно, не шутит. «Да и к тому же,— добавляет,— ехать не на чем. Все съел джут. В исполкоме две лошади, на которых меня возят. Ладно. Коли настаиваете, уступлю их вам. Но без вооруженного охранника не отпущу. Жизнью рискуете...»

И поехали они на санях, в сопровождении двух охранников (у кучера тоже была винтовка).

За аулом Аулие-Коль в степи начался буран. Тучи снежной пыли застилают солнце, переметают дорогу. Сбились они с пути, лошади встали. И вдруг Мусрепов замечает: в стороне торчит что-то из сугробов, словно корявые сучья саксаула. Он соскочил с саней и подошел. Под снегом лежали трупы людей. Вперемешку, вповалку. Невольно он зашагал дальше — там трупы были собраны в кучу и уложены штабелями. «Как вышки на пикетах...— сказал Габен.— Благодаря им и отыскали мы дорогу. Трупы высились по обеим ее сторонам... Ничего страшнее я не видел...»

Помню, Мусрепов надолго замолчал, должно быть, заново переживая тогдашнее. Потом тяжело вздохнул и говорит: «Слава аллаху, нам не попались навстречу люди, иначе ни от лошадей, ни от нас самих ничего бы не осталось. Мы это поняли. И про себя еще раз поблагодарили председателя исполкома за то, что едой обеспечил, дал для коней овса. Пропали бы... Я всегда поминаю добрым

словом его дух, что давным-давно покоится там, в лучшем мире...»

Выбрались они на дорогу и поехали по этой улице мертвых. Впереди лежали совершенно пустые аулы. Проводник из местных называл номера этих аулов — номерами только и отличались: нигде не осталось ни души. Впоследствии эту дорогу Габен описал в своей книге «Шугла». Но рассказал нам, конечно, не обо всем, что видел: очень уж тяжко было говорить о былом. Он и тогда меня предупредил: нет сил вспоминать все, но про одно расскажу...

Подъехали они к необычному для глаз казаха селению — городку из юрт. С началом коллективизации множество таких возникло по степи. Юрты составлены зачем-то в ряды и вроде бы образуют улицы. И на каждой юрте номер повешен, словно бы это городской дом на городской улице. Юрты просторные, новые, из белой кошмы — кучер пояснил, что совсем недавно их у местных баев отобрали. Еще два-три месяца назад, добавил, здесь толклись люди. Теперь стояла мертвая тишина. Ни звука, только поземка шуршит. Мертвый город из белых юрт на белом снегу.

Заходят в одну юрту, в другую. Все вещи на месте, а людей нет. Жизнь как будто в одно мгновение остановилась, и народ куда-то исчез.

Мусрепова особенно поразила одна богатая шестикрылая юрта. Она была убрана яркими шелковыми одеялами и атласными подушками, ворсистыми коврами с тонким узором. И никого внутри. Только посредине вещи лежат вьюком. Будто хозяева секунду назад вышли из дома и вот-вот снова войдут. Но это лишь на первый взгляд. Кошмы и ковры на полу все промерзли. И снег сыплет через открытый тундик.

Присмотрелись они — а этот огромный вьюк одежды напоминает шалашик. С небольшим отверстием-дырочкой посредине. Словно бы это темное окошко в некий странный мир. И все четверо мужчин, двое из которых вооружены, чего-то вдруг испугались. Вздрогнули, поежились и стали отступать к двери. Не выдержали, вышли на улицу. Габит Мусрепов покинул жилище последним. Помедлил на пороге. Будто почувствовал: там, внутри небольшого шалаша из наваленной одежды, кто-то есть.

Больше никуда они не заходили, словно бы чего-то боялись. Ушли на край безмолвного городка, заваленного снегами, постояли, опустив головы. Пора было возвра-

щаться. Когда зашагали обратно, у Габита Мусрепова закралось сомнение: неужели здесь действительно никого нет? А где же, наконец, тела умерших? Он высказал все это инструктору из крайкома, которого к нему прикрепили. Тот хмуро ответил, что в Тургае много таких городков из юрт. С началом осени люди из них разбрелись кто куда. В Кустанай ушли, в Челкар, на Урал, в сторону Алатау и на Сырдарью. И почти все погибли по дороге. Это их трупы лежат, сложенные в штабеля. Двое охранников из Кустаная закивали головами: дескать, так оно и есть. «Откуда ты знаешь?»— спрашивает Габит крайкомовца. Тот лишь грустно улыбнулся в ответ.

Тяжело вытаскивая ноги из сугробов, они шагали к саням. И тут Мусрепова охватило еще большее сомнение, и он, не в силах противиться неведомому предчувствию, свернул к той богатой юрте из белой кошмы, куда они заходили. Его спутники двинулись за ним.

«Ойбай, да здесь чьи-то следы!»— воскликнул кто-то.

Они сгрудились вокруг странных отпечатков на снегу. Следы были совсем свежие.

«Кто это? Корсак? Лиса?»

«Нет вроде бы... не может такого быть!»

Они пошли по следу, который вел прямо к юрте. Распахнули дверь.

Внезапно внутри пустого жилища раздался тонкий пронзительный звук, от которого все похолодели. То ли собачий визг, то ли яростный тонкий вопль кошки,— и все это сопровождалось урчанием.

Из крошечного отверстия шалашика выскочило какое-то маленькое живое существо и бросилось на людей. Оно было все в крови. Длинные волосы смерзлись в кровавые сосульки и торчали в стороны; ноги худые, черные, словно лапки вороны. Глаза безумные, лицо в спекшейся крови и обмазано капающей свежей кровью. Зубы оскалены, изо рта красная пена.

Все четверо отпрянули и бросились бежать, не помня себя от страха. Когда оглянулись, этого существа уже не было.

«Что это было?»— прохрипел Габит, глядя на спутников. Они молчали, дрожа крупной дрожью. Не произнесли ни слова.

Потом, в Кустанае, один из попутчиков сказал ему:

«Вы, наверное, думаете, что это был джинн? Нет, не джинн. Я разглядел, ясно разглядел. Это был человек. Ребенок. Казахская девочка лет семи-восьми...»

«Нет! Нет!— закричал Мусрепов, в котором вспыхнул невыразимый, великий и одновременно бессильный гнев.— То был голод! То были глаза голода! Само проклятие голода...»

* * *

Гафу Каирбеков закончил рассказ. Кто-то постучал в дверь, запертую, чтобы не помешали разговору.

— ...Там, внизу, наверное, были ее родители, отец с матерью,— сказал он.

И пошел отпирать дверь.

II

В конце октября 1932 года, приблизительно в то же самое время, когда Габит Мусрепов с попутчиками пробирался сквозь буран в заснеженной тургайской степи, проезжал обезлюдевшие аулы и с ужасом смотрел на безумную одичавшую девочку, единственную обитательницу пустого «города» из белых юрт, в Алма-Ате с помпой праздновалось двенадцатилетие Казахстана.

Накануне годовщины, как полагается, провели торжественное собрание городского совета с участием партийных, советских и общественных организаций. Зачитали телеграммы президиума в адрес товарища Сталина и товарища Голощекина. На следующий день, 22 октября, «Казахстанская правда» напечатала текст посланий, чтобы все, кому не довелось поприсутствовать в зале, были приобщены к большому празднику.

«Дорогой тов. Сталин!— начиналась первая телеграмма.— Исполнилось двенадцатилетие Казахстана. Приближаемся к пятнадцатой годовщине великого Октября...» После этого сообщения шел рапорт о том, что решение ЦК ВКП(б) от 17 сентября 1932 года (о животноводстве Казахстана) «...наносит сокрушительный удар по классовым врагам, по оппортунистам, шовинистам и националистам...». В конце следовали приветствия, здравицы, которые к этому времени уже набрали должную высоту·

«Партактив... шлет тебе боевой большевистский привет! (Вроде бы мирное время, но привет — боевой, ибо классовые бои день ото дня усиливаются — В. М.).

Да здравствует ленинский ЦК!

Да здравствует вождь нашей партии и мирового пролетариата т. Сталин!»

Если вождя партии и мирового пролетариата называли не иначе как «т. Сталин», «товарищ Сталин», то к деятелю, возглавляющему республиканскую партийную организацию,

обращались несколько по-свойски — по имени-отчеству. (Такое обращение, несомненно, выделяло товарища Сталина: на недосягаемой вершине, с которой он руководил, обычного человеческого имени-отчества как бы уже и не существовало. Зато послание к местному вождю, спускаясь с горных высот официальности, было куда как более пространным и теплым, дабы он ни в коей мере не чувствовал обделенности.)

«Дорогой Филипп Исаевич!

Торжественное заседание алма-атинского горсовета... в день двенадцатой годовщины Казахстана шлет пламенный привет тебе, испытанному ленинцу, под чьим руководством Казахстан пришел к своей двенадцатой годовщине с величайшими победами.

В борьбе на два фронта с оппортунизмом, в борьбе на два фронта в национальном вопросе, на основе ленинской национальной политики, преодолевая трудности, ты ведешь казахстанскую партийную организацию от победы к победе.

Под твоим руководством выросли новые большевистские кадры казахов и востнацмен...

Под твоим руководством Казахстан встал в передовые ряды великого Союза... превратившись из архиотсталого в аграрно-индустриальный край.

Да здравствует победоносное строительство социализма!

Да здравствует испытанный ленинец тов. Голощекин!

Президиум торжественного заседания».

Тот, к кому столь проникновенно обращался президиум, в этом же президиуме и сидел. Грузноватый человек пятидесяти шести лет, в наглухо застегнутом френче, с волнистыми темными волосами, начинающими седеть, аккуратно подстриженными усами и бородкой. Взгляд его карих, навыкате глаз был величествен и строг. Он умел подавлять своих подчиненных солидным, исполненным значительности видом, непререкаемым авторитетом старого большевика, резкостью суждений в многочасовых докладах и выступлениях, грубыми насмешливыми репликами, когда все решает высокомерный напор, наконец, беспощадной яростью и жестокостью, которую он обрушивал на своих противников. И местные соратники, в большинстве, подстраивались под эту довлеющую силу: пылко прославляли заслуги, на высоких тонах выкрикивали здравицы, устраивали овации.

Через две недели праздновалась пятнадцатилетняя го-

довщина Октября. Второй секретарь крайкома И. Курамысов так писал о своем непосредственном начальнике в юбилейном номере республиканской партийной газеты:

«Нельзя не отметить в истории развития Советского Казахстана роли одного из лучших большевиков, одного из видных соратников Ленина, отдавшего борьбе за социализм в Казахстане семь с лишним лет своей жизни, работы, роли испытанного руководителя казахстанской парторганизации Филиппа Голощекина, которого справедливо уважают, которого справедливо любят, которому справедливо доверяют все трудящиеся массы Казахстана. Нет в Казахстане более проверенного, надежного теоретика и практика, чем Филипп Исаевич Голощекин. В работе, в словах, докладах, статьях тов. Голощекина мы находим образцы большевистского сочетания революционной теории с революционной практикой... Вот пример большевистской борьбы за организацию, за построение социализма».

Через два с половиной месяца этого несравненного, если верить Курамысову, теоретика и практика отстранили от занимаемой должности и отозвали в Москву.

Однако в искренности и правдивости людей подчиненных, что ни говори, приходится сомневаться. Тем более что сам Голощекин, прощаясь со своими друзьями и товарищами по партийной организации, заявил им в лицо, что в Казахстане нет ни одного честного коммуниста. Верный привычке систематизировать наблюдения и умозаключения, он подразделил казахстанских большевиков на три категории: первые не поддаются воспитанию, вторые — хамелеоны, постоянно меняющие окраску, и, наконец, третьи — те, что сваливают всю вину за различного рода просчеты и недостатки на него, Голощекина.

Нетрудно догадаться, что безымянные авторы приветственной телеграммы, составленной от имени президиума, равно как и Курамысов, относились скорее всего ко второй категории сподвижников Голощекина.

Но обратимся к свидетельствам, так сказать, объективным, характеризующим деятельность и личность Ф. И. Голощекина, семь с лишним лет «отдавшего борьбе за социализм в Казахстане».

Советский энциклопедический словарь 1987 года, изд. 4, предельно краток:

«Голощекин Фил. Исаевич (1876—1941) сов. гос. парт. деятель. Чл. КПСС с 1903. В 1912 избран чл. ЦК РСДРП. В дни Окт. рев-ции чл. Петрогр. ВРК, участник борьбы за Сов. власть на Урале, в Сибири. С 1925 секр. Казах.

крайкома ВКП(б). С 1933 Гл. гос. арбитр при СНК СССР. Чл. ЦК ВКП(б) в 1927—34 (канд. с 1924). Чл. ВЦИК, ЦИК СССР».

Энциклопедия «Гражданская война и военная интервенция в СССР», изданная в 1983-м, сообщает некоторые подробности:

«Из семьи подрядчика. Окончил зубоврачебную школу (1903). В 1917 делегат 7-й (апр.) Всерос. конф. и 6-го съезда РСДРП(б), 2-го Всерос. съезда Советов... С дек. 1917 чл. Екатеринбургского к-та РСДРП(б), комиссар по воен. делам Совета. С февр. 1918 уральский обл. военком, чл. обкома партии и обл. совета, с мая окружной военком, одновремен. в сент. 1918 — янв. 1919 гл. политкомиссар 3-й А. (армии) (рук. парт.-политич. работой в воинских частях и среди гражд. населения в р-не 3-й А.). С дек. 1918 чл. Сиббюро ЦК РКП(б) и окрвоенком Уральского ВО. Делегат 7-го и 8-го съездов РКП(б) (на 8-м примыкал к «военной оппозиции»). В апр. — июне 1919 чл. РВС Туркест. А. Вост. фр. С авг. пред. Челябинского губревкома. В окт. 1919 — мае 1920 чл. Турккомиссии ВЦИК и СНК РСФСР. С 1921 на хоз., сов. и парт. работе...»

В томе 7 Большой Советской Энциклопедии, вышедшем в 1972 году, находим новые подробности. Прежде всего точные даты рождения и смерти: «26.2 (9.3) 1876, Невель — 18.10.1941». И далее: «...По профессии зубной врач... В 1906 чл. Петерб. к-та РСДРП и его Исполнит. Комиссии. Участник Совещания расширенной редакции «Пролетария» (Париж, 1909); затем работал в МК РСДРП. В 1912 на 6-й (Пражской) конференции избран чл. ЦК и чл. Рус. бюро ЦК РСДРП. Вел работу в Москве, Петрограде и на Урале. Подвергался репрессиям... Во время Октябрьского вооруженного восстания 1917 чл. Петрогр. ВРК (руководил отделом внешней и внутр. связи ВРК). После Окт. революции секретарь Пермского, Екатеринбургского губкомов и Уральского обкома партии... В 1921 пред. Главруды в Москве. В 1922—25 пред. губисполкомов Советов и чл. губкомов РКП(б) в Костроме, Самаре, затем секретарь крайкома КП(б) Казахстана. С 1933 Главный гос. арбитр при СНК СССР. Делегат 11—17-го съездов партии...»

Некоторые основные моменты дореволюционной жизни Голощекина уточняет «Советская историческая энциклопедия» (М., 1963):

«...Вел парт. работу в Петербурге, Кронштадте, Сестрорецке, Москве и др. городах... После роспуска 1-й Гос. Думы был арестован и приговорен к 2 годам крепости; через

год освобожден, но 1 мая 1907 вновь арестован... После ареста в 1909 был сослан в Нарымский край, откуда в 1910 совершил побег... После Праж. конф. ...вновь вел работу в Москве, но вскоре был снова арестован и выслан в Тобольскую губ. Бежав из ссылки, раб. в Петрограде (1913), затем на Урале. Здесь был арест. и выслан в Туруханский край, где пробыл до Февр. рев...»

«Историческая энциклопедия» сообщает деталь, какой нет в других справочных изданиях:

«Незаконно репрессирован в период культа личности Сталина. Реабилитирован посмертно».

Однако самое подробное жизнеописание Голощекина содержится в малодоступной для широкого читателя старой газете. Биография, помещенная в пятницу 18 сентября 1925 года в республиканской партийной газете «Советская степь» (предшественнице «Казахстанской правды»), интересна прежде всего тем, что записана со слов самого Филиппа Исаевича. В тексте ощутима живая речь, иногда попадаются излюбленные словесные обороты Голощекина (это становится понятно, когда читаешь его многочисленные речи и статьи). Насколько мне известно, это единственная прижизненная биография Голощекина. Она представляет особый интерес, и поэтому ее стоит привести полностью.

«ПАРТИЙНАЯ ЖИЗНЬ

Новый секретарь Казкрайкома РКП(б)

ФИЛИПП ИСАЕВИЧ ГОЛОЩЕКИН

(К его приезду в Казахстан)

Филипп Исаевич Голощекин родился в 1876 году в маленьком городке Невель, Витебской губ. Родители принадлежали к мелкой буржуазии, занимались мелкими подрядами.

Обучался Филипп Исаевич сначала в городской четырехклассной школе, а затем, путем домашней подготовки, держал экзамены в технической школе и гимназии, экзамены выдержал, но принят не был вследствие ограничения приема евреев. В общем, по образованию Филипп Исаевич имеет шестиклассный курс гимназии, а с 901 по 903 год обучался в зубоврачебной школе, которую и окончил; с 1896 по 900 год служил приказчиком в писчебумажном магазине.

С детства Филипп Исаевич читал очень много, но

бессистемно и разбросанно по всем вопросам. Сначала увлекался философией, а затем общественными науками. Нелегальную литературу, в очень ограниченном размере, начал читать в 900 году.

В 903 году в Петербурге, где держал экзамены в Медицинской академии на зубного врача, сошелся с товарищами, входящими в организации партии, которые ввели его в кружок, но вскоре из Петербурга Ф. И. был выслан и до 1905 года жил в Вятке, где имел зубоврачебный кабинет и выполнял работу по занятиям с кружком из учащихся средних учебных заведений.

К началу осени 1905 года Филипп Исаевич продает кабинет и переселяется в Петербург, где вплотную занялся партийной работой. Вначале вошел в военную организацию большевиков и занимался с кружком солдат Петропавловской крепости.

Летом 1905 года был направлен в Петербургскую окружную организацию, где вначале выполнял пропагандистскую работу на Ижорском заводе и в Сестрорецке. Затем стал организатором в этом же районе и был избран от этого района в Петербургский комитет партии. Был участником ряда конференций Петербургской организации.

Был три раза арестован на массовых собраниях рабочих Ижорского завода, два раза был освобожден тут же, после переписи, в третий раз был задержан на несколько недель при полиции. Было заведено дело в Царско-Сельском жандармском управлении по 129 ст.

Летом 906 года был арестован со всем составом Петербургского комитета и судился по процессу 19-ти, где по совокупности получил 3 $^1/_2$ года крепости. Дело было кассировано, и Филипп Исаевич был освобожден под залог. По выходе из тюрьмы был направлен Петербургским комитетом в Невский район, где заменил т. Зиновьева перед Лондонским съездом. От Невского района Ф. И. был избран в Петербургский комитет и также вошел в исполнительный комитет.

Накануне 1 мая 908 года он был снова арестован и просидел в Крестах до июня 1909 года. По освобождении был направлен Петербургским комитетом в Париж на большевистскую конференцию, где был решен вопрос о разрыве с отзовистами. Из Парижа Ф. И. переехал в Лейпциг, где был нагружен литературой, которую доставил в Вильно, а затем направлен в Петербург, где принял участие в борьбе против отзовистов и ликвидаторов, и вскоре по указанию ЦК направился в Москву для замены

тов. Томского, который был назначен агентом ЦК.

В Москве Филипп Исаевич работал до зимы 910 года, когда совместно с Московским комитетом и Я. М. Свердловым был арестован на квартире инженера Тимкова и после, кажется, 5-месячного сидения в тюрьме был отправлен в Нарымскую ссылку. После нескольких месяцев Нарымской ссылки Ф. И. был в рядах других товарищей (Козырев, Куйбышев и др.) арестован за организацию марксистского кружка и просидел в Томской тюрьме несколько месяцев. Дело было прекращено, и он был снова препровожден в Нарымскую ссылку. Из Нарымской ссылки летом 911 года бежал в Петербург, там вплотную вошел в работу, получил указание ЦК отправиться в Москву, где организация вместе с т. Бреславом провалилась, для восстановления организации и организации выборов на Пражскую конференцию.

От Московской организации на конференцию были избраны тт. Зиновьев, Малиновский и Филипп Исаевич.

На этой конференции Ф. И. был избран в члены ЦК.

После Пражской конференции по прибытии в Москву он был арестован и после некоторой сидки в Таганке сослан в Тобольскую ссылку. Из Тобольской ссылки вскоре опять бежал и прибыл в Петербург. Во время деятельности 3-й Думы работал в Петербургском комитете как представитель ЦК. После ареста Я. М. Свердлова на квартире т. Петровского Филипп Исаевич был окружен на квартире Малиновского, откуда удачно скрылся и направился по директиве ЦК на Урал. На Урале проработал несколько недель и по дороге из Мотовилихинского завода в Екатеринбург, где была квартира Филиппа Исаевича, он был арестован. Как потом оказалось, по указанию Малиновского. Приезд его на Урал был известен охранному отделению, но в течение нескольких недель они не могли его поймать. После сидки в Екатеринбургской тюрьме Филипп Исаевич был сослан в Туруханский край, где пробыл до Февральской революции.

После Февральской революции в первых числах марта Филипп Исаевич прибыл в Петербург и до апрельской конференции работал там. Потом был направлен на Урал. Был секретарем Пермского губкома, затем секретарем Уральского областного комитета и Екатеринбургского губкома.

В промежуток до сдачи Перми (декабрь 18 года) работал на различных партийных и ответственных советских работах (член областного Уральского совета, окружной военком, главполиткомиссар 3-й армии и т. п.). После 3-го

съезда был членом Сибирского бюро ЦК до занятия Кургана. С августа 19 года до июня 20 года был членом Туркестанского ЦК и ВЦИК. С июля 20 года по июль 21 года был председателем Главруды, затем был ЦК командирован в Башкирию для проведения съездов. С марта 21 года по январь 23 года был уполномоченным ВЦИК в Костроме. С 1 февраля 22 года по май 23 года был председателем Костромского губисполкома и членом губкома. С мая 22 года по июль 23 года был секретарем Уральского бюро ЦК и с сентября 22 года исполняет должность председателя Самарского губкома и члена Реввоенсовета Приволжского военного округа.

За время подпольной революционной деятельности Филипп Исаевич имел несколько кличек: Филипп, Борис Иванович, Жорж и в секретной переписке Н. К. Крупской Фран. В настоящее время Ф. И. Голощекин является кандидатом в члены ЦК и секретарем Казахского крайкома РКП(б).

В гор. Кзыл-Орду прибыл 12 сентября».

Итак, в двадцать лет — приказчик в писчебумажном магазине, где служит четыре года, в двадцать семь лет — член партии и зубной врач (или, скорее, техник: двухгодичная школа вряд ли выпускала квалифицированных врачей), в двадцать девять лет — профессиональный революционер. Таким образом, к большевикам Голощекин примкнул в довольно зрелом возрасте. Если принять во внимание его кипучую натуру, жаждущую деятельности, вполне можно предположить, что выбор был не случаен и глубоко продуман, и наверняка до вступления в РСДРП этот энергичный человек, читавший «бессистемно и разбросанно по всем вопросам» и увлекавшийся «философией, а затем общественными науками», перебрал не одно направление политической и социальной мысли.

Став большевиком, 27-летний Голощекин развил бурную деятельность. Даже одно перечисление мест, где он вел пропагандистскую работу, не говоря уже о послереволюционном мелькании то здесь, то там, свидетельствует о том, что по характеру это был порученец, исполнитель, функционер, человек, как нынче говорится, быстрого реагирования. Теоретические изыскания, глубокая работа ума были ему чужды, его стихией была непосредственная деятельность, будь то подпольная работа до Октября или заготовка продовольствия в Костромской области в голодном двадцать первом году.

Воспоминания современников, касающиеся дооктябрь-

ского периода его жизни, несмотря на малочисленность и случайный характер, все же в какой-то мере передают его внутренний облик, суть этой, скажем так, беспокойной натуры.

Н. К. Крупская в книге «Воспоминания о Ленине» (М., 1968) пишет о событиях 1912 года, связанных с Пражской конференцией:

«Владимир Ильич уже уехал в Прагу. Приехал Филипп (Голощекин) вместе с Брендинским, чтобы ехать на партийную конференцию. Брендинского я знала лишь по имени, он работал по транспорту. Жил он в Двинске. Его главная функция была переправлять полученную литературу в организации, главным образом в Москву. У Филиппа явились сомнения относительно Брендинского. У него в Двинске жили отец и сестра. Перед поездкой за границу Филипп заезжал к отцу. Брендинский нанимал комнату у сестры Филиппа. И вот старик предупреждал Филиппа: не доверяй этому человеку, он как-то странно ведет себя, живет не по средствам, швыряет деньгами. За две недели до конференции Брендинский был арестован, его выпустили через несколько дней. Но пока он сидел, к нему приезжали несколько человек, которые были арестованы; кто именно был арестован — не выяснено. Вызвала у Филиппа подозрение и совместная переправа через границу. Филипп пришел к нам на квартиру вместе с Брендинским, я им обрадовалась, но Филипп многозначительно пожал мне руку, выразительно посмотрел на меня, и я поняла, что он мне что-то хочет сказать о Брендинском. Потом в коридоре он сказал мне о своих сомнениях. Мы условились, что он уйдет и мы повидаемся с ним позже, а пока я поговорю с Брендинским, позондирую почву, а потом решим, как быть.

Разговор с Брендинским у нас вышел очень странный. Мы получали от Пятницы извещения, что литература благополучно переправлена, что литература доставлена в Москву, а москвичи жаловались, что они ни черта не получают. Я стала спрашивать Брендинского, по какому адресу, кому он передает литературу, а он смутился, сказал, что передает... своим рабочим. Я стала спрашивать фамилии. Он стал называть явно наобум — адресов-то не помнит. Было видно — врет человек... Я ему чего-то наплела, что конференция будет в Бретани, что Ильич и Зиновьев туда уже уехали, а потом сговорилась с Филиппом, что они с Григорием уедут ночью в Прагу и он оставит

записку Брендинскому, что уезжает в Бретань. Так и сделали...

Я очень гордилась тем, что уберегла конференцию от провокатора» (с. 197—198).

Надежда Константиновна не впервые видела Голощекина: летом 1909 года он приезжал в Париж и несколько раз встречался с Лениным. 25 июля 1909 года писал из Парижа, что после «ознакомления с литературой и бесед с Ильичем... я пришел к убеждению, что вся политическая линия «Пролетария» есть в теории позиция революционной социал-демократии... и, только идя этим путем, в практике мы в состоянии упрочить партию и организовать массы вокруг нее...» (цитирую по статье В. Н. Александрова, Ю. Н. Амиантова, посвященной 90-летию Голощекина, напечатана в журнале «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8).

Н. К. Крупская вела секретную партийную переписку, и Голощекин был одним из ее постоянных корреспондентов. Насколько продвинулась организационная и пропагандистская работа, можно судить по двум небольшим отрывкам из писем Крупской. «Ох, какая неурядица в России! — горячо замечает она в начале века. — Главная беда в том, что у людей слишком много своего местного патриотизма. Читаешь письма, и грусть берет» .

А в 1913 году она сообщала: «С Урала мы недавно получили письмо, что за лето там шла работа великолепно. В Екатеринбурге около 200 организованных, в Мотовилихе 100, в Перми 50. Везде на заводах свои социал-демократические организации. Все это партийцы-правдовцы» [2]. «Великолепную» работу уральцам помог наладить член ЦК Голощекин, который приехал в Екатеринбург в феврале и несколько недель до ареста создавал на заводах новые ячейки.

3 марта 1913 года энергичный организатор возвращался из Перми. На Екатеринбургском вокзале он был опознан шпиками и арестован. При аресте Филипп Исаевич назвался сотрудником газеты и предъявил паспорт на имя Самуила Коттисе. Он считал, что охранку уведомил его товарищ по партии Р В. Малиновский, с которым они вместе ездили на Пражскую конференцию и были избраны в ЦК.

См. Переписка В. И. Ленина и редакции газеты «Искра» с социал-демократическими организациями в России. 1900—1903 гг М 1969, т. 1, с. 302.

[2] См. История Коммунистической партии Советского Союза, М 1967, т. 2, с. 411

Голощекина сослали в Туруханский край, в деревню Селиваниху. Там жил на поселении «гласноподнадзорный» Я. М. Свердлов, с которым они были хорошо знакомы еще по Москве и по нарымской ссылке; неподалеку, в Курейке, жил И. В. Сталин. 3 сентября 1913 года Свердлов пишет к В. С. Мицкевичу-Капсукасу: «После нас приехали еще две партии, ждем и третью. Каждая по 3 человека. Пришел и мой старый приятель, с которым по одному делу я несколько лет тому назад уже путешествовал в Сибирь. Само собой разумеется, я был ему рад. Живет со мной». Речь идет о Ф. И. Голощекине. 7 сентября 1913 года надзиратель в очередном доносе сообщал: «...административно-политические ссыльные Яков Свердлов, Николай Орлов, Шая Голощекин, крадучись лесом, уволились в Монастырь»[1]. (Монастырь — село Монастырское, центр Туруханского края; Шая — настоящее имя Голощекина, которого от рождения звали — Шая Ицкович.)

Свердлова вскоре перевели в Курейку, где жил Сталин. Позже он писал друзьям в Петербург: «Нас двое. Со мною грузин Джугашвили, старый знакомый, с которым мы уже встречались в ссылке другой. Парень хороший, но слишком большой индивидуалист в обыденной жизни». Поскольку оба подозревались, и не без основания, в желании устроить побег, их разлучили — Свердлова вернули обратно. К. Лисовский в книге «В Туруханской ссылке» (Новосибирск, 1947) приводит донесение туруханского отдельного пристава енисейскому губернатору: «Вверенный под гласный надзор полиции административно-ссыльный Яков Мовшев[2] Свердлов прибыл 22 июня сего года (1913) в Монастырское и водворен на станок Селивановский, Туруханского края». Имя Голощекина в этой книге не упоминается, как, впрочем, и в других книгах, изданных до его реабилитации.

В Селиванихе Свердлов и Голощекин прожили вместе, по подсчетам Ю. П. Плотникова, в общей сложности около года. Яков Михайлович вел в это время активную личную переписку и часто упоминал о своем «приятеле Жорже», как он звал Голощекина. Мимоходом он набросал довольно зримый портрет Филиппа Исаевича.

В письме от 3 марта 1914 года, отправленном в Париж своему давнишнему товарищу по нарымской ссылке

---

[1] См. Ю. П. Плотников. Я. М. Свердлов в Туруханской ссылке, Красноярск, 1976, с. 20.

[2] Мовшев (Мовшевич) — настоящее отчество Я. М. Свердлова (Янкеля Мовшевича Розенфельда).

В. А. Дилевской (как видно, гласноподнадзорных не слишком-то ограничивали в переписке), Свердлов сообщал:

«Жажда нового, перемен так сильна, что сказать трудно. ...Приятель мой постоянно меняет расписание своих занятий... Нас двое было с конца лета. Двое и теперь... Не надоели друг другу, нет, не ссоримся, не (не разобрано) друг друга. Но оба скучаем по людям. Просто хочется (побыть) в толпе... Я не писал тебе ни разу, что мы с приятелем во многом разнимся. Это, конечно, неплохо. По крайней мере, иногда возникают споры... Споры у нас возникают по разным поводам. В вопросах политики мы почти не спорим, тут много единомыслия... Оба жаждем полноты бытия». (Цитируется по упомянутой книге Ю. П. Плотникова.)

Жизнь двух ссыльных друзей в Селиванихе, судя по всему, была не очень регламентированной и отнюдь не обделена человеческими радостями — рыбалкой, охотой. 22 марта 1914 года Свердлов пишет к К. А. Эгон-Бессер:

«...Попал я на промысловое место. Добывается здесь песец, лисица, россомаха. Для промысла особых познаний не требуется. Вот мы с приятелем бросили «пометы» на зверей. Через день приходится ходить на голицах за 9—10 верст. Погода чудесная, природа восхитительная, воздух — прелесть.

Кругом остяки, тунгусы, юраки. Есть очень занятные фигуры»[1].

Письма к жене, К. Т. Новгородцевой-Свердловой, более откровенны. 27—29 июня 1914 года Яков Михайлович пишет из Курейки о своем друге Жорже особенно пространно (обычно ему посвящалось несколько слов). Он обеспокоен, и всерьез:

«Несколько дней пробыл с Ж.[1]. С ним дело плохо. Он стал форменным неврастеником и становится мизантропом. При хорошем отношении к людям вообще, к абстрактным людям, он безобразно придирчив к конкретному человеку, с которым ему приходится соприкасаться. В результате — контры со всеми. Конечно, кроме меня, ибо я-то хорошо знаю, какой это хороший парень, какая хорошая душа у него. Пришел к тому выводу, что ему положительно невозможно жить долго вдали от кипучей жизни.

Эта и последующие выдержки взяты из «Избранных произведений» Я М. Свердлова, том I (М., 1957)

[2] Жорж — подпольная кличка Голощекина.

Он портится, создает сам себе невыносимые условия существования.

Скверно, что у него почти нет личных связей, даже меньше, чем у меня. Его угнетает забвение друзей, хотя он и не говорит об этом. Ведь до сих пор ему почти ничего никто не посылает. Пока была его сестра в Питере, было все же лучше. Надо бы перетащить его в лучшее место. Но как это сделать? Пусть это будет тоже дыра, но такая, где ему пришлось бы прилагать усилия просто в «борьбе за существование». Был бы хотя какой-нибудь исход для его энергии... Пока же я просил бы тебя переписываться с ним. Он переносит хорошее отношение ко мне на тебя и ребяток. Просто дружеское письмо в здешних условиях значит очень много. Если можно будет, пошли ему одну-две беллетристические книжки. Хорошо стихотворения. Кроме меня, ему не с кем и просто поговорить, не то что по душам! В то же время у него масса бодрости, оптимизма в вопросах общественных! При мне он получил твое письмо и был зело обрадован. Но довольно о нем.

Часто пишет мне лишь Берта».

Обратим внимание на это последнее имя. Речь идет о Берте Иосифовне Перельман. Будучи членом Московского комитета большевиков в 1903 году, вместе с Я. М. Свердловым и Ф. И. Голощекиным она была арестована по делу московского комитета и сослана в Нарымский край. После революции работала в Самаре и Свердловске. Это была жена Голощекина, которую он оставил в 1911 году с малолетним сыном на руках. Свердлов нередко упоминал ее имя в письмах к жене. 19 января 1914 года он сообщал о том, что Берта Иосифовна «поступила в школу кройки и шитья, через 2-3 месяца сможет зарабатывать. Она ведь когда-то была модисткой, но около 10 лет не работала и все перезабыла».

В сентябре 1914 года Свердлова вновь перевели в Селиваниху. Он поселился с Голощекиным в избе рыбака и охотника Самойлова. 2 октября он пишет жене:

«Месяца два, по всей видимости, проживу вместе с Ж., затем возможен и отъезд обратно в Курейку. ...Пока же говорим, немного и спорим. ...Часто будем ходить в Монастырское за телеграммами, а часто нам сообщают о выдающихся известиях через попутчиков».

На Западе шла кровопролитная война, русские солдаты гибли на фронте... В Селиванихе жизнь не изменилась, но и там свои проблемы.

27 октября 1914 года — жене:

«Живу пока с Ж. ...Не реже раза в неделю я или Ж. бываем в Монастырском...

...В Ж. много будирующего материала. С этой стороны он как бы моложе, менее устал, чем я.

...Езда на собаках все же немного утомляет. А у нас свои две возовые собаки... На таких двух псинах можно ездить и за продуктами, и за водой, и за дровами. В этом году дров не покупаем. Сами режем в лесу и привозим. Поставил я удочку на реке и поймал пока только одну рыбину «тайменя», весом в пуд с лишним... Ходил несколько раз собирать красную смородину. Она теперь замерзла, вкусом вроде клюквы нашей стала, только нежнее, лучше. Так и до вечера доходит, сядешь за книжку, посидишь, да и спать. И никакой такой товарищеской или даже просто интеллигентной среды вне нас двоих нет. Особенно не завидуй, родная...»

16 ноября 1914 года — ей же:

«...Я дошел до полной мозговой спячки....

В первый месяц жизни с Ж. я лишь изредка замечал у себя пробуждение мысли...

Немало содействовала жизнь с Ж. пробуждению. Он человек довольно живой. У него возникает куча вопросов, которые он пытается разрешить беседами... Теоретически я, несомненно, старше, и много вопросов, на которые он только что натолкнулся, уже не привлекают моего внимания. Все же не думай, что так уже хорошо вдвоем, что у нас тут живая товарищеская атмосфера...

Наши разговоры вертятся главным образом вокруг войны... Огромная европейская война... должна провести определенную линию между временем до войны и после нее»

12 января 1915 года — ей же:

«...Второй день я на отдельной квартире. Не думай, что после ссоры с Ж. Ничего похожего. Мы по-прежнему нераздельны. Но отдельные квартиры все же лучше. У нас была общая квартира из двух крошечных комнаток. Заниматься приходилось в одной, ибо вторая, кухня, очень неуютная. Привычки у нас неодинаковые. Он ложится всегда регулярно в 12 часов. Я же и раньше, но обычно часа на два позже. Он не может спать. Я уходил на кухню... Но и это мешало... Частенько заговаривались по нескольку часов... По-прежнему обедаем и ужинаем вместе, и все хозяйство общее, как и раньше».

Вскоре переписка не понадобилась. Клавдия Петровна приехала к мужу, и они поселились в Монастырском,

зажили семьей. «Здоровье его в Селиванихе постепенно улучшилось,— вспоминала она в книге «Яков Михайлович Свердлов» (М., 1976),— хотя и здесь жизнь была не сладка. Продукты стоили невероятно дорого, мизерного пособия едва хватало на полуголодную жизнь... Хлеба, круп, овощей ссыльные почти не имели, не было иного мяса, кроме оленины, не было яиц, муки. Редкостью считалось масло, картошка, молоко. Трудно было достать сахар, соль, спички, табак».

С молоком, да и с маслом чуть позже наладилось: Свердловы обзавелись коровой.

«Неизменно бывали у нас Яков Ефимович Бograd, Борис Иванов, Жорж Голощекин, который вслед за Яковом Михайловичем перебрался из Селиванихи в Монастырское... и др. ссыльные. Часто после серьезных бесед и лекций мы шли всей гурьбой в тайгу... В морозной тиши лились широкие, вольные русские песни или гремели боевые гимны революционного пролетариата той поры, из которых мы особенно любили «Варшавянку», «Красное знамя».

Ссыльных набралось в Монастырском пятнадцать — двадцать человек, и дом Свердловых стал центром их политической учебы. Б. И. Иванову запомнилась встреча нового года:

«Мы — я, Долбешкин, Булатов, Голощекин, Бoград, Яков и Клавдия Свердловы, Валентина Сергушева, Иван Петухов и другие — сегодня встречаем 1916 год. Сегодня Яков Михайлович у нас за главного повара. Сотни три пельменей из оленьего мяса стоят готовые к варке в сенях его дома. Два стола в его комнате накрыты газетной бумагой, и на них аппетитно блестят мороженые омули, оленина. Два чайника с кирпичным чаем готовы...

...Новогоднюю встречу открыл Яков Ефимович Бoград. Он не только старше всех... он доктор философии и математических наук.

— Товарищи!— звучит его бас.— Царь Николай и свора его палачей желали бы заморозить нас в этих туруханских снегах, но мы живы и встречаем этот кровавый военный год полные бодрости и надежды на светлое будущее...»

Краснословен был Яков Ефимович! И для пышного словесного образа, несмотря на почтенный свой возраст и философское звание, маленько привирал. Не мог же он в самом деле думать, что монарх всерьез озабочен

тем, чтобы заморозить в туруханских снегах полтора десятка ссыльных, о существовании которых он наверняка и не подозревал. Да и «свора палачей» на поверку явно не оправдывала злодейского качества, ибо мягкотело дозволяла своим «жертвам» спокойно пировать за праздничным столом. Как показало время, никого из них так и не уморили сибирским холодом. И, трезво рассуждая, с чего было-то терять бодрость в этот «кровавый военный год»? Другим приходилось в те же самые часы мерзнуть в окопах под пулями врагов, а тут сидели себе в теплой избе и попивали чаёк под весьма плотную закуску.

...Обстоятельства сложились таким образом, что не царь Николай II решал вопрос об их жизни и смерти, а несколько наоборот. Через три с половиной года двое из сидевших за праздничным столом определили участь бывшего российского государя и его семьи.

Еще через четырнадцать лет, когда давно наступило «светлое будущее», о коем мечтал Яков Ефимович Боград и его сотрапезники,— тоже зимой, накануне нового, 1933 года, в одном из многочисленных колхозов, носящих имя Я. М. Свердлова, находящемся в семи километрах от г. Аулие-Ата, на земле Казахстана, где полновластно царствовал Ф. И. Голощекин, не осталось в живых почти ни одного человека. Умерли от голода и холода. А казалось бы, южные края — не туруханская земля. В соседнем ауле доходил последний его житель — казахский парень, питавшийся в последние дни человечиной. В голодном безумии он зарезал женщину и перед смертью сознался в этом откуда-то наехавшей комиссии. Мор косил десятки тысяч людей на казахской земле и во многих других областях России, Украины, Узбекистана, Киргизии. А, между прочим, жертвы, голода не были преступниками. Ни уголовными, ни, тем более, политическими. И жили не изгнанниками за тысячи верст от родного дома в приполярной тайге, а на своей собственной земле...

Вспоминал ли он, Голощекин, получая отовсюду сведения про голод и каннибализм, о том, как лепил пельмени тогда, накануне нового 1916 года в далеком сибирском селе Монастырском?...

III

«В конце сентября 1919 года,— в приподнятом тоне начинают В. Н. Александров и Ю. Н. Амиантов юбилейную статью, написанную к 90-летию со дня рождения Ф. И. Голощекина,— в доме № 7 по Моховой улице в Москве, где размещался секретариат ЦК РКП(б), состоялась радостная встреча: старый коммунист Ф. И. Голощекин увиделся со своим сыном-подростком. С начала 1918 года, находясь на ответственной работе на Урале, Ф. И. Голощекин потерял связь с семьей, которая обратилась в ЦК партии с просьбой помочь найти мужа и отца. Сотрудники секретариата ЦК отыскали Голощекина и устроили ему свидание с сыном. Немного времени смог уделить Филипп Исаевич сыну, а затем — новое ответственное задание партии и снова разлука. Жизнь Ф. И. Голощекина не принадлежала ни ему самому, ни семье — она была целиком отдана партии большевиков».

Странное дело: почему Берта Иосифовна Перельман не обратилась ранее к своему старому товарищу по революционному подполью и ссылке в Нарыме Якову Михайловичу Свердлову, которому не однажды писала в Туруханский край? Председатель ВЦИК хорошо знал, где находился с начала 1918 года его близкий друг Жорж, потому как поддерживал с ним регулярную телеграфную связь и принимал у себя дома в Москве... Впрочем, что гадать, должно быть, на то, как разыскивать «мужа и отца», имелись свои причины. (Спустя некоторое время Б. И. Перельман покончила жизнь самоубийством, и Ф. И. Голощекин писал в уральской газете, что у нее хватило сил «красиво уйти из жизни...»)

Но вот кратковременность свидания в доме на Моховой отнюдь не вызывает особого удивления. О чем Филиппу Исаевичу было говорить с сыном, которого он почти не видел и не знал? Не рассказывать же подростку о том, как совсем недавно, год с небольшим назад, он вез из Екатеринбурга в одном из трех тяжелых ящиков заспиртованную голову примерно такого же по возрасту мальчика, среди других заспиртованных голов?..

«О жизни Филиппа Исаевича Голощекина — видного деятеля Коммунистической партии, крупного военного и политического работника, стойкого ленинца — известно пока немного»,— сокрушались исследователи О. А. Васьковский и Е. И. Моисеева в седьмом сборнике «Вопросы истории Урала», изданном в Свердловске в 1967 году.

Между тем именно с этим уральским городом связана у Голощекина одна из самых значительных страниц его жизни. Казалось бы, материал под рукой, однако свердловские историки обходят полным молчанием эту страницу. Как и Александров с Амиантовым. Как и все другие отечественные исследователи — вплоть до последнего времени.

Однако прежде чем перейти к этой странице, вернемся в последнюю дореволюционную пору.

В упоминаемой ранее книге К. Т. Свердловой под одной из фотографий написано: «Свердлов в группе товарищей, возвращающихся из ссылки». Представительные, тепло одетые, в меховых шапках и шубах, упитанные мужчины выжидающе смотрят в объектив. Позы несколько картинные — фотографы тех лет называли себя художниками, и естественно, работали над композицией. Причудливей всех одет Голощекин — он в круглой шапке из пушного зверька и в остяцком меховом тулупчике. Страсть ли к экзотике заставила его выбрать такое одеяние, или сибирские холода? Быть может, и то и другое вместе: накануне фотографирования им с другом пришлось совершить довольно долгий путь.

«В первых числах марта 1917 года,— пишет Клавдия Тимофеевна Свердлова,— до Монастырского дошла радостная весть: царское самодержавие пало...

С отъездом необходимо было спешить. До Красноярска предстояло проехать более тысячи верст на лошадях. Единственной дорогой был Енисей, а он со дня на день мог тронуться в верховодье.

Яков Михайлович не медлил ни минуты. Вместе с Жоржем Голощекиным они моментально собрались и выехали сразу же после получения телеграммы...

...Мела свирепая туруханская метель, однако чуть ли не все население Монастырского высыпало на берег Енисея. Все жали Свердлову и уезжающему с ним Голощекину руки, желали им счастливого пути.

...Ехали они... не вылезая из саней, не желая терять ни минуты. Останавливались на отдельных станках и в селениях лишь затем, чтобы сменить лошадей, просмотреть... свежие... газеты. И проскочили. Хотя и пришлось в конце пути объезжать многочисленные полыньи, ежесекундно рискуя провалиться под лед, но до Енисейска добрались благополучно. Путь в Красноярск, в Россию был открыт!»

15 марта путешественники доехали до Анциферова, где с ними вышел небольшой казус: кончились деньги. Пришли

к волостному комиссару Корфу и предъявили ему удостоверение Енисейского общественного управления, которое в первых словах возвещало: «Ко всем властям и населению свободной России...» Корф выдал им десять рублей, и Свердлов с Голощекиным смогли продолжить дорогу.

20—21 марта они уже участвовали в заседании Красноярского Совета, а на следующий день выехали в Петроград.

«Приехали они 29 марта,— продолжает К. Т. Свердлова,— и прямо с вокзала отправились к сестре Якова Михайловича — Сарочке. Она потом рассказывала мне как неожиданно нагрянул Яков Михайлович...

Не ответив и на десятую долю вопросов, Сарочка вспомнила, что брата надо хоть чем-нибудь накормить с дороги... как вдруг Яков Михайлович схватился за голову.

— Жорж, ой, Жорж! — простонал он.

— Почему Жорж? Какой Жорж?

— Да Голощекин. Я его у дверей оставил, на улице... А ведь прошло уже с полчаса... Сходи лучше ты за ним, а то он меня убьет, непременно убьет. Узнать его очень легко: такой длинный, тощий, с бородкой, усами, в черной шляпе. Словом — Дон-Кихот.

Сарочка быстро вышла на улицу и сразу узнала Голощекина, уныло переминавшегося на тротуаре. Вместе с ним вернулась к себе, напоила Свердлова и Голощекина чаем и повела в Таврический дворец.

Как раз в эти дни... проходило первое совещание представителей Советов наиболее крупных городов России...»

Вскоре после Октября Свердлов стал председателем ВЦИКа, Голощекина послали в Пермь, где он возглавил губком. Вряд ли это назначение обошлось без участия Свердлова, взвалившего на себя массу организаторской работы: ему наверняка был нужен на Урале абсолютно надежный и проверенный человек. Лучше Голощекина кандидатуры не было. Дело в том, что с августа 1917 года в Тобольске под охраной находился бывший царь Николай II с семьей.

...Еще декабристы задумывались о том, как после переворота поступить с царской семьей. Мнения разделились. одни предлагали уничтожить монарха и его близких, другие — выслать их за границу. Большевики, придя к власти, намеревались устроить народный суд над «коронованным палачом», однако ни одного практического шага в этом направлении не было сделано.

До весны 1918 года Романовы довольно свободно жили

в губернаторском доме. Между тем в Тобольск стягивались монархисты, желая организовать их побег. Как пишут Е. Городецкий и Ю. Шарапов в книге «Я. М. Свердлов» (Свердловск, 1981), «городок был наводнен черносотенной литературой, воззваниями Пуришкевича, епископа Гермогена, монархическими листовками». Устроить бегство, по-видимому, было нетрудно, однако «контрреволюционное офицерство» почему-то медлило.

В ноябрьском номере за 1988 год челябинской ежемесячной газеты «Уральская новь» Игорь Непеин приводит свидетельства членов царской свиты, ранее не публиковавшиеся у нас в стране. Так, П. Жильяр, воспитатель царевича Алексея, писал в книге «Император Николай II и его семья» (Вена, 1921):

«Никогда еще обстоятельства не были более благоприятны для бегства, т. к. в Тобольске еще нет представителя большевиков... Было бы достаточно нескольких энергичных людей, которые действовали бы снаружи по определенному плану и решительно».

Т. Мельник-Боткина, дочь царского врача, вспоминала в 1921 году, что солдаты одного из взводов охраны говорили, что в свое дежурство «они дадут их величествам безопасно уехать».

«Еще в период Смольного Свердлов получал из Тобольска... тревожные сообщения...

Во второй половине марта в Москву приехал представитель Уральского областного Совета областной военный комиссар Ф. И. Голощекин,— пишут Е. Городецкий и Ю. Шарапов.— Он информировал Свердлова о положении в Тобольске и рассказал о решении Уральского Совета просить правительство перевести Николая Романова в Екатеринбург. Это разрушит планы контрреволюции и поставит Романовых под надежную охрану рабочих Урала.

Свердлов согласился с предложением Уральского Совета. Президиум ВЦИК санкционировал перевод Николая Романова в Екатеринбург при условии, что областной Совет и лично Голощекин берут на себя всю ответственность за выполнение плана, за охрану Николая Романова вплоть до организации суда над ним...»

Даже по этому небольшому отрывку ясно видно, что авторы явно противоречат себе и ставят вопрос с ног на голову. Яков Михайлович, конечно же, сам внимательно следил за тем, чтобы царь не сбежал, и направлял действия областного военного комиссара Голощекина, а не наоборот. Скорее всего, он и вызвал Филиппа Исаевича в Москву

для того, чтобы получить полный отчет и дать дальнейшие указания. Доказательством этого служит телеграмма, приводимая в статье И. Непеина «После расстрела». Небольшая преамбула. В начале мая 1918 года ВЦИК решил переправить семью Романовых в Екатеринбург и поручил это В. В. Яковлеву (К. А. Мячину). В Екатеринбурге заподозрили Яковлева в измене — и Свердлов телеграфирует Белобородову и Голощекину:

«Все, что делается Яковлевым, является прямым выполнением данного мною приказа. Сообщу подробности специальным курьером. Никаких распоряжений относительно Яковлева не делайте, он действует согласно полученным от меня сегодня в 4 часа утра указаниям. Ничего абсолютно не предпринимайте без нашего согласия, Яковлеву полное доверие. Еще раз никакого вмешательства. Свердлов».

Местные власти не знали всех тонкостей перевода семьи Романовых в Екатеринбург, что лишний раз свидетельствует, кто был дирижером, а кто исполнителем. А троекратное повторение приказа, отданного в 4 часа утра (!), ясно говорит о раздражении местной самодеятельностью...

Николай II записывал в дневнике:

«17 апреля. Прибыли в Екатеринбург. 4 часа простояли у одной станции. Происходило сильное брожение между здешними и нашими комиссарами. В конце концов одолели первые. Поезд пошел до другой товарной станции. Яковлев передал нас здешнему областному комиссару, с которым мы втроем сели в мотор и поехали по пустынным улицам в приготовленный для нас дом Ипатьева...»

Это первая и, по всей видимости, последняя встреча Голощекина с бывшим самодержцем. Функция Филиппа Исаевича — организация, ему незачем личные контакты. Создана верная охрана во главе с чекистом Яковом Михайловичем (Янкелем Хаимовичем) Юровским, которая беспрекословно подчиняется военному комиссару. Уж тут-то бывший угнетатель будет под «надежной охраной рабочих», хотя, конечно, никаких рабочих в охране нет — рабочие на заводах и работают. Но отвезти свою будущую жертву в уготовленную для нее ловушку «Дон-Кихот» не доверил никому.

Кроме жены, Александры Федоровны, в заключении вместе с царем оказалась вся его семья: дочери — Ольга двадцати двух лет, Татьяна двадцати лет, Мария восем-

надцати лет, Анастасия шестнадцати лет и неизлечимо больной сын Алексей четырнадцати лет.

Николай II, не изменяя многолетней привычке, вел дневник (он хранится в Центральном государственном архиве Октябрьской революции):

«...Дом хороший, чистый... Чтобы идти в ванную, нужно проходить мимо часового у дверей караульного помещения. Вокруг дома построен очень высокий дощатый забор в двух саженях от окон. Там стоят пять часовых, в садике тоже...

2 мая. Приближение тюремного режима продолжалось. И выразилось тем, что утром старый маляр закрасил все стекла во всех комнатах известью. Очень похоже на туман, который смотрит в окна. Все время кто-нибудь из комиссаров находился в саду и следил за ним, за нами и за часовыми...

6 мая. Дожил до 50 лет, даже самому странно...»

Царь с дочерьми ежедневно выходил в сад, Алексея выносили на руках — у него болела нога. 16 июля, ничего не подозревая, они прогуливались по саду в последний раз.

В ночь на 17 июля Николая II и его семью расстреляли.

Ф. И. Голощекин, как областной военный комиссар, был непосредственным организатором и руководителем убийства без суда и следствия (впрочем, судить собирались одного Николая Романова, пятерых его детей судить было не за что).

Об этом событии писали у нас крайне мало и, как правило, неохотно, не упоминая никаких деталей расстрела и почему-то затемняя роль организаторов этого акта.

Е. Городецкий, Ю. Шарапов в книге «Я. М. Свердлов» так описывают происшедшее:

«Фронт рядом, Екатеринбург мог продержаться несколько дней.

В ночь на 17 июля собрался Уральский областной исполнительный комитет. Выступил старейший большевик, опытный революционер, комиссар финансов Урала Ф. Сыромолотов и указал, что в сложной ситуации есть один выход — немедленно казнить царя (о жене и детях ничего не сказано — В. М.) и сообщить об этом Советскому правительству.

Предложение Федора Сыромолотова, поддержанное Войковым, Андреевым, Быковым и другими членами Уральского областного Совета, было единодушно принято».

О расстреле царской семьи в этой книге нет ни слова, однако авторы прозрачно намекают на некое особое свое

знание, начиная главу «Последний заговор Романовых» следующим пассажем:

«...Яков Михайлович любил повторять строки пушкинской «Вольности»:

Самовластительный злодей!
Тебя, твой трон я ненавижу.
Твою погибель, смерть детей
С жестокой радостию вижу».

Ни в воспоминаниях жены Свердлова, ни в томе его писем не найдешь ни слова о том, что Яков Михайлович любил именно эти строки Пушкина, однако, быть может, у авторов есть какие-то свои, не известные широкому читателю данные. Как бы то ни было, о роли Голощекина, Белобородова и Юровского, главных действующих лиц расстрела, они странным образом умолчали, даже их имен не привели.

Другой свердловский автор, Яков Лазаревич Резник, в книге «Чекист»— о жизни Я. М. Юровского (Свердловск, 1968) еще более краток:

«В ночь с 16 на 17 июля Яков Юровский, Григорий Никулин, Павел Медведев, Петр Ермаков привели приговор в исполнение».

Между тем для чекиста Юровского, героя его повествования, это был «звездный час» жизни, операция № 1. После он и в гору по службе пошел... О Голощекине вновь ни слова.

М. К. Касвинов в объемистой книге «Двадцать три ступени вниз» (М., 1978) посвящает расстрелу всего строку:

«В час ночи 17 июля все было кончено...»

Г. З. Иоффе в монографии «Великий Октябрь и эпилог царизма» (М., 1987) о моменте казни царя и его семьи не пишет вообще.

Челябинский литератор Игорь Непеин решил пролистать страницы «труднодоступных, а то и вовсе недоступных» для нас книг. Его статья «После расстрела» воссоздает картину расправы в наиболее полном для советского читателя виде.

«Кровавый акт,—пишет он,— совершился в одной из комнат подвального этажа. Она в тупике, дальше идет глухая кладовая без выхода. Единственное окно, обращенное на Вознесенский переулок, и то с двойной рамой, снаружи покрыто железной решеткой, сильно углубленной в землю. Все продумано».

Непеин приводит показания охранников, взятые Н. А. Соколовым, который после захвата белыми Екатеринбурга вел следствие по делу убийства царской семьи.

«**Стрекатин**: «Я должен был дежурить с 12 до 4. Видел, как сверху провели вниз царя, царицу, всех детей. На его глазах комендант Юровский вычитал бумагу и сказал: «Жизнь ваша кончена». Царь не расслышал и переспросил Юровского, а царица и одна из дочерей перекрестились. В это время Юровский выстрелил в царя и убил его на месте...»

Проскуряков: «Спали мы до трех часов. В три часа к нам пришел Медведев и разбудил нас...Привел он нас в нижние комнаты дома Ипатьева. Там были все рабочие-охранники... мыли полы и застилали их опилками. Вечером Юровский сказал Медведеву, что царская семья будет ночью расстреляна. В 12 ночи Юровский стал будить царскую семью, потребовал, чтобы все оделись и сошли в нижние комнаты. По словам Медведева, Юровский так объяснил дело семье: «Ночь будет опасная, и в верхнем этаже находиться будет опасно, может быть стрельба на улице». Встали они в два ряда. Сам Юровский стал читать какую-то бумагу. Государь не дослышал и спросил Юровского: «Что?» А он поднял руку с револьвером и, показывая ему револьвер, ответил: «Вот что». И выпустил две-три пули в государя».

А. А. Якимов: «В два часа ночи к нам на пост приходили Медведев с Добрыкиным и предупредили, что в эту ночь будут расстреливать царя. Впереди шли Юровский и Никулин, за ними Николай Александрович и дочери Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия, а также Боткин, Демидова, Трупп, Харитонов. Наследника нес Николай. Сзади за ним шли Лопатин, Медведев. Когда вошли в комнату, то разместились так: посередине комнаты стоял Николай, рядом с ним на стуле сидел наследник, по правую руку, а справа от наследника стоял доктор Боткин. Юровский сказал: «Николай Александрович. Ваши родственники старались вас спасти, но им это не удалось, и мы вынуждены вас расстрелять». В эту же минуту за словами Юровского раздалось несколько выстрелов. Стреляли исключительно из револьверов. Вслед за первыми выстрелами раздались крики нескольких женских голосов. Первым пал Николай, за ним Алексей. Демидова же металась, закрывалась подушками, была потом приколота штыками. Когда все было кончено, их стали осматривать и некоторых достреливать и докалывать. Из верхних ком-

нат принесли несколько простыней, и убитых стали завертывать в эти простыни и выносить во двор. Из кладовой взяли сукно, положили трупы и сверху закрыли этим сукном».

Большевик Павел Медведев, бывший сапожник, был доверенным лицом Юровского в охране.

16 июля в 7 часов вечера (то есть за несколько часов до заседания Уральского Совета, описанного Е. Городецким и Ю. Шараповым) он уже знал, что ночью будут убивать Романовых: это ему сказал Юровский. Уральские большевики еще не обсудили вопроса и не приняли единодушного решения казнить царя, а Юровский уже сказал начальнику охраны: «Сегодня, Медведев, мы будем расстреливать семейство, все». И велел: предупреди около 10 часов вечера команду, чтобы не тревожилась, если услышит выстрелы.

Медведев показывал:

«Часов в 12 Юровский стал будить царскую семью. Через час они оделись, умылись и вышли из своих комнат. Из верхнего этажа дома они спустились вниз по лестнице. Сам Николай вынес на руках сына. Затем Юровский велел принести три стула. Потом прибыли еще два лица. Одним был Ермаков. В комнате собралось 22 человека: 11 подлежащих расстрелу[1] и 11 с оружием.

Была масса крови, причем кровь была густая, печеночная. Все, за исключением сына царя Алексея, были мертвы. Алексей еще стонал. Юровский два или три раза выстрелил по нем, и тогда тот перестал стонать. У каждого было по нескольку огнестрельных ран в разных местах тела. Лица у всех были залиты кровью, одежда тоже была в крови, Николай и Алексей были одеты в гимнастерки, на головах фуражки. При мне никто из членов царской семьи никаких вопросов не задавал, не причитал, не было ни слез, ни рыданий».

«...В доме Ипатьева творились произвол и беззаконие: бесконтрольное и безответственное распоряжение жизнью и смертью заключенных, в том числе и детей,— продолжает И. Непеин.— Их казнили без места, цели и состава преступления еще на заре Советской власти. Не явилось ли это одним из прологов, что привели потом к массовым казням и репрессиям в 30-е, 40-е, 50-е годы при Сталине?»

---

[1] Вместе с семьей Романовых расстреляли и их слуг: комнатную девушку царицы Демидову, лакея Труппа, повара Тихомирова, а также доктора Боткина.

Однако вряд ли такое важное решение, как расстрел царя и его семьи, могло быть принято «бесконтрольно». Центр, как видно из предыдущего, внимательнейшим образом следил за перемещением и судьбой Романовых, строго-настрого пресекал «местную самодеятельность», и уж, конечно, такой исполнительный и дисциплинированный работник, как Ф. И. Голощекин, не мог пороть никакой отсебятины. По крайней мере, он непременно бы «согласовал вопрос», а не ставил бы правительство перед фактом. Тем более что телеграфная связь все эти дни работала исправно. Должно быть, мы просто не знаем всех подробностей дела, поскольку переписка Москвы и Уралоблисполкома опубликована далеко не полностью.

В «Воспоминаниях о Ленине» Н. К. Крупская пишет об этом событии: «Чехословаки стали подходить к Екатеринбургу, где сидел в заключении Николай II. 16 июля он и его семья были нами расстреляны, чехословакам не удалось спасти его, они взяли Екатеринбург лишь 23 июля». Стало быть, неделя еще была в запасе (о чем, разумеется, тогда не знали, не смея рисковать). Однако охота пуще неволи: если бы уж так хотели судить Николая II, то уж, конечно, вывезли бы его в оставшиеся дни,— сам-то военный комиссар Голощекин и другие вполне благополучно ретировались. Но и попытки эвакуировать царскую семью не было сделано.

И. Непеин коротко пишет о тех, кто персонально отвечает за убийство детей в Ипатьевском доме, совершенно справедливо начиная с Голощекина (перечисляя вехи его биографии, он забыл упомянуть о семи казахстанских годах Филиппа Исаевича):

«Жестокость была в характере Голощекина. Много, много судеб сокрушил он, прежде чем сам оказался в застенках сталинского ГПУ...»

Яков Михайлович Юровский был ровесником Филиппа Исаевича и тоже имел кое-какую медицинскую специальность — окончил фельдшерскую школу. До этого он «...получил весьма скудное образование в томской еврейской школе. Мальчиком поступил к часовщику Перману. В 1892 году открыл в Томске свою мастерскую. Был в Берлине, где принял лютеранство. Вернувшись на родину, открыл часовой магазин. По словам брата Лейбы, был богат... По характеру вкрадчивый, скрытный и жестокий человек, под стать Голощекину. После революции член Уральского областного Совета».

Александр Георгиевич Белобородов (Вайсбарт), 1891

года рождения, стал большевиком в шестнадцать лет. С января 1918 года был председателем исполкома Уральского областного Совета; впоследствии дослужился до поста наркома внутренних дел РСФСР, работал в системе заготовок, в 1938 году осужден и погиб в заключении...

После расстрела в Москву на имя В. И. Ленина и Я. М. Свердлова была отправлена телеграмма:

«...По постановлению президиума областного Совета в ночь на 16-е июля расстрелян Николай Романов. Семья его эвакуирована в надежное место. По этому поводу нами выпускается следующее извещение: «Ввиду приближения контрреволюционных банд к красной столице Урала и возможности того, что коронованный палач избежит народного суда (раскрыт заговор белогвардейцев, пытавшихся похитить его, и найдены компрометирующие документы), президиум областного Совета, исполняя волю революции, постановил расстрелять бывшего царя Н. Романова... В ночь на 16 июля 1918 года приговор приведен в исполнение. Семья Романовых, содержавшаяся вместе с ним под стражей, в интересах общественной безопасности эвакуирована из города Екатеринбурга».

Случайно или нет, но в тексте содержится и ошибка в дате. Однако насчет «эвакуированной семьи» казненного царя члены Уральского областного Совета лгали, сознательно обманывая и правительство, и население «красной столицы Урала».

18 июля заседал Президиум ВЦИК. В протоколе № I запись: «Слушали — сообщение о расстреле Николая Романова (телеграмма из Екатеринбурга)».

В тот же день, как пишут Е. Городецкий и Ю. Шарапов, во время заседания Совнаркома в комнату быстро вошел Свердлов. «Он занял свое обычное место позади Ленина... Когда Н. А. Семашко кончил изложение проекта о здравоохранении, Свердлов наклонился к Ильичу и что-то сказал ему. «Товарищи,— обратился Ленин к собравшимся,— Свердлов просит слова для внеочередного сообщения».

«Я должен сказать,— начал Свердлов,— что только что получено сообщение из Екатеринбурга. Мятежники чехословаки и белогвардейцы подступили к городу. В связи с опасностью для города, по постановлению областного Совета, расстрелян бывший царь Николай Романов. Президиум ВЦИК,— закончил Свердлов,— постановил действия Екатеринбургского Совета одобрить».

На минуту, только на одну минуту люди, сидевшие в небольшом зале Совнаркома, сосредоточили свое внимание на информации Я. М. Свердлова.

«Перейдем теперь к постатейному чтению Положения о Наркомздраве»,— предложил Ленин после сообщения Свердлова.

19 июля бюро печати при ВЦИК распространило информацию о расстреле 16 июля в Екатеринбурге Николая Романова — в полном соответствии с телеграммой Уралоблсовета. Ложь об «эвакуированном семействе» пошла на всю страну.

В книге Н. А. Соколова «Убийство царской семьи» (Берлин, 1925) приводится несколько телеграмм. Первая относится к тому времени, когда, по заданию Голощекина, Юровский возглавил охрану Ипатьевского дома, а сам Филипп Исаевич находился в Москве и жил на квартире Свердлова.

«Москва. Председателю ЦИК Свердлову для Голощекина. Авдеев сменен, его помощник арестован, вместо Авдеева Юровский, внутренний караул заменяется другим»,— сообщал Белобородов.

21 июля бюро печати ВЦИК направляет из Москвы в Екатеринбург телеграмму, составленную двумя днями раньше:

«19 июля. Состоявшемся 18 июля первом заседании Президиума ЦИК Советов председатель Свердлов сообщает полученное прямому проводу сообщение областного Уральского Совета расстреле бывшего царя Николая Романова. Последние дни столице красного Урала Екатеринбургу серьезно угрожала опасность приближения чехословацких банд. В то же время был раскрыт новый заговор контрреволюционеров, имеющих целью вырвать рук Совет. власти коронованного палача. Ввиду этих обстоятельств президиум Уральского областного Совета постановил расстрелять Николая Романова, что было приведено в исполнение 16 июля. Жена, сын отправлены в надежное место. Документы раскрытом заговоре высланы в Москву специальным курьером».

По утверждению Соколова, телеграмма была найдена в здании Уральского областного Совета. Вряд ли он сам ее сочинил, так как она, по сути, повторяет, вплоть до ошибки в дате, первую депешу о расстреле, отправленную из Екатеринбурга в Москву 17 июля.

«Уже 17 июля, после 9 часов,— писал Н. А. Соколов,— Свердлов имел у себя телеграмму иного содержа-

ния. Была изъята из Екатеринбургской телеграфной конторы.

«Москва. Кремль. Секретарю Совнаркома Горбунову с обратной проверкой.

Передайте Свердлову, что все семейство постигла та же участь, что и главу, официально семья погибнет при эвакуации. Белобородов».

Г. З. Иоффе в своей монографии и сомневается в подлинности этой телеграммы, и в то же время допускает, что она может быть подлинной.

«Если допустить подлинность данной телеграммы, то ложь получается сознательной,— пишет И. Непеин (будто бы сознательность лжи не доказывается уже текстом первой депеши, отосланной в Москву).— Для чего это было сделано? Можно предположительно высказать одну мысль. В те времена, времена утверждения социалистической законности, расстрел детей (царских.— В. М.) без суда и следствия был невыгоден центральной власти. Ибо не было большего греха в сознании людей, чем убийство невинных детей».

Резонное предположение, хотя его формулировка и весьма расплывчата, противоречива. Во-первых, непонятно, за что было судить детей? Во-вторых, известно, чем обернулось уже в конце 1918 года «утверждение социалистической законности»— во время «красного террора» без суда и следствия расстреливали тысячи человек. В-третьих, не расстрел был невыгоден центральной власти, а — правда о расстреле; что касается участи невинных детей, то и радикально настроенные декабристы понимали, что прямых наследников престола ни в коем случае нельзя оставлять в живых, ибо монархисты всегда могут взять их под свое знамя.

По-разному относились современники к этой правде о расстреле.

Н. И. Бухарин, к примеру, с издевкой писал в «Злых заметках» о казненных детях царя, «...которые в свое время были немного перестреляны, отжили за ненадобностью свой век» («Правда», 1927, 12 января).

В. В. Маяковский, осмотрев подвал в Ипатьевском доме, написал такие стихи (до 1956 года они не были напечатаны):

Спросите: руку твою протяни —
Казнить или нет человечьи дни?
Не встать мне на повороте.
Я сразу вскину две пятерни:
Я голосую против!..

Мы повернули истории бег.
Старье навсегда провожайте.
Коммунист и человек
Не может быть кровожаден.

Уж на что «талантливейший поэт нашей эпохи» все время шагал левой, но тут вдруг сбился с ноги...

Казалось бы, все благополучно обернулось для Филиппа Исаевича Голощекина и его подручных: и с монаршей семейкой, которая доставляла столько хлопот, вопрос разрешился, и за «самоуправство» не наказали, отдыхай себе. Ан нет!

«19 июля, утром, в саду Коммунистического клуба компания Ермакова вела между собой беседу самого откровенного характера. Скрываться было не перед кем и стесняться некого. Перечисляли, кто был убит, отмечали, что в поясах костюмов были зашиты драгоценности, высказывали мнение, что у мертвых «красоты» не видать. Кто-то поинтересовался: «Как были одеты убитые?» Партин ответил: «Они были все в штанах». «Второй день приходится возиться,— сокрушался Костоуров,— вчера хоронили, сегодня перезахоранивали»,— писал М. К. Дитерихс в книге «Убийство царской семьи и членов дома Романовых на Урале» (Владивосток, 1922).

Оказывается, еще пришлось похлопотать! Снова приведем выдержку из статьи Игоря Непеина:

«Петр Захарович Ермаков, верхнеисетский военный комиссар, был привлечен не для расстрела, а для уничтожения трупов. Это мог сделать только человек, хорошо знающий чащобы в окрестностях города, Юровский их не знал, а вот Ермаков знал и указал такое место: недалеко от деревни Коптяки, в глухом урочище Четырех братьев, к западу от дороги был старый заброшенный рудник с одной-единственной открытой шахтой. С 17 по 19 июля движение по коптяковской дороге было прекращено.

17 июля в аптекарский магазин «Русское общество» в Екатеринбурге явился служащий комиссариата снабжения Зимин и от имени областного комиссара Войкова потребовал от управляющего «без задержек и отговорок» выдать пять пудов серной кислоты. В эти же дни к оцепленному руднику привезли 10—11 пудов бензина. Сейчас, спустя 70 лет, события представляются в следующем порядке. Под покровом ночной темноты 17 июля тела расстрелянных в Ипатьевском доме доставили к урочищу Четырех братьев

и сбросили в открытую шахту. Тем и ограничились на первый случай.

Когда 17 утром об этом узнал Голощекин, он пришел в страшную ярость: задача оказалась не выполненной. Трупы были только захоронены, а не уничтожены, и легко могли стать добычей белогвардейцев, которые уже подходили к городу. Тогда и началась беготня за бензином, серной кислотой и спиртом.

Все это пригодилось 18 июля, когда Голощекин приказал произвести уничтожение тел под своим личным контролем и наблюдением. По мнению следователя Соколова, генерала Дитерихса, английского журналиста Вильтона, дело выглядело так. Тела расстрелянных вытащили из шурфа и положили на глиняную площадку перед шахтой. Сюда же доставили бензин, кислоту и спирт. Голощекин приказал отделить головы членов царской семьи. Найденные следствием кусочки шейных шнурков и цепочек носят следы порезов, что легко могло произойти при отделении голов от туловища режущим или рубящим орудием. Наконец, зубы горят хуже всего, но при всей тщательности розысков нигде — ни в костюмах, ни в почве, ни в засыпке шахты — ни одного зуба не найдено. По мнению следственной комиссии, головы царя и его семьи были заспиртованы, упакованы в деревянные ящики и отвезены Голощекиным в Москву в качестве безусловного доказательства содеянного.

Затем приступили к главной цели — уничтожению трупов. Их стали рубить топорами. (Следствием были найдены обожженные кости и драгоценности со следами порубки и раздробленные драгоценные камни.) Оставшееся обливали бензином, кислотой и сжигали. (Опись найденных драгоценностей, составленная следствием, включает десятки номеров. Один пример: «№ 45. Драгоценный крест — платина, осыпанная изумрудами, бриллиантами, жемчугом. Крест — подарок Николая Александре по случаю рождения одной из дочерей».)

После этого Ф. И. Голощекин выехал из Екатеринбурга в отдельном салон-вагоне поздно вечером 19 июля и направился прямо в Москву. Он вез с собою три очень тяжелых ящика...»

...В июне 1930 года, будучи в Алма-Ате, Голощекин выступал с отчетным докладом крайкома Седьмой Всеказахстанской конференции. К тому времени первая волна коллективизации и перегибов вызвала по всему Казахстану народные восстания, и первый секретарь осуждал «ан-

тисоветские выступления... массового характера»:

«Характерно... что во главе их стояли исключительно полуфеодалы, ишаны и духовенство. Провокация, которой они брали аул, состояла в том, что они говорили: Советская власть свергнута англичанами, поляками и китайцами; что уже во главе стоит сын Николая II с двумя помощниками: Керенским и Троцким...»

Согласно стенограмме, в зале раздался смех.

Уж кто-кто, а докладчик знал, какая судьба постигла царского сына.

А вот делегаты конференции — знали ли они, что Голощекин был одним из основных организаторов убийства царя и его семьи?

Недавно я спросил об этом казахского писателя Галыма Хакимовича Ахмедова, члена партии с 1926 года.

— Знали, как же не знать... — ответил Галым Хакимович.— С того самого времени, как он появился у нас в Казахстане, знали...

IV

Историки не слишком внятно сообщают о том, каким образом Голощекин оказался в Казахстане — и сразу в первой роли. Так, «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана» (1963 г.) обходятся одной фразой: «Центральный Комитет направил в Казахстан группу руководящих партийных и советских работников во главе со старым большевиком, известным партийным деятелем Ф. И. Голощекиным, который был избран первым секретарем крайкома партии». Противоречивая формулировка: где, когда и кто избирал «направленного» в Казахстан Филиппа Исаевича первым секретарем — понять невозможно. Сборник «Под знаменем ленинских идей» также немногословен: «В отчетном докладе краевого комитета РКП(б), с которым выступил направленный ЦК РКП(б) на партийную работу в Казахстан старый большевик Ф. И. Голощекин, обращалось внимание...»

Проще говоря, Филиппа Исаевича в первые секретари никто не избирал, тем более казахстанские коммунисты. Он был н а з н а ч е н на эту должность. Обычное дело для тех времен, и не слишком редкое — для нынешних. Орграспред при секретариате ЦК РКП(б) еще в 1923 году «направил на работу на периферию более 10 тысяч человек, в том числе около половины ответственных работников. Партийные лидеры, таким образом, стали расти не на

местах, не в гуще событий, а в аппарате» («Огонек», 1989, № 1). Во главе орграспреда Сталин поставил Лазаря Моисеевича Кагановича, того самого, который несколькими годами позже будет координировать руководство коллективизацией сельского хозяйства. И новая «кузница кадров», которые, как известно, «решают все», заработала. Ее основополагающим принципом стала сформулированная Сталиным на XII съезде РКП(б) следующая задача: «...необходимо подобрать работников так, чтобы на постах стояли люди, умеющие осуществлять директивы, могущие понять директивы, могущие принять эти директивы, как свои родные, и умеющие проводить их в жизнь». За два года орграспред произвел 8761 назначение, из них 1222 — в партийные органы. «К 1927 году Сталин уже имеет собственную, верную номенклатуру,— пишет В. Костиков в том же номере «Огонька».— Директивы теперь могли идти, не встречая никаких преград. На всем пути были послушные исполнители».

Вот такой и с п о л н и т е л ь и появился в Казахстане осенью 1925 года.

Партийная демократия «восторжествовала» несколько позже — в декабре, когда на Пятой Всеказахстанской конференции РКП(б) назначенного сверху лидера местные коммунисты послушно избрали своим руководителем.

К тому времени Казахстан чуть-чуть оправился от разрушительных последствий гражданской войны и голода 1921—1922 годов. Валовый сбор зерна в 1925 году составил 92 миллиона пудов и приблизился к довоенному уровню; восстанавливалось подорванное лихолетьем животноводство: общее поголовье скота было доведено до 26 миллионов — почти вдвое больше, чем в 1922 году (однако меньше того, что было до войны). В четыре с лишним раза по сравнению с 1923 годом возрос товарооборот, Казахстан активно торговал с заграницей. В сельском хозяйстве развивалось кооперативное движение, на 1 октября 1925 года действовало 2811 различных кооперативов, в которых состояло более 320 тысяч человек; в более чем тысяче казахских кооперативов работали 62546 человек. Короче, жизнь степняков, немало потерпевших от гражданской войны (в 1918 году голодало 1,2 миллиона человек, в 1922 году — 2 миллиона; тысячи детей стали беспризорными), постепенно налаживалась, и крайком партии в 1925 году отмечал: «Наблюдается уменьшение в абсолютных цифрах и процентном отношении бедняцких хозяйств, увеличение середняцких».

1 декабря 1925 года в Деловом клубе Кзыл-Орды открылась Пятая Всеказахстанская конференция. Делегатов приветствовал прибывший из Москвы член ЦКК тов. Петерс. Он заявил, что «...наступает практически тот момент, о котором тов. Ленин говорил: «Каждая кухарка в нашей стране должна научиться управлять государством». Это не шутка...» («Советская степь», 1925, 3 декабря). Потом выступил первый секретарь крайкома.

Это первое пространное выступление Голощекина в Казахстане, своеобразная его «тронная речь», где в общих чертах намечены основы дальнейшей политики, и потому оно заслуживает особого внимания.

Не прошло и двух с половиной месяцев пребывания Голощекина на казахской земле, как он установил, что «...в ауле действительно Советской власти нет, есть господство бая, господство рода»[1]. Самое любопытное, что кабинет свой Филипп Исаевич не покидал и ни один из аулов не посетил,— он и в дальнейшем, как впоследствии свидетельствовал ближайший его сподвижник Ураз Исаев, ни разу не побывал в обыкновенном казахском ауле.

Чтобы доказать вышеприведенное бесспорное для него положение, Голощекин прибегнул к надежному приему. Он зачитал делегатам конференции письмо, с которым год назад ЦК партии обратился к большевикам Казахстана:

«Киргизская организация... находилась в особых условиях, затрудняющих работу. Обширность территории, слабая населенность, отсутствие удобных средств сообщения, отсталость крестьянских хозяйств... почти полная безграмотность населения и т. п., все это создавало большие трудности в деле социалистического строительства...

Теперь, с объединением киргизских территорий в единую республику, ...трудности... увеличиваются...

ЦК, учитывая, что в Кирреспублике Советы находятся в особо тяжелом положении и фактически в аулах Советов нет, считает необходимым принять все меры к действительному созданию Советской власти в аулах и кишлаках...»[2].

— Год прошел, свежо ли это письмо? — обратился докладчик в зал.

— Свежо! — откликнулся чей-то голос.

Этого было достаточно: сила авторитетного мнения

---

[1] «Советская степь», 1925, 4 декабря.

[2] Отчет Казкрайкома РКП(б) 5-й Всеказахстанской конференции РКП(б), Кзыл-Орда, 1926.

сработала. Восемь лет прошло после Октября, и тут вдруг выяснилось, что Советской власти в ауле нет.

Таким образом Голощекин не только поставил крест на восьмилетней работе казахстанских коммунистов, но и подложил «теоретическую подкладку» под необходимость крайних мер.

Что же, надо заново делать революцию? Надо — считает докладчик.

Сначала он в эпических тонах определяет работу крайкома — и, разумеется, в первую очередь свою работу — как «собирание земли казахской» (заметим, что этот летописный оборот ему вовсе не свойствен: в докладах и выступлениях Голощекина живая речь частенько приближается к местечковому жаргону). Романтически вознеся свою личность поверх климатических и бытовых трудностей, он заговаривает ни много ни мало, как о революции:

«Когда я говорю: «столица — Кзыл-Орда», я чувствую, что у очень и очень многих, вероятно, появляется как будто улыбка. Если бы вы приехали не в это время, а приехали бы пару месяцев раньше, то не просто улыбка была бы, а горькая улыбка — от песку, от пыли. Если вы приглядитесь, то тут недочетов, недостатков уйма; но, товарищи, кто когда делал революцию (разрядка моя — В. М.) в беленьких перчатках? Кто, какой класс может создать революцию, не идя на жертвы?..»

О какой революции идет речь на девятом году Советской власти? На какие жертвы должен идти народ, едва-едва заживший мирной жизнью? Об этом пока прямо не говорится, однако намеки сделаны, направление задано.

«...Очень хорошо было бы, если бы нам предоставили очень большой культурный, благоустроенный город, это было бы великолепно, но в том-то и чудо и дерзость наша,— продолжает докладчик,— что мы решаемся и работаем над созданием столицы именно в Кзыл-Орде, в гуще казахской массы» [1].

Заклеймив «самые древние формы кочевья» и «самые отсталые формы товарообмена», Голощекин выдвинул лозунг — «Советизация аула». В его понимании это «единая форма организации отсталой казахской нации». Так сказано в отчете крайкома. В докладе, напечатанном газетой «Советская степь» 3—4 декабря, лозунг толкуется гораздо полнее:

«Сказать, что в Казахстане нет Советской власти,—

---

[1] «Советская степь», 1925, 3 декабря.

неверно. Есть Советская власть здесь, но если поставить шире вопрос о советизации Казахстана как об организации масс, как вопрос формы, в которой происходит, если хотите, национальное самоопределение, формы, в которой можно провести культурно-политический рост, формы, создающей экономическое освобождение, формы, высвобождающей из-под эксплуатации, то мы должны сказать, что у нас есть огромные недостатки».

Дальше как раз следовали слова о том, что в ауле Советской власти нет, а есть господство бая...

Голощекин не слишком старался обосновать свое утверждение, для этого ему вполне хватило мнения «одного ответработника-казаха, очевидно, знающего аульную действительность». Тот якобы заверял, что низовой соваппарат переродился в орган родового угнетения и эксплуатации и то же самое творится и в хозяйственных учреждениях.

На первый взгляд, парадокс: Советская власть в Казахстане есть, но ее как бы одновременно и нет, и потому республику надо «советизировать». Однако Голощекин нисколько не чувствует противоречивости своих выводов, для него очевидно, что раскинувшаяся на огромной территории республика, по сути, не затронута Октябрем. Он явно ощущает себя мессией, вождем, призванным устроить здесь, в Казахстане, революцию, этакий малый Октябрь.

Вскоре его идея, подхваченная местными исполнителями, пойдет гулять по степи, словно вихрь, набирающий силу и скорость, черный, опустошительный вихрь.

Очень быстро разобрался Голощекин и с «уклонами»:

«Есть ли внутри нашей партии националистический уклон? Есть. Первый уклон, самый вредный, великорусский шовинизм. Я заключаю это по докладам некоторых губкомов... Другой уклон у казахов — тоже националистический, где влияет Алаш-Орда, также очень сильная... Казалось бы, обе стороны виноваты, объективный ответ говорит иначе: виноваты раньше всего европейские коммунисты, ибо к ним недоверие естественно историческое, их задача разрешить эту сторону, добиться доверия...»

Главарей самого вредного уклона докладчик не назвал, как и вождей «казахского националистического уклона». Зато о последних намекнул, тут же перечислив поименно тех, кто якобы всю деятельность свел к борьбе группировок. По странному совпадению, «грешниками» оказались все виднейшие казахские коммунисты: У. Джандосов, Н. Нурмаков, С. Садвокасов, С. Ходжанов, С. Мендешев, Т. Рыскулов, Н. Тюрекулов.

И опять-таки никаких доказательств ему не потребовалось, опять хватило одного безымянного свидетельства:

«Доходит до того, что когда я спросил о д н о г о т о в а р и щ а (разрядка моя — В. М.): — Скажите, пожалуйста, проводятся ли в вашей губернии резолюции ЦК и крайкома? — он задумался и говорит: — Знаете, вот резолюция ЦК, резолюция краевого комитета. Это общие директивы, а проводим то, что пишет какой-то товарищ.

...Для группировочной борьбы не стесняются пользоваться судом и милицией. Нужно вовремя арестовать — арестовывают. Нужно — пишут заявление за подписью десяти свидетелей, заведут дело. Вот до чего доходят».

Пройдет совсем немного времени, и почти всех «вождей» группировок Филипп Исаевич обвинит в местном национализме. Однако цель его была видна сразу: устранить опасных соперников. И для этого нет лучшего средства, чем навесить политический ярлык на влиятельного «национала»— других же соперников у него и не было, потому в дальнейшие годы так и не появилось в его речах ни одного имени, скажем, «вождя» великодержавного шовинизма.

Торопливость, с которой Голощекин обнаружил первых своих врагов, говорит о том, что он решил сразу же использовать преимущества своего назначения, могучей поддержки сверху. Он хотел ошеломить противника, то есть всякого, кто имеет собственное мнение и волю его отстаивать. Он сразу же собирался пресечь любое неповиновение своему диктату. Он не желал кого-то там слушать и считаться с чьим-то мнением. Ему нужны были исполнители. Послушные, угодливые исполнители.

По-видимому, тогда же Голощекин задумал расправиться и с духовными вождями народа — казахской интеллигенцией. Поначалу он был довольно осторожен в оценках, имен не называл и даже старался выказать беспристрастность и объективность в суждениях:

«...Тут... мы имеем два уклона. Один уклон — выступают вообще (непонятно кто — В. М.) против этой интеллигенции за ее националистические уклоны... тут левое ребячество... Если мы без разбора будем говорить против казинтеллигенции и постоянно тыкать ее за прошлые и настоящие грехи, не привлекая ее к нашему строительству, не нивелируя ее, то, идя против казахской интеллигенции, мы тем самым идем за русской интеллигенцией, то есть выходя из одной двери, попадаем в другую и льем воду на великорусский шовинизм. Сплошное отри-

цание, сплошное охаивание казинтеллигенции — неверно, но неверен и другой уклон — полное слияние с этой интеллигенцией, когда грань между коммунистами и беспартийными стирается, когда интеллигенция Алаш-Орды влияет идеологически больше, чем коммунисты...»

В этой неряшливой директивной казуистике, обляпанной ярлыками вульгарного политиканства, пожалуй, больше всего поражает бесцеремонное указание — нивелировать интеллигенцию, то есть свести ее к какому-то усредненному уровню, лишить индивидуальности, всяческих особенностей и различий. При всей нелепости желания сработать всех по одной колодке ясно, что операция духовного гильотинирования срежет головы самым высоким. Разумеется, Голощекина это нисколько не смущает, напротив, это кажется ему вполне естественным и необходимым. Он повторяет:

«...нужно ее (казахскую интеллигенцию) привлечь к деловой работе, нужно ее нивелировать, но это не исключает (!) борьбы с буржуазно-националистической идеологией».

Он предупреждает делегатов конференции, что там, где стоит вопрос об идеологическом влиянии и руководстве,— за версту подальше следует держаться от казахских интеллигентов. Таким образом, они должны быть отстранены от любой мало-мальски значительной культурной и общественной деятельности, им отводится лишь техническая и хозяйственная работа. Пока Филипп Исаевич говорит общо, пока он не указывает пальцем на конкретных врагов. Это ему еще предстоит сделать.

И вот, обозначив ориентиры предстоящей борьбы, он заканчивает свой доклад призывом:

— Давайте объединимся вокруг ЦК и совершим величайшую задачу освобождения трудящихся масс, в частности, трудящихся масс казахской нации.

Бурные аплодисменты...

V

«Освобождение» началось сразу и шло, неуклонно набирая силу, хотя «трудящиеся массы» вряд ли понимали, от кого и от чего их решили освободить и так ли уж они нуждаются в этой «свободе».

...А местные газеты еще не совсем разучились шутить, и рядом с требовательными заголовками вроде: «Язва хулиганства должна быть выжжена» или «Больше суро-

вости, меньше милосердия»— позволяли себе такие коленца, разоблачая безымянное начальство:

«РАБОЧАЯ ЖИЗНЬ»

Письмо лошади

...Ни днем, ни ночью нет покою —
Гони туда, гони сюда...
Да где же видано такое?
Без всяких кодексов труда.
...Меня гоняют, да и кучер
Как будто лошади сродни:
Ночными гонками замучен,
А сверхурочных ни-ни-ни.
Пишу поэтому в газету
И за себя и за него.
Не откажите. С конприветом
Иго-го-го.

С лошадиного на газетный перевел НИКОЛА». («Советская степь», 1925, 25 декабря.)

В гостеатре Кзыл-Орды, вслед за новой пьесой А. В. Луначарского «Яд», с участием хора цыган, шла историческая пьеса Н. Лернера «Правительница Руси» в постановке В. Е. Черноблер.

На радость читателям рос отряд рабселькоров, и теперь вместе с парткором № 14 писали заметки Шплинт, Молот, Янус, Нетрэль, Красный, № 1093, Зуда, Паровоз, Днестровский, Трактор и Хмурый.

«Женщина-казашка еще раба» — возвещала шапка первой полосы, и все граждане призывались готовиться к проведению «Дня отмены калыма». Тем временем свободная от рабства товарка порабощенных женщин Востока, по фамилии Дубкова, сочиняла для газеты злободневные частушки:

«Бросила богов я в печку
Да взялась за книжку,
В школу светлу отошлю
Своего парнишку.

Клуб, что жук весной,
И горит огнями.
Не боюсь теперь попа,
Что пугал чертями.

Как пошла в избу-читальню
Почитать газетку,
Там про наше кулачье
Я нашла заметку.

Гей, крестьяне-бедняки,
Все берись за книжку.
Подойдут все кулаки
Под советску стрижку».

Судя по страницам «Советской степи» тех дней, город Кзыл-Орда, да и мир вокруг, кипели событиями. Русско-азиатская столовая товарищества «Ташкент» завлекала посетителей «крепкими напитками»; саранчовая опасность угрожала Джетысу; в Муссолини разрядила револьвер пожилая женщина, пробив ему нос; ленинградское объединение «Гигиена» рекламировало презервативы пяти размеров «из донной лучшей резины»; невольниц шариата пробуждали лозунгом к 8 марта: «Пусть красная косынка комсомолки заменит чадру!»; и один из жителей столицы Казахстана гневно, по-толстовски восклицал: «Не могу молчать!», повествуя в своей заметке «Весенний вопль» о том, что «уличные собаки дохнут не в указанном месте. Трупы их валяются на улицах и не убираются». (Пройдет каких-то шесть-семь лет, и на тех же улицах Кзыл-Орды, как и на улицах других городов, включая новую столицу — Алма-Ату, будут валяться трупы людей, тоже, по несчастью, умерших «не в указанном месте», но не найдется уже в газете ни строки об этом — впрочем, быть может, никто их не писал, таких заметок, сделав для себя открытие отнюдь не толстовское: «Могу молчать».)

Между тем к аулу приближался легкий, едва различимый в воздухе клубок мельчайшей пыльной взвеси...

20 января 1926 года республиканская газета напечатала передовую «Помощь оседающим казахским хозяйствам». Заклеймив политику колонизации степи, которая лишила казахов почти всех приречных пойменных сенокосов, лучших зимовок и летовок, автор повторял вывод, к которому пришла недавняя партконференция: казахское скотоводческое хозяйство в катастрофическом упадке, кризис его непреодолим. Казалось, следовало бы вернуть кочевникам отобранные земли и тем самым поправить дела в скотоводстве (которое было куда как более подорвано военным коммунизмом и гражданской войной, нежели столыпинской реформой, и теперь быстро восстанавливалось), однако, по мнению руководства, спасение в другом:

«Процесс оседания конференция предлагает начать немедленно!»

Веками кочевавшим людям предлагалось одним махом переменить образ жизни и перейти на оседлость.

Чтобы привлечь казахов к земледелию, Совнарком РСФСР освобождал кочевые и полукочевые хозяйства от единого сельхозналога сроком на пять лет.

«Об этом законодательном акте завтра узнает вся степь — каждый кишлак, каждый кочующий аул»,— восклицала газета.

«Кто установил и на каком основании, что казахский народ должен перейти и перейдет в оседлое земледельческое состояние?— писал Турар Рыскулов 19 апреля в той же газете.— Тенденция развития в эту сторону будет, но завершится в далеком будущем, а пока естественные условия и возможности развития говорят об иных соотношениях. Говорить, обобщая, о переходе от скотоводства (думая, что все казахи исключительно занимаются скотоводством) к земледелию — это выражать свое полное незнание современной казахской обстановки».

Формально Т. Рыскулов спорил с М. Брудным, который напечатал неделей раньше статью о казахском пролетариате, но по существу он, конечно, отвечал сторонникам теории «немедленного оседания», ясно понимая, что подобная кампанейщина, не подготовленная никакой предварительной работой, к добру не приведет.

М. Брудный писал о том, что экономическое развитие Казахстана, разлагая аул, несет огромным массам людей нищету и что, дескать, это неизбежные издержки, зато в результате распада рода образуется «фермент нации» — местный пролетариат. Без собственного пролетариата (который, кстати говоря, имелся) казахи вроде бы стать нацией не могли... Не отвечая на эту более чем странную теорию, по которой выходило, что развитие экономики несет разорение кочевникам, Рыскулов связывал рост казахской промышленности с успехами в скотоводстве и земледелии. Он видел будущее местной индустрии в расширении обрабатывающей и добывающей отраслей.

Филиппа Исаевича Голощекина такие воззрения не устраивали — они были отличны от его представлений. Вскоре он дал открытый бой «ослушникам». Поскольку Т. Рыскулов к тому времени работал уже в Москве заместителем председателя Совнаркома РСФСР, а другой крупный противник — С. Ходжанов — еще ранее был разгромлен как «национал-уклонист», главный удар пришелся по

человеку примерно таких же позиций Смагулу Садвокасову[1]. На III пленуме Казкрайкома, состоявшемся в конце ноября 1926 года, Голощекин говорил:

«Мы расходимся с тов. Садвокасовым именно в вопросе Октября. В то же время, когда я утверждаю, что в нашем ауле нужно пройтись с маленьким Октябрем, вы против всякого Октября. А разве земельная реформа, которую мы сейчас проводим, не есть Октябрь?..»

«А я разве против земельной реформы?»— бросил реплику С. Садвокасов. Филипп Исаевич не обратил на нее внимания, он не привык отвечать по существу и не позволял, чтобы его сбивали с мысли.

«Экономические условия в ауле надо изменить. Мы стоим на той точке зрения, что уже существующие, назревающие, развивающиеся классовые взаимоотношения не нужно затушевывать, а нужно помочь бедноте в классовой борьбе против бая, и, если это гражданская война, мы за нее».

Что-что, а гражданскую войну Голощекин любил, в этом можно не сомневаться. Там не надо было разводить словопрений, там решал «товарищ маузер». Филипп Исаевич остался в глазах историков как крупный военный работник. И действительно, заслуги у него есть: в Екатеринбурге он «сколачивал отряды рабочих» и направлял их в бой против белых банд атамана Дутова, позже руководил партизанским движением. Правда, самому Филиппу Исаевичу не довелось участвовать непосредственно в боях, слишком много было организационной работы. Словно чувствуя этот пробел, он писал в 1920 году в ЦК: «Я просил не давать мне ответственного поста, предоставить мне возможность идти на фронт в качестве рядового красноармейца»[2]. Между тем гражданская война была на исходе, и 44-летнему организатору, увы, такой возможности не предоставили, а дали очередной ответственный пост. Так и не пришлось повоевать...

Итак, первый секретарь крайкома был не прочь превратить классовую борьбу против бая — при необходимости — в гражданскую войну. До предела обостряя полемику, он отвечал таким образом С. Садвокасову, который в мае 1926 года на II пленуме крайкома говорил о том, что

---

[1] Фамилия С. Садвакасова здесь и далее дается в тогдашнем написании.

[2] См. В. Н. Александров, Ю. Н. Амиантов. «Филипп Исаевич Голощекин», «Вопросы истории КПСС», 1966, № 8.

в крестьянском вопросе «должен быть лозунг не гражданской войны, а гражданского мира», и предупреждал, что «без этого мы поведем наше хозяйство к развалу».

* * *

Еще на Пятой конференции Смагула Садвокасова, наркома просвещения, обвинили в «национал-уклонизме». В дальнейшем именно на этого человека направили главный удар партийной критики. Термин «садвокасовщина» не сходил с газетных страниц добрых пять лет, если не больше, и даже потом, когда Садвокасов был вынужден покинуть пределы Казахстана и умер в Москве, его имя еще склоняли. Что же это за такой опасный «уклон»—«садвокасовщина»?

Обратимся сначала к историкам партии.

Судя по «Очеркам истории Коммунистической партии Казахстана», борьба с национал-уклонизмом по-настоящему развернулась с прибытием в республику Голощекина. О Пятой конференции, где он впервые делал доклад, говорится:

«Конференция решительно осудила группировочную борьбу, которую разжигали национал-уклонисты С. Ходжанов, С. Садвокасов и другие. Они нарушали устав партии и нормы партийной жизни, устраивали совещания «на дому», за спиной партийных органов, использовали для группировочной борьбы судебно-следственные органы, протаскивали в ряды партии чуждые элементы. Делегаты вскрыли факты, когда национал-уклонисты втягивали в группировочную борьбу комсомольцев и молодежь.

Коммунисты Казахстана нанесли сокрушительный удар по антимарксистской «теории» националистов о господстве в казахском ауле «родового начала», «родового демократизма», об отсутствии в ауле классовой борьбы.

Решительно осудив антипартийную деятельность национал-уклонистов и указав на опасность, которую групповщина представляла для укрепления партийной организации, конференция поручила крайкому и контрольной комиссии пресекать любые попытки насаждения группировок, не останавливаясь перед применением исключительных мер воздействия к членам партии, ведущим группировочную борьбу, в особенности когда в нее втягиваются низовые организации и комсомол. Эти решения конференции сыграли важную роль в дальнейшем укреплении краевой партий-

ной организации, в идейном и организационном разгроме национал-уклонизма» (с. 242).

Через год, 25—30 ноября 1926 года, состоялся Третий пленум крайкома. Он «вскрыл классовую сущность националистических группировок в казахской партийной организации, отражавших взгляды и интересы капиталистических элементов в городе и байства в ауле. Под личиной защиты интересов казахского народа националистические группировки выступали против социалистических преобразований, против ленинской национальной политики Коммунистической партии. На протяжении длительного периода они вели то открытую, то скрытую борьбу против ленинской линии партии, используя при этом грязные средства — клевету, склоки, дискредитацию и подрыв авторитета органов Советской власти, спекулировали на временных трудностях в жизни партии и страны, нарочито замалчивали достижения социалистического строительства в республике.

Одну из этих группировок возглавлял С. Садвокасов, занимавший в 20-х годах ряд ответственных постов в республике. Группировка С. Садвокасова, выдавая баев за мирных тружеников аула, выступала против их ограничения и вытеснения. Она противодействовала ломке остатков дореволюционных социально-экономических отношений в ауле, переустройству его на социалистических началах. Садвокасов, ратуя за «гражданский мир» в ауле, прямо заявлял, что «не надо экспроприировать бая», что можно перевести аул на рельсы социалистического строительства, не нарушая существующих дореволюционных социально-экономических отношений. Садвокасовцы мешали также проведению мероприятий по землеустройству, выступали против переселения в Казахстан русских и украинских крестьян из других районов страны. Во всем этом они смыкались с буржуазными националистами — алашординцами» (с. 259).

Примерно то же самое и теми же словами написано и в сборнике «Под знаменем ленинских идей» (Алма-Ата, 1973), изданном Институтом истории партии при ЦК КП Казахстана (что, в общем, неудивительно, поскольку автор соответствующих разделов один и тот же — академик С. Б. Баишев).

...Теперь, когда мы пристальнее, чем прежде, вглядываемся в нашу историю, становятся очевиднее беды, принесенные гражданской войной с крестьянством. Многочисленные данные свидетельствуют, что не столько военные действия в 1918—1921 годах, сколько практика

военного коммунизма на селе развалила хозяйство и вызвала невиданный голод в стране. В июне 1918 года в России были созданы комитеты бедноты — комбеды, с помощью которых у богатых крестьян отобрали 50 миллионов гектаров земли, то есть примерно треть тогдашних сельскохозяйственных угодий. Фактически тогда же, во времена первой коллективизации, а не на рубеже двадцатых — тридцатых годов, материальная база так называемого кулацкого хозяйства была разрушена и кулачество «ликвидировано». Регулярные воинские части сражались в полную силу, подавляя крестьянские восстания. О размахе повстанческого крестьянского движения говорит то, что в Тамбовской губернии почти треть взрослого населения ушла в армию Антонова и составила 18 хорошо вооруженных полков. Войска Тухачевского в кровопролитных боях с большим трудом сломили их сопротивление.

«Россия 1922 года это Бангладеш 1972 года»,— писал в 1975 году французский историк Ж. Элленштейн. В зиму 1921—1922 годов от голода страдали 25 миллионов человек. Люди ели желуди, траву, кору деревьев, дохлятину, нередки были случаи каннибализма. Миллионы безумных голодных людей бродили по дорогам. По различным данным, в стране от голодной смерти погибло от 5 до 8 миллионов человек. Нищета и голод вызывали эпидемии тифа и холеры. С 1917 по 1922 год зарегистрировано 22 миллиона случаев тифа, 2 миллиона человек скончались. В первую мировую войну число погибших россиян составило 2,5 миллиона человек, в годы гражданской войны погиб 1 миллион человек, от различных эпидемий умерло 3 миллиона. А всего, разумеется, по приблизительным данным, в 1918—1922 годах население нашей страны сократилось на 15 с лишним миллионов человек. Если вычесть из этой цифры 2 миллиона людей, покинувших Россию после революции, то остальные 13 миллионов скосила смерть — от голода, болезни или пули собрата.

Так ли уж удивительно, что «национал-уклонист» Смагул Садвокасов высказывался в 1925 году за гражданский мир в казахском ауле? Наверное, ему хорошо было известно, что принесла крестьянской России политика военного коммунизма вкупе с гражданской войной. Между тем Ф. И. Голощекин утверждал: кочевники, которые не познали благотворной деятельности комбедов, никак не вправе считать, что Октябрь коснулся аула. И стоит ли поражаться тому, что в 1923 году, на Третьей партконференции Садвокасов говорил:

«В настоящее время страна (читай: аул,— комментировал его оппонент Ураз Исаев) ждет вовсе не потрясений, а творческой и мирной работы, и ее спасет не новая экспроприация, а труд и наука», а в 1926 году на Втором пленуме крайкома, после громогласных заявлений Голощекина, выражал свое беспокойство:

«Я физически сталкиваюсь с некоторыми людьми и с тревогой смотрю на наше положение, потому что среди нас начинают раздаваться голоса, что следовало бы проехаться Октябрем по аулу (читай: по баям,— комментировал У. Исаев), считаю, что кроме демагогии ничего полезного это дать не может».

Даже по этим сопроводительным замечаниям Ураза Исаева, сделанным в его статье («Советская степь», 1928, 26 февраля), видно, подо что подгонялись мысли товарища по партии, который только-то и всего, что остерегал своих соратников — не рубить сплеча: мысли Садвокасова явно передернуты. Он считал казахский аул в основном середняцким, то есть и тревожился главным образом за середняка, говоря шире — за весь казахский народ. (Смагул Садвокасов был прав: специальная комиссия Совнаркома РСФСР в 1925 году подсчитала, что на селе 64,7 процента середняков, 24 процента бедняков и 6,9 процента кулаков. Вряд ли данные по Казахстану сильно расходились с этими цифрами.)

Но что, если и вправду С. Садвокасов защищал от экспроприации бая? К этому вопросу мы обратимся позднее, а пока продолжим разговор о политических спорах того времени.

На Третьем пленуме крайкома, где разгорелась полемика Голощекина с Садвокасовым, докладчик — председатель Казсовнаркома Н. Нурмаков, считавший основным слоем аула батрацко-бедняцкий, высказывал примерно такие же, как и Садвокасов, соображения:

«Некоторые товарищи думают, что... положение в ауле безвыходное или же мы имеем один-единственный выход: ...нужно экспроприировать байское хозяйство. Я думаю, товарищи, что после десятилетнего существования Советской власти в Казахстане, имея в руках пролетарского государства все командные высоты, мы обладаем достаточной силой, чтобы иными методами воздействовать на аульного бая, не прибегая к такому методу, к которому наша партия прибегнула в период завоевания власти в первые дни Октябрьской революции» («Советская степь», 1926, 29 ноября).

Нурмаков предлагал ослабить мощь бая при помощи налоговой политики, развития кооперации и других способов, однако поддержки не получил.

Делегат из Семипалатинска Мусин предлагал «разрушить байский строй». Каипназаров повторил мысль Голощекина годичной давности о том, что Советской власти нет в ауле; Джандосов настаивал на немедленной экспроприации. Последнее требование, впрочем, вызвало многочисленные возражения. Говорили, что из этой скоропалительной меры может получиться «полный анархизм», что во многих губерниях «феодалов» не осталось.

«Неправильно и то мнение Джандосова,— сказал Тогжанов,— что аульная беднота отчаянно ненавидит бая. Это неверно. Если бы так обстояло дело, то нам не так трудно было бы организовать партийно-советские органы на местах.

Наконец, у нас есть довольно-таки распространенное мнение среди казахских товарищей, утверждающих, что Октябрь не задел аул, что аул остался дореволюционным. Это, по-моему, и теоретически, и практически неверно».

Голощекин занял среднюю позицию между спорящими и даже слегка пожурил Джандосова за левачество: дескать, мы не отказываемся выступать против бая, и если нужно будет, то и под суд его отдадим, а понадобится — и кровь не побоимся пролить (разумеется, байскую). Джандосов-де предлагает «пройтись по аулу с революцией» (давно ли это предлагал сам Филипп Исаевич), но «революция от того, что ее произносят через несколько «р», не становится сильнее» («Советская степь», 1926, 4 декабря). Голощекин предложил не «перепрыгивать» через непройденные этапы, а создать сначала «тот субъективный орган», который изменит условия, то есть создать надежную аульную ячейку.

Он понимал: родовая спайка в ауле столь сильна, что тут с наскоку не возьмешь, и надо воспитывать аульного коммуниста, на которого в дальнейшем придется опираться в проведении директив. Еще на Втором пленуме крайкома он поставил этот «кричащий вопрос»— об аульном коммунисте:

«Я занялся этим... и передо мной выявилась довольно мрачная картина.

Чем руководился аульный коммунист, вступая в партию? В одной ячейке... товарищи заявили, что они слышали разговор, что всем записавшимся в члены партии государство будет помогать семссудой...

В Семипалатинской губернии приехала комиссия в аул, на вопрос, есть ли желающие записаться в партию, ей ответили, что, кажется, бай даст некоторых».

— Самые мотивы поступления довольно подозрительного характера,— говорил Филипп Исаевич,— взносов никто не платит, на 90 процентов коммунисты безграмотны.

— Целый ряд документов указывает, что «понимания классовой борьбы нет и интересы партии целиком подчинены интересам партийно-родовым»,— сделал он вывод («Советская степь», 1926, 6 мая).

Про большевиков на местах и делегаты Третьего пленума рассказывали нечто подобное. Спрашивают, мол, аульного коммуниста: что такое Коминтерн? Отвечает: большой комиссар. Что такое политика? Хитрость. Что такое ЦИК, СНК, кто такие Калинин, Мунбаев? Не знает.

Голощекин внимательно слушал ораторов, которые горячились и спорили, не понимая главного: чтобы пронестись вихрем Октября по казахскому аулу, надо для начала расслоить этот аул — экономически и духовно, вызвать в нем классовую борьбу, сплотить бедноту и заставить ее сражаться со своим же байством.

Голощекин тут же, по ходу заседания, взял слово:

«...Третье, на чем хочу остановиться, это вопрос, затронутый тов. Мусиным, о том, что мы не можем построить аульную ячейку, пока не изменятся основные социально-экономические и другие условия в ауле. Как будто бы логически это правильная мысль, но не верная... При диктатуре пролетариата мы строим сначала этот субъективный орган, который это изменяет... Мы строим совет трудящихся, мы строим коммунистическую партию, которая будет переводить в Казахстане аул на иные рельсы...» («Советская степь», 1926, 30 ноября).

Обратим внимание на это красноречивое свидетельство. Вновь Голощекин проговаривается, вновь он ясно дает понять, с *какой* целью и с *какими* задачами он приехал в Казахстан. Он приехал — делать революцию. По его убеждению, здесь, на этой огромной территории, не связанной с центром путями сообщения, которой так трудно руководить, здесь Октябрем и не пахло. В стране существует уже девять лет диктатура пролетариата, а здесь, по Голощекину, ни пролетариата, ни диктатуры. Все надо начинать с нуля. Строить совет трудящихся, строить коммунистическую партию.

Советизация аула — это же, по сути, советизация Казахстана. Поэтому «продвинуться во всех отраслях

нашей работы, без организации казахской бедноты, мы не можем»,— говорил Голощекин на Втором пленуме («Советская степь», 1926, 5 мая).

* * *

Еще в 1925 году на Пятой партконференции Филипп Исаевич ясно дал понять, что казахи, по существу, не нюхали Октября. Он формулировал тогда свои мысли даже с какой-то теплотой к людям, ему никогда не присущей (должно быть, это и были те абстрактные люди, которых надлежало осчастливить, ибо по неразвитости своей, по недомыслию своему они так и будут по-прежнему влачить темную, беспросветную жизнь в своей бескрайней степи). Он явно любовался собой в момент начала выполнения той колоссальной задачи, которая стояла перед ним,— советизировать эту отсталую республику, с ее широченными просторами, неграмотными кочевниками, кучкой националистов, засевших в партаппарате и в учреждениях культуры, явных или тайных алашординцев, для которых главное — чтобы не трогали их народ.

«...Мы берем линию на рабочих, на казахов, на массу казахской нации, как таковую, на бедняка, на батрака; **к ним, товарищи, мы еще не прикасались** (выделено мной — В. М.). Вот к этому источнику, источнику энергии и источнику народного разума, источнику здоровых инстинктов, мы еще не приложились. Ведь суть лозунга «Лицом к аулу и деревне»— приложиться к этому народному источнику, начать пить из этого источника, а не ту водицу, которая стоит годами и немного попахивает» («Советская степь», 1925, 6 декабря).

Это было заключительное слово Голощекина на конференции. Ясно, что как опытный оратор он вряд ли составлял на бумаге заранее текст выступления, а говорил от себя. Какое-то странное впечатление производит его речь. При всем косноязычии, тавтологии и множестве демагогических оборотов, свойственным его многочасовым докладам, Филипп Исаевич крайне редко прибегал к образной системе выражения; кроме того, ему была присуща в рассуждениях и доводах довольно строгая логика и теоретическая подкованность — недаром свидетели его выступлений вспоминали, что состязаться с ним в словесном споре было делом безнадежным. И вот не раз и не два — многократно он употребляет слово «источник», относя его непосредственно к людям: источник энергии, источник народного разума, источник здоровых инстинктов, наконец, на-

зывает его — народным источником(?!) и договаривается до того, что надо начать пить из этого источника.

То, как он приложился к источнику по имени казахский народ, в последнее время стало известным,— разве что в числе жертв никак не сойдутся исследователи: то ли миллион двести тысяч человек, погибших с голоду, то ли полтора миллиона...

Что же можно-то пить из «народного источника», то есть, буквально осмысливая образ, из народа, из людей?

Только одно — кровь.

...Помню, я осторожно листал серо-желтые истлевающие листы газеты, частенько полуоборванные по краям — подшивка была за 1927 год,— когда увидел вдруг перечеркнутый крест-накрест портрет. Голощекин был снят в профиль, против солнца: курчавые волосы и бородка отсвечивали сединой, взгляд нацелен и жесток, нижняя губа поджата, нос длинный, нависающий, но не мясистый, а хрящеватый и как бы энергичный, и — хищно вздутое крыло ноздри. Позировал ли он фотографу или тот схватил характерное выражение лица? Все-таки снимок был явно нерядовым, поскольку воспроизводили его в газете в дальнейшем часто. Зная нравы журналистов, вполне можно представить, что они были в курсе вкусов первого руководителя и прекрасно были осведомлены о его неравнодушии к этой фотографии. Потому и старались почаще тиснуть портрет на полосе... Так вот, кто-то из читателей подшивки, а быть может, еще не подшитой газеты, размашисто перечеркнул профиль «ответственного секретаря крайкома тов. Голощекина», и, как видно, давным-давно: фиолетовые чернила выцвели до предела. Пониже кудлатой мефистофельской бородки большими печатными буквами вкось тянулась надпись: «УБИЙЦА». Это был номер «Советской степи» от 30 мая 1927 года...

Еще один перечеркнутый, но уже другими чернилами, портрет Филиппа Исаевича встретился мне в номере газеты от 7 ноября 1932 года. Там сопровождающее определение было —«ГНИДА!».

Портретов других товарищей не перечеркивали...

Человек, даже и изощренный политик, порой не волен в своих чувствах и ненароком проговаривается. Мания величия — совершить революцию, пусть малый, да Октябрь — не однажды прорезалась у Голощекина, равно как и другие сопутствующие манийки: собственной непогрешимости (для порядка маскирующейся под самокритич-

ностью), непревзойденного красноречия (оборачивающегося многочасовой демагогией, когда доклады надо было выслушивать в течение двух дней), и т. д.

Не проговорился ли Филипп Исаевич в тот раз на Пятой конференции в чем-то глубоко потайном?

Разумеется, я ни в коей мере не считаю его в прямом смысле вурдалаком и кровопийцей. Но бывает, что имеется другой — умозрительный ряд связанных с людской кровью ассоциаций, образов и символов, кроющийся в глубине человеческого существа, ведь не каждый так же легко, как Голощекин, может бросить: что если-де надо, то будем действовать «не боясь крови», как он говорил на Третьем пленуме в 1926 году.

Как бы то ни было, невольно вспомнилось тогда кое-что из недавно прочитанного в книгах и журналах и поразившего воображение — там тоже шла речь о людской крови и тоже легко, очень легко относились к кровопролитию.

В очерке В. Селюнина «Истоки» («Новый мир», 1988, № 5) приведена цитата из Г. Бабефа — о деятельности Карьре, одного из ближайших сотрудников Робеспьера.

«Разве для спасения родины необходимо было произвести 23 массовых потопления в Нанте, в том числе и то, в котором погибло 600 детей? Разве нужны были «республиканские браки», когда девушек и юношей, раздетых донага, связывали попарно, оглушали сабельными ударами по голове и сбрасывали в Луару?.. Разве необходимо было... чтобы в тюрьмах Нанта погибли от истощения, заразных болезней и всяческих невзгод 10 тысяч граждан, а 30 тысяч были расстреляны или утоплены?.. Разве необходимо было... расстреливать пехотные и кавалерийские отряды армии мятежников, добровольно явившиеся, чтобы сдаться?.. Разве необходимо было... потопить или расстрелять еще 500 детей, из коих старшим не было 14 лет и которых Каррье назвал «гадюками, которых надо удушить»?.. Разве необходимо было... утопить от 30 до 40 женщин на 9-м месяце беременности и явить ужасающее зрелище еще трепещущих детских трупов, брошенных в чаны, наполненные экскрементами?.. Разве необходимо было... исторгать плод у женщин на сносях, нести его на штыках и затем бросать в воду?.. Разве необходимо было внушать солдатам роты имени Марата ужасное убеждение, что каждый должен быть способен выпить стакан крови?..»

Казалось бы, какое отношение имеют всякие страсти

из времен Великой Французской революции к деяниям Голощекина?

Беспощадность та же, кровожадность та же — при исполнении своего «революционного долга» (не говоря уже о тех же лозунгах: о свободе, равенстве и братстве; впрочем, в потоках-то крови все жертвы — свободны и равны, все братья по несчастью...) Каррье и Голощекин были отнюдь не простыми исполнителями директив, поступавших «сверху»,— оба считали себя вершителями народных судеб, каждый на своем «участке». И если один устраивал свою малую французскую революцию в Нанте, то второй совершал свой малый Октябрь в Казахстане и не дрогнул, когда «сверху» потребовали устроить в Казахстане геноцид. Не побоялся крови. Как и предупреждал.

VI

...Но, быть может, я преувеличиваю, называя Филиппа Исаевича Голощекина мстительным и кровожадным,— ведь не расправился же он физически со своими политическими противниками?

Если до расправы тогда, в первые годы его властвования в Казахстане, дело не дошло, то отнюдь не по вине этого «хорошего парня», как называл «Жоржа» Я. М. Свердлов. Даже другому «хорошему парню»— Кобе, Иосифу Виссарионовичу Сталину, стоявшему во главе ЦК, не удавалось тогда еще дать слово любезному «товарищу маузеру» в полемике с друзьями по партии.

В первых инспирированных процессах: Шахтинском (1928 год), так называемой Трудовой Крестьянской партии (проходившем при закрытых дверях в 1930 году), Промпартии (1930 год) среди обвиняемых — коммунистов не было.

Лишь в 1931 году Сталин впервые открыто потребовал расстрелять своего политического противника. Им был широко известный ныне Рютин. Однако Политбюро не позволило своему вождю развязать террор — Рютин был лишь исключен из партии...

Словом, подобные организационные неувязки с физической расправой над оппонентами сильно мешали и Филиппу Исаевичу Голощекину. Приходилось вести долгую «парламентскую» борьбу вместо того, чтобы просто и радикально решить вопрос.

А хотелось, хотелось ему покончить разом со строп-

тивыми «национализм»! Недаром в одном из выступлений он косвенно проговорился о своих желаниях.

То было на собрании кзыл-ординского партактива, проходившем 16 октября 1928 года. Разгоряченный долгой речью, Голощекин сказал, как отрезал:

«...Вообще, когда я говорю о группировках, я имею в виду национализм...

Когда я упоминаю садвокасовщину, я имею в виду и ходжановщину, и рыскуловщину, и мендешевщину, и всех тех, кто был с ними. Одним миром они помазаны.

Объективные условия для группировщиков у нас еще полностью не изжиты, **старые вожди живы, их носит еще земля** (выделено мной — В. М.), правда, не казахстанская...» («Советская степь», 1928, 24 октября).

С каким сожалением это выговорено! Вот, дескать, еще не перемерли носители вредных идей, живы, их носит еще земля!..

Начинал Филипп Исаевич помягче... На Втором пленуме Казкрайкома в разделе «Об идеологических уклонах» политического отчета, выпустив сначала ритуальный словесный залп по шовинизму, который «у русских имеется... в большей или меньшей степени», он отмечал, что «у казахов происходит рост национального самосознания», и «руководителем этого национального сознания» уверенно назвал б а я.

«Что у нас сейчас опасного в ауле?— вопрошал Голощекин далее.— Перебеднячить или перебайствовать?.. От перебеднячивания большой опасности нет...

Я, товарищи, повторяю, на этом можно было бы даже не останавливаться и тем паче делать из этого большой шум, но поскольку об этом нет-нет да и говорят, надо несколько обратить на это внимание...

...Тут, если мы начнем бить стекла на почве уклонов, холодно будет. Так нельзя. Нужно учесть особые условия казахского коммуниста.

...Терпение, терпеливость, воспитание, самообразование и величайшее доверие тем, которые уклоняются» («Советская степь», 1926, 5 мая).

Терпеливым и заботливым воспитателем представлял он себя публике вначале.

Потом началась беспощадная борьба. «III пленум Казкрайкома ВКП(б) единодушно осудил все эти группировки (С. Садвокасова, С. Ходжанова, Т. Рыскулова — В. М.), дал решительный отпор их попыткам сбить партийную организацию Казахстана с ленинского пути. Пленум... призвал партийные организации, всех коммунистов «вести ре-

шительную борьбу с идеологическими и организационными извращениями партийной линии в казахской организации... усилить идейную борьбу с идеологией Алаш-Орды, националистическим (правым) и «левым» уклонами среди казахских коммунистов» («Очерки истории Компартии Казахстана», стр. 261).

Голощекин поставил задачу расслоить аул, вызвать в нем классовую борьбу. 14 февраля 1927 года «Советская степь» напечатала статью Александрова «К вопросу об Октябре в ауле».

«...Деревня пережила свой Октябрь,— писал автор, явно имея в виду «благотворную» деятельность комбедов,— в ауле же мы сейчас не разрешили вопроса Октября, а только поставили его на повестку дня... Мы имеем диктатуру пролетариата в центре и господство бая в ауле».

Крайком командировал журналиста Габбаса Тогжанова на три месяца в один из аулов Джетысу, и вскоре, 4 июля, в газете появилась первая его статья «Аул как он есть». Иллюстрация к теоретическим положениям пленума вышла красочная. Как выяснил автор, все шесть коммунистов селения ходят в мечеть и молятся аллаху. Секретарь ячейки признался, что всеми делами заправляют баи, аткаминеры и муллы.

«В протоколах пишем, что перевыборная кампания прошла хорошо, но это все вранье...» Шестидесятилетний член партии простодушно и серьезно пояснил, почему он посещает мечеть: «Осталось жить немного. На старости лет как я могу забыть бога. Если меня исключат за это, то ничего против не имею».

28 августа появилась вторая статья Тогжанова «Как не надо советизировать». Он пишет, что лозунг о советизации аула «ни в какой мере не проведен в жизнь». Один из аткаминеров, торговец, имеющий четырех жен, решает все споры между жителями. А во главе аула стоит настоящий «аксакал», крупный бай, у которого 800 баранов, более сотни лошадей, несколько верблюдов и коров и три жены (было пять).

«Мы имели «счастье» побеседовать с этим Шалтабаем-аксакалом лично... Он долго убеждал, что «хотя он и бай, но он настоящий советский человек». Он всегда помогал и помогает беднякам, он «за коммунистов», ибо «сам с николаевских времен коммунист»... Он хвастался и тем, что в его роде (сат) нет «непослушных», что все бедняки и середняки его слушаются».

Удар послушанию нанесли осенью на выборах в Советы,

когда десятки опытных работников были посланы на места «Впервые партия провела классовую борозду в ауле,— писал Голощекин 1 ноября 1927 года в «Советской степи»,— и помогла казахскому степняку-бедняку и середняку овладеть Советом не в качестве подставного лица или представителя рода, а в качестве выразителя своих трудовых интересов».

Так начала формироваться армия тех людей, которые впоследствии печально прославились под именем «лжебельсенды»— «лжеактивистов». Комбеды на казахский манер нисколько не уступили в своем ретивом головотяпстве и разбое российским комбедам. Иначе и не могло быть: туда в первую очередь стремились крикливые бездельники, прельщенные возможностью поначальствовать и чего-нибудь урвать для себя. Разврат властью вошел «в гущу аульных масс»...

В ноябре 1927 года в Кзыл-Орде состоялась Шестая Всеказахстанская партконференция, где Голощекин дал решительный бой тем «национал-уклонистам», которые еще смели ему перечить.

В полемике с ними он впервые использовал тяжелую артиллерию.

«Для того, чтобы лучше ввести вас в курс всей линии крайкома,— начал он доклад,— я позволю себе маленькую нескромность». Филипп Исаевич напомнил, как после Третьего пленума жаловались на него в Центральный Комитет «обиженные». «У меня возникла мысль попросить ЦК, по крайней мере, его секретарей, дать нам оценку». Из всех секретарей он выбрал — Генерального. И зачитал свои «Пять вопросов т. Сталину».

«Мы поставили вопрос не об «оживлении Советов», а об организации действительных Советов. На этой точке зрения стоит 9/10 нашей организации, и лишь крайнее меньшинство (с одной стороны — Садвокасов) кричит, что это, и в особенности постановка вопроса о классовой борьбе, об «Октябре» в ауле есть «гражданская война», что это противоречит постановлениям XIV съезда, и (с другой — Джандосов) видит в этих мероприятиях паллиатив и предлагает идти на экспроприацию.

Вот об основной линии крайкома нам нужен ответ».

Далее шли вопросы, касающиеся партийного строительства, межнациональных отношений, коренизации аппарата и, наконец, о «всем направлении политики» в Казахстане.

«В самом деле,— недоумевал Голощекин,— Казахстан оформился как национальное казахское советское госу-

дарство — а действительных Советов трудящихся в ауле нет...»

— На это я получил очень краткий ответ,— скромно заметил Филипп Исаевич и зачитал исторические слова:

«Тов. Голощекин! Я думаю, что политика, намеченная в настоящей записке, является в основном единственно правильной политикой.

И. Сталин»[1].

Индульгенция была получена, руки развязаны. Теперь можно было не церемониться с «жалобщиками».

Однако Филипп Исаевич решил раз и навсегда утвердить непререкаемость своего авторитета. Чуть позже он дал второй залп, поведав делегатам, что «случайно обнаружил у себя мандат, который был выдан мне и другим товарищам Владимиром Ильичем, и он был написан рукой Владимира Ильича». Естественно, и этот документ — о назначении Турккомиссии, относящийся к 1919 году и к повестке дня не имеющий отношения, был полностью зачитан.

Голощекин хорошо знал магию авторитета и, наверное, потому до поры до времени приберегал свои козырные карты. Отныне все должны были знать, кто направлял его в эти края, оказывая ему всяческое доверие, и кто сейчас поддерживает его политику, считая ее «единственно правильной».

Никогда до этой конференции он не говорил столь нагло и грубо со своими товарищами по партии, никогда так не упивался своей победой.

Взгляды «оппозиции», совершившей «вылазку» в национальном вопросе, первый секретарь крайкома представил как «осколки сплетен, сбор лозунгов из различных националистических платформ».

Небольшая выдержка из доклада, напечатанного «Советской степью» 22 ноября 1927 года, дает представление о характере критики.

«**Голощекин:**— Нетрудно собрать сплетни из Казахстана, им (оппозиционерам — В. М.), вероятно, рассказал и Садвокасов, и Мунбаев, а написал Тойбо. Из Туркменистана писал Тумайлов.

Тойбо:— Я с ним ничего не имею.

Голощекин:— Это ваш приятель, возьмите его и идите, куда хотите, к Гинденбургу, к Абрамовичу в партию, он вас зовет...

---

[1] «Советская степь», 1927, 20 ноября.

Теперь я хочу сказать относительно руководства здесь, в Казахстане. Вы знаете, как Зиновьев выразился: «Голощекину отдан в самоличное владение Казахстан» — это слова Мунбаева. (Смех.)

Когда, в какие годы, скажите, в казахстанской организации мы имели такой широкий размах и рост массовой казахской организации? Никогда не было так, как в эти годы... Пусть попробуют выступить «вожди» любых групп против крайкома, они все будут смяты в течение недельки. (Шумные аплодисменты.)

...Я раскрою хорошенько те скобочки, о которых я говорил в своем вступительном слове. Я сказал, что казахстанская организация за эти годы выросла и сбросила с себя пеленки, которые сковывали ее рост. Знаете, когда сбрасывают пеленки, они бывают не так уж чисты, вот эти-то нечистые пеленки она с себя и сбросила.
(Смех, аплодисменты.)

Тойбо: — Не поняли!

Голощекин: — Понюхайте! (Смех, аплодисменты.)».

...Смеялись и аплодировали и в последующие годы — когда за дверями заседаний валялись опухшие с голоду люди... Как же не смеяться — начальство шутит, оно в хорошем настроении. Лучше нет праздника для скверноподданого, чем въяве быть причастным к таким радостным мгновениям.

А Голощекин — на трибуне и в президиуме — царил. Бросал реплики, перебивал ораторов, красовался своим топорным остроумием...

Выступал Ураз Джандосов:

— ...Мы не слепые националисты, как сказал тов. Нурмаков, и совершенно сознательно...

Голощекин перебил:

— Не слепые, а зрячие!

В зале снова хохотали, шумно хлопали в ладоши...

Филипп Исаевич щедро делился опытом о «маленьком Октябре», устроенном в ауле, — так он назвал передел луговых и пахотных угодий.

«Это то, против чего кричал тов. Садвокасов на Втором пленуме, это есть именно маленький Октябрь. Мы реально, на деле, на почве земельных интересов столкнули бедняка с баем и заставили его, помогали ему отнимать землю у бая... Это есть классовая борьба!»

Понятен его восторг: два года он только и делал, что пытался стравить людей друг с другом, расслоить аул. Древний принцип «Разделяй и властвуй!», как шило из

дратвы, вылезал из «классовой борьбы» в понимании Филиппа Исаевича. Собственно, в разжигании классовой борьбы Голощекин не был первооткрывателем, а шел по стопам своего друга Я. М. Свердлова. Еще 20 мая 1918 года председатель ВЦИК Свердлов, организатор расказачивания (в котором погибло 2,5 миллиона донских казаков из 4 миллионов населения Дона), так определял свою главную линию: «Только в том случае, если мы сможем расколоть деревню на два непримиримых враждебных лагеря, если мы сможем разжечь там ту же гражданскую войну, которая не так давно шла в городах, если нам удастся восстановить деревенскую бедноту против деревенской буржуазии,— только в этом случае мы сможем сказать, что мы и по отношению к деревне сделаем то, что смогли сделать для городов» (цит. по журналу «МГ», № 10, 1989). Менее всего занимало Голощекина хозяйство степняков, материальный уровень их жизни, благосостояние. «Абстрактного человека», к которому он хорошо относился, подлежало осчастливить абстрактной же идеей. Счастье состояло в классовой борьбе, ее следовало разжигать всеми способами. И вот классовой борьбы становилось все больше и больше, а баранов и лошадей все меньше и меньше. А когда б о р ь б а достигла высот, люди стали умирать с голодухи.

Но это случилось позже. А пока, в году 1927-м, Голощекин похвалялся, как он отстаивал в Москве «самообложение»:

«Мы исходили из такого положения, что дело не в количестве денег (то есть не в хозяйственной выгоде.—В. М.), а в том, чтобы бедняк обложил бы бая, чтобы бедняк на этом мог организоваться. Вот это есть классовая работа.

...В Москве, в Наркомфине... не все понимают в наших делах, подходят с буквой закона (!), а у нас это — общественное дело. Что предложил председатель наркомфиновской комиссии? Говорит, зачем вам так, если можно еще взять, давайте увеличим налоги (смех). Это самое тов. Садвокасов в течение последней недели предлагал на бюро — откажитесь от самообложения, увеличьте сельхозналог. Вот видите, как можно извратить всякую хорошую вещь...» («Советская степь», 1927, 21 ноября).

Ему услужливо подпевали:

— В казахском ауле не было Октября, прошел только маленький октябренок в лице передела пахотных и сенокосных угодий... Мы... не дали бедноте орудий производства... Для этого нужно поосновательнее прощупать аульное

байство... Нужно принять решение о том, чтобы экспроприировать экспроприаторов в казахском ауле... (Дж. Садвокасов, делегат из Сырдарьинской губернии).

Его славили:

— Советская власть существует десять лет, Казахская республика существует семь лет, но практические результаты работы организации... в ауле мы видим в течение двух последних лет с момента работы и руководства тов. Голощекина. Как выдвиженец из аула я подтверждаю крупные изменения в ауле (Е. Ерназаров, «Всеказахский аксакал» — местный аналог «Всесоюзного старосты»).

Вслед за ним дружно топтали Смагула Садвокасова:

— Достаточно играть с Садвокасовым... Садвокасовы не помогают, а только тормозят работу нашей партии (Токтабаев и другие).

Особо преуспел в этом топтании Измухан Курамысов, который в скором будущем сделался вторым секретарем крайкома,— демагог-насмешник, всегда игравший на трибуне немножко под дурачка:

— ...У него (С. Садвокасова — В. М.) получилось, что во главе колонны к социализму пойдут бай и кулак. (Смех.)

...Теперь он говорит: ...раз вы непременно хотите экспроприировать бая, это, конечно, мне будет больно,— будем экспроприировать и бая, и кулака. (Смех.)

Я уже говорил, что Садвокасов, кулак и бай — втроем пойдут к социализму. Я думаю, товарищи, что это насквозь гнилая, не наша, не партийная постановка вопроса...

По вопросу об индустриализации Садвокасов карт своих не раскрыл. Раньше он говорил так: раз у нас есть кожа, ее не надо вывозить в Москву, нужно построить в Казахстане завод и выделывать свою собственную казахскую (смех) национальную кожу (смех)... А что московские и центральные заводы приостановятся, ему до этого дела нет...»[1].

...Ох, как крыли тогда Смагула Садвокасова за предложение создать в Казахстане обрабатывающую промышленность! Стоило ему высказать в журнале «Большевик» суждение о том, что не легче ли сразу вывозить из Казахстана готовое сукно, чем два раза таскаться то в Москву с вымытой шерстью, то обратно с «московским» сукном из этой шерсти, как на него тут же накинулись в газетах с обвинениями в байской идеологии. Ураз Исаев даже написал огромную статью в республиканской партийной газете,

---

[1] «Советская степь», 1927, 23 ноября.

где «побил» «известного Дон-Кихота от национал-демократии» авторитетным мнением председателя Совнаркома Рыкова, который на IV Всесоюзном съезде Советов заявлял: «С осуществлением индустриализации... взаимная зависимость отдельных частей Союза будет вырастать все более и более».

Куда нас завела эта тенденция развития экономики, теперь ясно. Что касается Казахстана, то через 61 год та же республиканская партийная газета, что обвиняла Смагула Садвокасова во всех грехах национализма за эту его простую и здравую мысль, писала о последствиях запутавшей все в стране «взаимозависимости»:

«Не секрет, что наша республика давно и прочно укрепилась на позициях сырьевого придатка страны. Что это значит? А это значит то, что больше половины экономического потенциала Казахстана находится в союзном подчинении. Ежегодный же вклад таких предприятий в республиканский бюджет ограничивается 30 миллионами рублей — ничтожными долями процента от получаемой ими прибыли. Причем почти вся производимая продукция представляет из себя сырье, направляемое на переработку в другие республики. Можно ли в таких условиях насыщать местный рынок изделиями повседневного спроса? Конечно, нет. Поэтому и приходится до 70 процентов товаров народного потребления завозить из-за пределов Казахстана.

Хуже того. Цены на сырье, полуфабрикаты и конечную продукцию установлены волюнтаристски и, как правило, далеки от научно обоснованных. А это отрицательно сказывается на формировании национального дохода и государственного бюджета Казахстана. В печати уже сообщалось, что килограмм казахстанской шерсти, к примеру, отправляется за пределы республики по цене 15 рублей, что значительно ниже мировой, а возвращается к нам сшитым из нее костюмом, за который уже надо выкладывать 150 рублей и более. (Вот и вымытую шерсть, о которой писал С. Садвокасов, вспомнили...— В. М.). Другой пример: Казахстан дает стране десять миллионов тонн угля и на каждой теряет около 20 копеек. Примерно такое же положение в агропромышленном комплексе.

В довершение ко всему предприятия союзного подчинения не заботятся о вводе жилья, дорог, объектов для снабжения водой и теплом. Это вынуждены делать местные органы власти. А много ли сделаешь, имея крайне скудные средства и без достаточной материальной базы?

В большинстве случаев именно поэтому появились острые социальные проблемы республики: неудовлетворительное медицинское обслуживание, слабая работа транспорта, отсутствие надежной и оперативной связи. В городах и селах школьники вынуждены заниматься в две, а то и в три смены. Из-за нехватки детских садов и яслей десятки тысяч молодых матерей лишены возможности участвовать в сфере материального производства.

Где выход? В отношениях центра и республик главенствующими должны быть экономические, а не командно-административные методы, а основой хозяйственного механизма обязан стать общесоюзный рынок. Он и только он может обеспечить подлинный хозрасчет, эквивалентный обмен между регионами. Надо ли сомневаться, что перестройка в таких условиях наберет большое ускорение, а мнение о том, что Казахстан не в состоянии обеспечить себя всем необходимым, отпадет само по себе?» («Казахстанская правда», 1989, 26 января).

Тогда еще не перестраивали — лишь начинали строить... Впрочем, только ли строить? Ведь не всё еще к тому времени р а з р у ш и л и. В глазах тогдашних вершителей прогресса «мелко-буржуазный собственник» так и лез, как тесто из квашни, из несознательного крестьянства, откровенно старающегося забогатеть,— и по этому вредному инстинкту уже надо было ударить, и ударить крепко, по-большевистски!.. Дзержинский в день своей смерти, 20 июля 1926 года, говорил об этой тенденции на Пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б):

«...А где частник силен? В хлебозаготовках, в заготовках кожи, то есть в той области, которая находится в ведении т. Каменева. А он приходит сюда и плачет, что все у нас скверно, мужик богатеет, благосостояние у него увеличивается. А тов. Пятаков говорит, что деревня богатеет. Вот несчастье! Наши государственные деятели — представители промышленности и торговли — проливают слезы о благосостоянии мужика. А какое благосостояние? 400 миллионов. Мужики накопили по 4 рубля на брата. (Смех, голоса: «Еще меньше!»)»[1].

Филиппа Исаевича точно так же, как Пятакова и Каменева, беспокоило, как бы в ауле излишне не разбогатели, «бай растет»,— повторял он не раз и призывал «ударить» по байскому достатку.

На Шестой конференции Смагула Садвокасова, если

[1] «Советская степь», 1926, 9 августа.

не ошибаюсь, в последний раз допустили к высокой трибуне.

«Товарищи, т. Голощекин в своем 6,5-часовом докладе почти половину времени посвятил обвинениям против меня, — сказал он.— Ограничусь объяснениями по главнейшим вопросам...»

Садвокасов назвал «неверной» политику в казахском ауле. Середняк, по его мнению, центральная фигура, а его как раз и недооценивают, игнорируют.

«Голощекин доказывал, что экспроприация нужна потому, что у нас аул до сих пор является феодальным... Я считаю, что это неверно... Четыре года назад Вайнштейн говорил об экспроприации... Этот вопрос был поднят не столько для революционных действий, сколько для поднятия собственной революционности...»[1]

С. Садвокасов был последним, кто пытался предотвратить разруху, надвигающуюся на казахский аул.

К тому времени С. Ходжанов написал в крайком полупокаянное письмо — и оно было прочитано на конференции. Ходжанов пришел к выводу, что надо «решительно выкорчевывать родовых феодалов». Он считал, что Джандосов неправ, когда эту «ликвидацию распространяет на все байство», а Садвокасов неправ в том, что отрицает необходимость решительных мер «в отношении родовых феодалов». Другой оппонент Голощекина, Турар Рыскулов, работал в Москве, в Совнаркоме, и был далек от казахстанских дел.

После хорошо подготовленной — в докладе и в прениях — атаки на Садвокасова Филиппу Исаевичу удалось навсегда покончить со своим постоянным политическим противником. В заключительном слове он еще раз поиздевался над Садвокасовым, как обычно, демагогически уходя от разговора по существу: «Понимаете, тов. Садвокасов говорит, что он больше интернационалист, чем я (смех), ...ведь не только вы смеетесь, куры будут смеяться над этим (смех)», а потом уж огласил окончательный приговор: «...Но есть национализм байский, алашординский, садвокасовский...» («Советская степь», 1927, 25 ноября).

С «садвокасовщиной» боролись еще долго, смачно обсасывая на страницах печати и в различных заседаниях всякое мало-мальское возражение взглядам Голощекина; любое проявление самостоятельной политической или экономической оценки директив крайкома немедленно объявлялось «вылазкой националистов» и «отрыжкой садвокасовщины».

[1] «Советская степь», 1927, 22 ноября.

Особенно старались в этой борьбе ближайшие помощники Голощекина, доказывая руководителю свою преданность да и заодно успевая ему подольстить.

В выражениях, конечно, не стеснялись.

«Прямо воняет от Садвокасова, как от самого последнего либерала, когда он говорит о науке, труде, кооперации и т. д.,— писал второй секретарь крайкома Ураз Исаев 26 февраля 1928 года в «Советской степи». — Был совершенно точен тов. Голощекин, если он заявил, что Садвокасовы являются сторонниками неприкосновенности социально-экономической структуры казахского аула...

Казахский «верблюд» пойдет, уже идет — к социализму. Он своими могучими лапами раздавит на своем пути Садвокасовых».

«Националистов», высказавших сомнение в целесообразности переселения в Казахстан украинских и русских «безземельных» крестьян, Ураз Исаев назвал «лягушками, караулящими море».

«Если Столыпин хотел устроить только «киргизскую степь», а Садвокасов хочет устроить только «киргиз»,— то мы устроим и «киргиз» и «киргизскую степь»,— заявил он.

...Тогда эти слова еще не воспринимались во всем их последующем зловещем значении: сплошная коллективизация еще не началась. Великое переселение состоялось несколько позже, когда под дулами винтовок голодные толпы выгнанных из своих домов «кулацких» семей (никто до сих пор не знает их числа) выбросили из скотских вагонов в голой степи и скучили в десятках спецпереселенческих поселков (точнее, их еще надо было построить), потеснив коренное население. А потом уж, при коллективизации, принялись «устраивать» и степняков-кочевников, насильно прикрепляя к земле и отбирая скот, отчего люди побежали во все стороны, куда только глаза глядят...

А пока второй секретарь крайкома обвинял Садвокасова в том, что он хочет приписать Голощекину «колонизаторское насилие», а себя представить «великим мучеником за дело казахское».

«Огонь по садвокасовщине на окраинах!» — восклицал Исаев.

Филипп Исаевич, разумеется, не оставался в стороне от борьбы,— он заботливо и регулярно подливал масло в огонь, обвиняя «садвокасовцев» в намерении столкнуть Казахстан на путь «замкнутого хозяйства» и объявляя это опасным и вредным. (Теперь, спустя шестьдесят лет, замкнутое хозяйство называют республиканским хозрасчетом и

ничего страшного в нем не видят, наоборот, призывают перестраивать экономику в этом направлении.)

23 мая 1928 года Голощекин докладывал кзыл-ординскому партактиву о том, как ЦК ВКП(б) оценило работу казахстанской организации. Политическая линия была признана правильной, деятельность крайкома — удовлетворительной.

«Тов. Сталин в своем слове на Политбюро начал с того, что основное наше достижение... состоит именно в... росте марксистских кадров из казахов, правда, еще очень медленном и слабом» («Советская степь», 1928, 30 мая).

Политбюро одобрило предложение Шестой конференции о конфискации скота и выселении крупнейших баев.

«Если до сих пор была еще возможность в теории и даже на практике говорить «советский бай», — то в дальнейшем этого не будет, и баи выступят на борьбу с нами как классовые враги. И они... потянут очень многих (алашординцы, так называемая интеллигенция, которая колеблется, и могут потянуть кое-кого из коммунистических рядов)...— заявил Голощекин и посетовал на местных членов партии, которые часто себя чувствуют **больше казахами, чем коммунистами.** — Мы будем встречать препятствия внутри тех масс, которые сами заинтересованы в этом».

Выходит, и трудящиеся массы не лучше! Прямо-таки логический парадокс: заинтересованы в конфискации — и сами же будут ей мешать.

«Мы сейчас переживаем обострение классовой борьбы... на почве правильной пролетарской политики.

...Мы входим в полосу величайшей очистки...» — торжественно провозгласил Филипп Исаевич и — перешел к самокритике, что изредка, но случалось с ним:

«На комиссии Политбюро я предлагал формулировку, что мы изжили группировки. Но члены ЦК и Политбюро предложили записать: «значительно уменьшились». И прав был ЦК, тысячу раз прав, а я не прав».

Проникновенные слова! Товарищи из ЦК, находясь за тысячи верст от пыльной Кзыл-Орды, оказались дальновиднее — разглядели в точности, что творится под носом у первого секретаря крайкома.

Разумеется, после этого начались новые разоблачения «группировочной возни», и хотя газеты никого по имени не называли, но ясно давали понять, что им все известно. «Группировщики, — писала республиканская партийная газета 4 июня,— договариваются, блокируются, доносят, обещают и выдвигают друг друга, лишь бы победить дикта-

тора Голощекина и ему продавшихся казахских коммунистов».

* * *

Ну, а что же «центральный вопрос» — об «Октябре в ауле»?

«Осенью 1928 года Казахстанская парторганизация успешно провела еще одно важное социально-экономическое мероприятие — конфискацию скота и имущества 700 крупных баев-полуфеодалов, активных врагов Советской власти, — пишется в «Очерках истории Компартии Казахстана» (с. 272—273).— Все конфискованное имущество (150 тысяч голов скота, сельскохозяйственные орудия, транспортные средства и т. п.) было передано казахским трудящимся массам. Это позволило укрепить свыше 20 тысяч хозяйств бывших батраков и бедняков, около тысячи колхозов, создать 293 новые сельскохозяйственные артели и 5 совхозов.

Конфискация... в значительной мере подорвала как экономическое, так и политическое влияние байства в ауле. Тем самым были созданы более благоприятные условия для дальнейшего развития экономики аула и его социалистического переустройства».

...Еще летом по степи поползли недобрые слухи, дескать, будут отбирать имущество и скот не только у баев, но и у середняков. Люди стали продавать скотину, готовиться к откочевкам. Дошло до того, что КазЦИК был вынужден обратиться с воззванием ко всем трудящимся Казахстана и разъяснить, что слухи распускаются провокационные, никакого раскулачивания не будет и конфискация коснется лишь крупнейших баев «из среды потомства бывших ханов и султанов».

Первоначально хотели подвести под конфискацию 1500 хозяйств, ЦК, как говорил Голощекин, «ограничил нас». К полуфеодалам отнесли тех, кто имел от 100 до 400 голов скота (в переводе на крупный). На следующий день после опубликования указа Курамысов писал, что настала пора «проветрить аул революционным ветерком», что пока будут существовать баи-полуфеодалы, «злейшие эксплуататоры аульных масс и худшие враги социалистического строительства», аульная беднота не выберется из тяжкой зависимости от них, нищеты, грязи и болезней» («Советская степь», 1928, 6 сентября).

Сколько же человек угнетал злейший эксплуататор? По

свидетельству председателя КазЦИК Ельтая Ерназарова, выступавшего позднее на сессии ВЦИК, казахский бай имел несколько батраков. «Например, бай имеет вокруг себя около 10 — 15 так называемых консы, то есть бедноты, и вся эта беднота работает на него, заработную плату получает один, остальным объедки».

Значит, от эксплуатации освободили от 7 до 10 тысяч батраков. Немало, конечно, но выходит, что угнетаемых было в степи не так уж и много, если все занимались сельским хозяйством. Кстати, как ни притесняли трудящихся «эксплуататоры», как ни кормили «объедками», а с голоду у них никто не умирал. Через два-три года, когда угнетатели давным-давно были сосланы в чужие края и освобожденным степнякам навязали сплошную коллективизацию, мор стоял повальный...

Сообщения с мест о проведении конфискации были противоречивыми. Скажем, из Алма-Атинского округа телеграфировали, что день объявления декрета о выселении крупных баев превратился в праздник; семипалатинцы же принялись за конфискацию еще до разрешения крайкома и захватили «не только бая вообще, но и середняков, и в этом заключается их политическая ошибка». Бывало, аулсовет выдавал баю справку о том, что «он является хорошим человеком и... населению никакого вреда не приносит»; случалось и наоборот: люди требовали поймать сбежавших баев и немедленно объявить их бандитами и «уничтожить на месте»— боялись, что бывшие хозяева отомстят им.

На Шестой конференции, как мы помним, Дж. Садвокасов призывал хорошенько прощупать баев и снабдить бедноту их сельскохозяйственным оборудованием. Сколько же изъяли у богачей орудий труда? Историки не сообщают никаких точных данных, обходясь одним словом: много. Некоторые подробности отыскались в периодике. Так, «Советская степь» писала 13 ноября 1928 года:

«КОНФИСКАЦИЮ ЗАКАНЧИВАЮТ
(Актюбинский округ)

По предварительным данным с мест, у 60 баев-полуфеодалов конфисковано 14.839,5 голов скота (в переводе на крупный). Кроме того, изъяты сельхозинвентарь и разное имущество, как-то: юрт 16, землянок (!) 11, сенокосилок 6, конных грабель 4, лобогреек 7, бункеров 3, ковров 26, кошм 26 и т. д.»

Как видно, не у каждого злейшего эксплуататора-полуфеодала были в хозяйстве сенокосилка и лобогрейка, да и ковров-то с кошмами не густо было. Если чем и владели, то лишь скотом...

Вскоре Ф. И. Голощекин подводил итоги конфискации — сначала выступил в «Правде», а затем в «Советской степи». Свою статью 3—4 декабря он назвал «Октябрь в казахском ауле». По-видимому, основательно уверившись в своих теоретических способностях, о чем ему без устали пели крайкомовские подхалимы, Филипп Исаевич вполне серьезно писал:

«Этот опыт интересен еще тем, что **впервые в истории** (выделено мной — В. М.) мы проводим конфискацию скота, что значительно труднее и сложнее, чем конфискация земли».

Надо же, впервые в истории! Вот уж историческое достижение... Сколько веков существовали кочевые народы, столько и угоняли друг у друга табуны лошадей и баранов, не подозревая, конечно, что это называется конфискацией. Трудности же и сложности «экспроприации экспроприаторов» заключались не более чем в пересчете скота. Посади писаря-учетчика, дай ему лист бумаги — и вот тебе уже не просто грабеж, а конфискация.

«Вся кампания проводилась казахской частью нашей организации. Казахские коммунисты выдержали революционный экзамен, твердо стояли на революционном посту,— писал Филипп Исаевич.— ...Некоторые баи говорили: «Мы пользовались авторитетом, но Советская власть оказалась хитрее нас. Она подкупила бедноту нашим же скотом и уничтожила наш авторитет». На самом деле — дело совсем не так. Бай подкупал скотом...»

Наверное, так оно сначала и было. Тогда, выходит, бедняков подкупали дважды — и второй раз успешнее, потому что именно их руками производили экспроприацию, в награду за что раздали байский скот (чтобы через год-другой его и отнять при насильственной коллективизации). Испробованный еще при военном коммунизме метод разграбления устойчивого и налаженного товарного хозяйства пригодился и впоследствии, когда постановлением правительства под видом хлебной ссуды бедноте выдавалось 25 процентов конфискованного у «кулаков» зерна — из тех потайных запасов, на которые указывал бдительный бедняк, зорко досматривая за своим запасливым соседом.

3 октября «Советская степь» напечатала заметку из Челкара «Баи ходатайствуют»:

«Подлежащие выселению баи частью проявляют пассивное противодействие, отвлекая внимание батраков от конференций бедноты. Часть баев-полуфеодалов как бы примирилась с конфискацией, но усиленно ходатайствует перед уполномоченными об оставлении в местах прежнего жительства. Ходатайства отклоняются».

Судя по газете, конфискация не вызвала никакого сопротивления и прошла почти бескровно, за исключением одного убийства и нескольких нападений на уполномоченных.

«Головокружительный скачок — и «последние» становятся первыми!» — восклицал Голощекин в статье к восьмой годовщине республики, опубликованной 4 октября 1928 года.

Через две недели он выступал на собрании столичного партактива и вновь пространно теоретизировал о неумолимом нарастании классовой борьбы:

«Многие представляют себе дело таким образом: каждый-де новый шаг в социалистическом строительстве, в расширении базы его дает нам смягчение классовых противоречий.

Неверное представление, наоборот, каждый наш шаг... одновременно неизбежно(!) вызывает обострение классовых противоречий, классовой борьбы внутри Союза с нэпманом, с кулаком в особенности. Это, товарищи, нужно усвоить.

...Баи борются за свое положение всеми силами. Баи провоцируют бедняка: «Сначала, мол, меня оберут, а потом и тебя»... Конфискация породила жесточайшую классовую борьбу в ауле... Это и понятно: кампания по конфискации есть экзамен, я бы сказал, классовый огонь, которым закаливается казахская часть организации» («Советская степь», 1928, 23—24 октября).

«Прекратилась ли классовая борьба после конфискации 700 полуфеодальных хозяйств? — вопрошал Голощекин на кзыл-ординском общегородском партсобрании в декабре и отвечал: — Нет, и даже больше того — следует ожидать обострения классовой борьбы, ибо... бай все-таки остался».

Он назвал разговоры о разорении казахского аула явным оппортунизмом.

«Ну, очень может быть, — продолжал Филипп Исае-

вич,— что какой-нибудь батрак, который получил голов 15 этих баранов, за десятки лет недоедания и решится съесть 1-2 баранов (смех). Скажите, пожалуйста, на милость, какой здесь грех?.. Некоторые трудности будут, но мы их быстро преодолеем, если подойдем к этим бедняцким хозяйствам с кредитом, помощью, советом...» («Советская степь», 1928, 19 декабря).

К тому времени уже начались первые откочевки казахов — в астраханскую степь, в Сибирь, в Узбекистан и другие края. И, по всей видимости, бежали не только баи, спасавшиеся от конфискации, но и те так называемые зажиточные скотоводы, которых обещали не трогать. Пока обещали, а что там завтра будет — никто не знал. Крестьянина, скотовода жали со всех сторон: сдавай хлеб, плати налоги, подписывайся на крестьянский заем. Не сдаешь, недоплачиваешь, не подписываешься — стало быть, ты враг революции. Перегибы постепенно становились довольно обыденным явлением. Разумеется, перегибщиков обличали, но как-то мягко и снисходительно, дескать, ну что особенного, погорячился, бывает, зато с классовым чутьем все в порядке.

Да и как не допустить перегиба какому-нибудь горячему молодому уполномоченному, которому уже внушено, что «все в равной степени ответственны перед мировой революцией» («Советская степь», 1927, 30 мая) и который каждый день слышит у себя в ячейке или читает в газете примерно такое:

«Кулак и спекулянт самые злейшие и самые опасные враги. В борьбе с ними не может быть никаких церемоний... Мы не можем сейчас допустить, чтобы кучка отъявленных врагов Советской власти набивала себе карманы, играя на срыве хлебозаготовок» («Советская степь», 1928, 17 января).

Или — о крестьянском займе:

«Лозунг» кампании уже брошен т. Калининым: не меньше облигации на каждое крестьянское хозяйство. Этот лозунг даже в казахстанских условиях вполне осуществим» («Советская степь», 1928, 18 января).

Печать без устали лепила облик врага. Заголовки кричали:

— Кулак вредит бедноте;

— Кулацкое гнездо (почему-то слово «гнездо», то есть, по сути, «дом, семья» внушало особую ненависть — В. М.);

— Кулак скрывает хлеб;

— Кулацкая сверхэксплуатация;

— Шакалы Голодной степи (начался суд над байско-кулацким товариществом «Земля и труд»);

— Кулаков и баев выбросили вон;

— Продолжать борьбу с садвокасовщиной;

— Удары по вредителям заготовок...

(Сколько же врагов мировой революции обнаружилось здесь, дома, по ним надо было бить, их надлежало разоблачать; а там, за кордоном, томились в тюрьмах друзья и соратники, нуждающиеся в поддержке, и ЦК МОПР СССР выделял для Казахской краевой организации МОПР подшефные тюрьмы — 36 тюрем, находящихся в Германии, Польше, Румынии, Эстонии, Болгарии, Италии, Югославии, Испании, Венгрии, Греции, Турции, Сирии, Палестине, Индии, Корее, Китае — всего в 16-ти странах.)

В собственной стране выжимали хлеб, под угрозой всучивали облигации займа...

«Перегибы и извращения являются большим злом, и характерно здесь то, что там, где наблюдались недогибы (стало быть, гнуть являлось обязанностью, долгом — В. М.), где организация плелась в хвосте у крестьянской стихии, где до января не занимались вопросами хлебозаготовок,— там больше всего отмечаются «перегибы»,— писал Голощекин в «Советской степи» 27 апреля 1928 года.— ...Были случаи, когда задевали и бедняка, особенно в кампанию реализациии займа, когда кое-где всех не подписавшихся на заем — объявляли врагами революции».

Итак, перегибы зло и с ними надо было бороться — и, конечно, тут же брали «крепкую линию против перегибов», но выяснялось, что она не такая уж крепкая и почти не помогает. Борьба шла своим чередом, а перегибов становилось все больше и больше.

Но вот что показательно: перегибщиков отнюдь не величали классовыми врагами и, как бы они ни перегибали, никто и не думал их, скажем, выселять, наподобие бая, в «чужой округ».

* * *

В конце 1928 года с Голощекиным уже открыто не спорили: противники были разгромлены, а скорее, лишены права голоса. Однако в Москве на сессии ВЦИК Турар Рыскулов критически отозвался о конфискации, и Филипп Исаевич тут же бросился в бой.

На кзыл-ординском общегородском партсобрании он привел слова Рыскулова: «Если каждую меру мы будем считать Октябрем в ауле, то этим самым мы будем вводить себя в заблуждение. Из 35 миллионов голов скота передается около 250—300 тысяч бедноте... Это не много... Байский слой, видимо, составляет не менее 6-7 процентов всего населения, а охвачено будет всего 700—800 хозяйств».

— Итак, Рыскулов надел левую тогу...— определил Голощекин.—...Хорошо сказано, но неразумно и неискренне.

Между тем Турар Рыскулов вполне резонно и убедительно рассуждал о последствиях кампании, как политических («конфискация проводится в такой обстановке, когда мы всякие чрезвычайные меры ограничиваем»), так экономических и психологических: люди могли отшатнуться от занятия скотоводством, отчего бы уменьшилась и товарность хозяйств.

— Фактически Рыскулов высказывается против конфискации,— заявил Филипп Исаевич и процитировал в доказательство совершенно противоположную мысль своего оппонента: «Я стою за всю эту меру (конфискацию) и никоим образом не имею мысли защищать этих кулаков (полуфеодалы у Рыскулова превратились в кулака!— замечает Голощекин), но эти 700—800 хозяйств на новых местах, наверное, почти не устроятся,— об этом тоже нужно подумать».

Вот чего не мог Филипп Исаевич простить Рыскулову — как посмел тот вспомнить о людях, о конкретных — не абстрактных людях. Тем более о баях, классовых врагах. Хотя сам Филипп Голощекин (Шая Ицкович происходил из рядов мелкой буржуазии) пролетарием ни дня не был, все же, несомненно, свое классовое чутье он относил к пролетарскому.

— Рыскулову известно, что им (баям) предоставлен трудовой надел и часть скота,— сказал Филипп Исаевич и заключил:— Вот вам Рыскулов в голеньком виде, вот вам Рыскулов — старый вождь революции в новой обстановке![1]

С тех пор слово «бай» окончательно превратилось в ругательное, классово враждебное,— оно стало ярким опознавательным ярлыком, который наклеивали на врага.

---

[1] «Советская степь», 1928, 19 декабря.

Вроде других подобных ярлыков — «буржуй», «кулак», «поп», «мулла».

...За восемь лет до этого В. Г. Короленко писал А. В. Луначарскому (нарком просвещения сам просил об этом писателя, обещая ответить на каждое из его писем и обнародовать переписку, однако ничего из обещанного не выполнил, и письма Короленко были напечатаны у нас в стране лишь в 1988 году, в № 10 «Нового мира»):

«Над Россией ход исторических судеб совершил почти волшебную и очень злую шутку. В миллионах русских голов в каких-нибудь два-три года повернулся внезапно какой-то логический винтик, и от слепого преклонения перед самодержавием, от полного равнодушия к политике наш народ сразу перешел... к коммунизму, по крайней мере, коммунистическому правительству.

...Основная сущность крестьянства как класса состояла не в пьянстве, а в труде, и притом труде, плохо вознаграждаемом и не дававшем надежды на прочное улучшение положения. Вся политика последних десятилетий царизма была основана на этой лжи. ...Теперь я ставлю вопрос: все ли правда и в вашем строе? Нет ли следов такой же лжи в том, что вы успели теперь внушить народу?

По моему глубокому убеждению, такая ложь есть, и даже странным образом она носит такой широкий, «классовый» характер. Вы внушили восставшему и возбужденному народу, что так называемая буржуазия («буржуй») представляет только класс тунеядцев, грабителей, стригущих купоны, и — ничего больше.

Правда ли это? Можете ли вы искренно говорить это?

В особенности можете ли это говорить вы — марксисты?

Вы, Анатолий Васильевич, конечно, отлично помните то недавнее время, когда вы — марксисты — вели ожесточенную полемику с народниками. Вы доказывали, что России необходимо и благодетельно пройти через «стадию капитализма»...

...Капиталистический класс вам тогда представлялся классом, худо ли, хорошо ли, организующим производство.

Почему же теперь иностранное слово «буржуа» — целое огромное сложное понятие — с вашей легкой руки превратилось в глазах нашего темного народа, до тех пор еще не знавшего, в упрощенное представление о буржуе, исключительно тунеядце, грабителе, ничем не занятом, кроме стрижки купонов?

...Тактическим соображениям вы пожертвовали долгом

перед истиной. Тактически вам было выгодно раздуть народную ненависть к капитализму и натравить народные массы на русский капитализм, так натравливают боевой отряд на крепость. И вы не остановились перед извращением истины... Крепость вами взята и отдана на поток и разграбление. Вы забыли только, что эта крепость — народное достояние, добытое «благодетельным процессом», что в этом аппарате, созданном русским капитализмом, есть многое, подлежащее усовершенствованию, дальнейшему развитию, а не уничтожению. Вы внушили народу, что все это — только плод грабежа, подлежащий разграблению в свою очередь...

Своим лозунгом «грабь награбленное» вы сделали то, что деревенская «грабижка», погубившая огромные количества сельскохозяйственного имущества без всякой пользы для вашего коммунизма, перекинулась и в город...»

Известно, что казахская степь не добралась в экономическом развитии и до «благодетельной стадии» капитализма. Родовые отношения реально существовали в ауле. Уничтожая бая, уничтожали не только организатора товарного скотоводства, но и старшего по званию родственника. Разрыв между целями «пролетарского» (почему пролетарского, если Россия была в основном крестьянской, не говоря уже о Казахстане) государства и «косной» трудящейся массой, пассивно сопротивляющейся, по своей «темноте», благу социального прогресса, в казахском ауле был еще больше, чем в русской деревне. Плохо ли, хорошо ли, но этот старший родственник не только угнетал и эксплуатировал своих сородичей, но и заботился о них — разумеется, в меру своих понятий, совестливости и сочувствия к ближнему, в меру своих взглядов на жизнь и возможностей. Во всяком случае, до времен социальных катаклизмов, связанных с революцией, повальных голодовок в степи не отмечалось, хотя, конечно, в годы неурожая и джута бедноте приходилось тяжко. Не потому ли впоследствии правление Голощекина казахи сравнили не с чем-нибудь, а с весьма далеко отстоящим по времени джунгарским нашествием, когда народ вырезали аулами и толпами гнали в полон, когда вся степь пылала в огне и мучилась от страданий. Но может быть, и это сравнение лишь частично передает то, что случилось в наши годы...

С нэпом было покончено, разверстка все более вытесняла продналог. Народ схватили за шиворот и потащили

к «светлому будущему» коллективного труда, не церемонясь и не спрашивая ни у кого согласия.

Трагедия была неминуема...

VII

...У каждого своя боль, свое горе. И даже через шесть десятков лет говорить об этом тяжко, а бывает — невозможно.

Старейший казахский писатель Альжапар Абишев не захотел делиться воспоминаниями о тех годах. Выслушал мой вопрос, рассеянно улыбнулся, махнул рукой.

— Не могу, тяжело...

Прошло несколько минут в полном молчании, и он вдруг обронил:

— Деда моего звали Жолдыбай. От его пупка, как говорят казахи, потомков было девяносто четыре человека — вот наша семья. После коллективизации в живых осталось семеро...

* * *

Мекемтас Мурзахметов, известный литературовед, поведал редкий по трагичности случай:

— В детстве, когда, бывало, я вовсю начинал шалить и проказничать, мать все время произносила в сердцах одни и те же загадочные слова: «Ох, уж лучше бы я тогда оставила — тебя...» И так странно она говорила это, что я невольно притихал. Ничего не мог понять. где она меня должна была оставить, почему именно меня? А спросить отчего-то не решался...

Потом, когда я подрос и мне исполнилось лет пятнадцать, я однажды все-таки спросил маму, почему она всегда произносит эту непонятную фразу. Было это за год до ее кончины. Мать задумчиво поглядела на меня, отерла слезы и рассказала такую историю.

...Была ранняя весна 1933 года. Самая ужасная пора, когда голод выкосил почти весь наш аул (жили мы в Тюлькубасском районе Южного Казахстана). Спасаясь от верной смерти, мать решилась уйти в соседнее село к родственникам. Мою маленькую сестренку она несла на руках, а я — мне было тогда года два с половиной — шагал рядом, держась за подол.

За околицей аула начиналась колхозная бахча. Только мы ступили на тропу, как навстречу вышла стая волков. К тому времени домашней скотины давным-давно уже

не осталось на сотню верст в округе, и голодные звери сбивались в стаи и повсюду нападали на людей, чего раньше и в помине не бывало.

Мама закричала, стала звать на помощь, но поблизости никого не было. Волки приближались, норовили взять нас в кольцо... Мать была поставлена перед страшным выбором — либо нас всех растерзают, либо она оставит кого-нибудь из детей, а сама с другим ребенком попробует убежать.

Мать положила девочку на землю, подхватила меня на руки и бросилась к аулу.

...Когда она вернулась на то место с людьми — сестренки уже не было.

Ей, моей младшей сестре, я обязан жизнью.

...Я спросил тогда маму, почему же она не оставила меня? Она сказала: «Сын был нужнее...» Невыносимо представить, что она перечувствовала, что она думала про себя всю жизнь...

...И все из-за этого проклятого голода...

* * *

Много смертей и людского горя довелось видеть за свою долгую жизнь Галыму Хакимовичу Ахмедову. В 1921 году пятнадцатилетним юношей он учился в Оренбурге и запомнил потрясающие душу картины того, первого голода: вокзал был завален мертвецами, повозки со штабелями трупов с утра громыхали по улицам. Но то, что он увидел у себя в Казахстане спустя десять лет, в 1932—1933 годах, было еще страшнее.

— Ой, и много же людей тогда помирало,— рассказывает Галым Хакимович.— На нашей улице в городе Аулие-Ата детдом находился — каждый день трупы детишек телегами отвозили. По утрам их забирали...

В 1932 году Ахмедову (он работал директором техникума) пришлось трижды участвовать в комиссиях, разбиравших случаи каннибализма.

— Из Алма-Аты гэпэушник приезжал, по фамилии Петров. Очень похож на казаха. Я заговорил с ним по-казахски — мотает головой, дескать, не понимаю. Оказалось, якут. Четыре ромба в петлицах. По письму, что ли, приехал, в общем, проверять...

Поехали в один из аулов. У женщины местной нашли под горкой золы человеческую голову, куски мяса. Убила она кого-то. Увезли ее охранники, уж не знаю куда...

В крайнем ауле неподалеку от города, там колхоз

имени Свердлова был, остался в живых один парень. Уцелел потому, что питался человечиной — женщину зарезал. Стали мы расспрашивать его — не признается в убийстве. «Нет! Нет, не трогал я никого!» Как же никого, когда все тут у него в доме и обнаружилось... «Побойся бога, умирать же тебе скоро!»— говорит кто-то. А он, действительно, опухший уже лежит, не движется. Не выдержал парень тут, сознался. Плачет, говорит: совсем с ума сошел от голода, вот и зарезал...

А третий случай со стариком произошел, в другом ауле. Месяц жил он на человечине...

Страшно вспоминать тогдашнее, но и молчать об этом больше нельзя... Разве забудешь, как в зиму 1932 года, в злющие холода, шли к нам в Аулие-Ату из Сарысуйского района люди. Какой там шли — еле-еле тащились. Женщины, дети, старики — грязные, полубезумные, в каких-то лохмотьях. Удалось ли им спастись в городе? Ведь и город голодал...

А сильнее всего меня поразил один вроде бы незначительный эпизод. Пришел я как-то в самом начале голодовки на базар. Крик, шум, пятна крови на земле. Повернул обратно, а там, недалеко от пустых лавок, яма какая-то, довольно глубокая. И сидит на дне молодой паренек-казах. Прижался боком к земле, голову руками обхватил и дрожит. А голова вся в крови. И ужас, бессловесная мука застыли на лице — просто смотреть невозможно, как ему больно. ...Оголодал, видно, он вконец и попытался лепешку утащить у торговки, да неудачно — поймали, и избили, и голову проломили...

* * *

Газеты 1933 года (впрочем, как и предыдущих, и последующих лет, вплоть до 1985-го) молчали о голоде. Молчали по всей стране. Если в начале двадцатых годов о голоде они еще говорили и даже общество помощи голодающим было создано и действовало — «Помгол», то в начале тридцатых годов самым сильным словом в печати было — «продовольственные затруднения». О голоде молчали — кричали о победах коллективизации и социализма.

Но ведь пишут не только газеты и не только в газету...

Девятнадцатилетняя девушка Татьяна Гаврииловна Невадовская писала в свою тетрадку-дневник. Она жила тогда вместе с ссыльным отцом-профессором в ауле Чимдавлет, расположенном в предгорьях Заилийского Алатау.

И она, и отец работали на опытной сельскохозяйственной станции. В 1980 году Невадовская передала в Центральный государственный архив Казахстана альбом с фотографиями тридцатых годов, которые она сопроводила своими воспоминаниями об отце, его сотрудниках и тогдашней жизни. Альбом, быть может, сказано неточно. Это обычная тетрадь для рисования с наклеенными тускловатыми любительскими снимками и записями. А в конце, на последних страницах, стихотворение собственного сочинения. Оно озаглавлено так: «Казахстанская трагедия» и датировано мартом 1933 года.

Я приведу его полностью, но сначала, пожалуй, стоит прочесть те строки, которые Татьяна Гаврииловна написала спустя 47 лет:

«В этот период 32—33 гг. в отчаянно-бедственном положении оказалось местное население Казахстана: казахи покидали аулы, целыми семьями умирали от голода, замерзали зимой, болели. Позже это назовут «искривлениями», а тогда весь Казахстан испытывал большие экономические трудности...

Жуткая это была зима и для нас, но, главное, для местного населения... Я была очень молода, впечатлительна... отзывчива... и очень глубоко и тяжело переживала потрясающие невзгоды, голод, нищету, незащищенность темного и забитого тогда народа... Хотелось бы, чтобы нынешнее поколение казахов (грамотного и возрожденного народа) не забывало об умиравших от голода людях, детях, стариках и вымерших и покинутых кишлаках и аулах, о замерзших в степи и больных...»

А теперь стихотворение 1933 года, когда поэты-профессионалы из тех, кто к тому времени не попал в лагеря, писали отнюдь не столь простодушно, как девушка-лаборантка.

В природе март — пришла весна хмельная...
А все забыть — не помнить не могу...
Уж травка первая, а я припоминаю
Замерзшие фигуры на снегу.
Убожество и грязь, я их не замечаю,
Не замечаю ни заплат, ни вшей,
И беспредельно, искренне страдаю
За этих обездоленных людей.
Их косит голод... Я не голодаю,
Обута я... а тот казах босой.
Безумную старуху вспоминаю

И женщину с протянутой рукой.
Из грязных тряпок груди вынимает,
Чтоб объяснить: «Ни капли молока»
И крохотное тельце прижимает
Худая материнская рука.
Не содрогаюсь и от отвращенья,
Но и смотреть спокойно не могу,
Как люди, падая от истощенья,
Перебирают колоски в стогу.
Под проливным дождем, под ветром, под снегами
Стога соломы здесь в степи стоят.
Колосья прелые, изъедены мышами,
Покрыты плесенью... содержат яд.
Беспомощные детские ручонки
Находят полусгнивший колосок,
И слышится надтреснутый и тонкий
Болезненный ребячий голосок.
Так в чем же их вина? За что такие муки?
Здесь, на своей земле, в краю родном?
Ах, эти худенькие пальчики и руки
И девочка больная под стогом.
Под кожей ребра и торчат лопатки...
Раздутые ребячьи животы...
Нет оправдания и нет разгадки
Причины этой жуткой нищеты.
Вот озимь поднялась. Синеют в дымке дали,
И жаворонки в небесах уже...
Нельзя, нельзя, чтоб дети голодали.
...И этот труп казаха на меже.
Кто приказал? Узнать — понять хочу я,
Кто смерть и нищету послал сюда?
Где спокон веку жил народ, кочуя
С верблюдом, осликом, и пас стада.
Зачем снимать последнюю рубаху
И целый край заставить голодать?
Кому понадобилось — богу иль аллаху
Все отобрать и ничего не дать?
Какой же деспот создал эту пытку?
Иль полоумному пришла такая блажь?
Последнюю овцу, кошму, кибитку,
Мол, заберешь и ничего не дашь.
Но все молчат, хоть знают — не умеет
Казах-пастух ни сеять, ни пахать.
Без юрты он зимой окоченеет,
Без стада и овец он будет голодать.

И не пеняй на климат, на природу,
На то, что Казахстан степной и дикий край.
Такой был урожай!— Хватило бы народу
На хлеб и на табак, на мясо и на чай!
Так нет же!— Увезли отборную пшеницу,
Огромные стога остались на полях.
У тех стогов такой кошмар творится —
Не мог бы выдумать ни бог и ни аллах...
Без шерсти и кошмы — казах совсем раздетый,
Без дичи и без шкур он будет необут.
Откуда ему знать, что в Подмосковье где-то
В колхозах на полях сажают, сеют, жнут.
Я не умею с этим примириться,
Мне тяжело на это все смотреть.
На небе радостно поют, трепещут птицы,
А на земле страданья, голод, смерть.
Мерещатся мне детские ручонки
У прошлогодней и гнилой скирды,
И небо ясное и жаворонок звонкий,
Смесь зла, добра, нужды и красоты.

* * *

Через восемь лет после того, как хирург из г. Пущино Московской области Т. Г. Невадовская передала свой альбом «Годы, люди и судьбы» в Центральный госархив Казахской ССР, об этом — человеческом — документе написал в республиканскую молодежную газету директор архива М. Хасанаев.

А что же документы официальные? Архивные работники говорят: о голоде во время коллективизации почти ничего не сохранилось. Им вторят историки, исследующие эту тему: данные приходится собирать по крупицам... Словно бы и не было в республике мора, унесшего неисчислимое множество жизней.

Несколько дней я пересматривал толстые папки с документами тридцатых годов — материалами различных казахстанских наркоматов. Действительно, пусто! Такое впечатление, что кто-то нарочно вычищал всякое, даже косвенное упоминание о народной беде. Что же, вполне возможно, что устроители мора позаботились и о том, чтобы замести следы.

Среди тысяч документов лишь в одном встретилось мне свидетельство надвигающейся всеобщей голодухи. Каркаралинский окружной отдел здравоохранения сообщал

28 мая 1931 года в Наркомздрав республики о санитарном состоянии района:

«С питанием в настоящее время обстоит дело очень плачевно, если не катастрофично... В совхозах «Овцевод» с 1 апреля сняты со снабжения семьи всех рабочих и служащих. Выдают хлебную норму только на самого рабочего и 1/2 литра молока и больше абсолютно ничего, хотя рабочий и имеет семью в 5—10 человек... Ни сахару, ни крупы — ничего не дается.

...В городе... около 300 человек заключенных последние дни абсолютно ничего не получают и живут только на передачах, если кому носят.

Служащие... за март и апрель на всю семью, независимо от ее количества, включая и себя, получили по 7-ми килограмм плохого пшена. Часть же и ничего не получила...

Работники разбегаются. Один работник Глебенко ушел даже в Семипалатинск пешком за 360 верст. Если картина не изменится, большинство работников, в том числе и врачи, к осени могут уехать совсем.

В домзаке цинга, обострение туберкулеза: цинга в детдомах, среди матерей... в больнице 80 процентов цинготных.

Стацинский»[1].

Вершина бедствия пришлась на 1932—1933 годы — в архивных материалах Наркомздрава, пекущегося о народном здоровье, за этот период — ни слова о голоде.

...Многочисленная родня Жолдыбая, деда Альжапара Абишева, как раз проживала в окрестностях Каркаралинска...

* * *

В альбоме Невадовской больше всего впечатляет один небольшой любительский снимок.

Голая комковатая земля, вдалеке рядок пирамидальных тополей с обнаженными ветками, деревья окаймляют поле; русоголовая девушка в ситцевом платье стоит, как бы не замечая фотографа, и глядит в сторону, а на переднем плане парень-казах, а быть может, это и не парень, а вполне взрослый человек,— не понять. Он сидит на земле, устало обхватив ноги, и рядом валяется кетмень. Одежда вся потрепанная, ботинки рваные, в обмотках. Лицо худое, измученное, в тусклом взгляде отчаяние и безнадежность. Судорога страдания словно схватила и не отпускает это лицо...

---

[1] ЦГА КазССР, ф. 82, оп. 1, д. 821, св. 61, л. 47.

Вот какой записью сопроводила Татьяна Гаврииловна Невадовская этот снимок:

«Эта фотография — потрясающий обличительный документ периода так называемых «искривлений».

Ранняя весна 1933 года. Я шла с кем-то из специалистов, со мной был фотоаппарат. По тракту сидел обессиленный, истощенный казах... он с трудом тащился с полевых работ, обессилел, стонал, просил есть и пить... Я передала фотоаппарат своему спутнику и поспешила принести воды. Он пил с жадностью. Я не заметила, когда мой товарищ меня сфотографировал. Я поспешила снова домой, чтоб принести ему кусочек хлеба и сахара... Когда я подошла к нему с хлебом... он был уже мертв...

Так умирали люди в этот страшный, голодный 1932—33-й год.

В память о незаслуженных и неоправданных страданиях этого народа в этот период я бы поставила памятник на этом месте, как ставят обелиски у могил Неизвестного солдата...»

Понятное желание. Но едва ли мы можем сравнить этого бедолагу, умершего от истощения по дороге с весеннего поля, с Неизвестным солдатом. Солдат сражался с оружием в руках. А у этого бедняка ничего, кроме кетменя, не было. Да и не знал он, что за напасть обрушилась на его землю и почему вдруг все вокруг мрут как мухи. Он не знал слова г е н о ц и д, которое в буквальном переводе обозначает — уничтожение рода, племени, а шире — уничтожение народа. И не предполагал, что гражданская война имеет разные обличья, в том числе и те, когда пушки не палят и никаких выстрелов вроде бы не слыхать, а народу больше косит смерть, чем на полях сражений.

Он был — мирная жертва...

VIII

Рассказывают, адмирал Колчак обмолвился как-то, что казахами управлять проще простого: достаточно уничтожить человек 500 интеллигенции, которую слушается и которой верит народ,— и казахи покорены. Доподлинно неизвестно, говорил ли правитель Сибири эти слова, но при недолгом владычестве Колчака казахская интеллигенция не пострадала ни в едином лице. Однако нет дыма без огня — идея, наверное, витала в воздухе.

1 октября 1930 года первый секретарь крайкома Голо-

щекин, выступая в Алма-Ате на собрании городского партийного актива по случаю десятилетнего юбилея республики, высказал примерно те же самые мысли, только в более скрытой оболочке. Он говорил с полным сознанием правоты, нисколько не замечая своего предельного цинизма, что тактической задачей партийных органов в отношении «бывших алашординцев» было —«использовать национальную интеллигенцию, приблизить ее к себе для овладения аульной массой, и на этой основе построить Советы.

И чем больше мы овладевали массой, организовывали бедноту, тем сильнее наносили удар по буржуазному национализму, и это дало возможность подойти к такому периоду, когда мы создали свои кадры, **когда мы можем отбросить этих временных союзников** (выделено мной — В. М.).

Заслонить в какой-либо мере борьбу с шовинизмом борьбой с национализмом, для того времени, было равносильно отказу от владения доверием казахских масс».

Вот такая тактика была у Филиппа Исаевича. «Использовать.... приблизить... овладеть... отбросить». И не переборщить на первых порах в борьбе с национализмом, а то, не дай господи, не овладеешь доверием казахских масс.

Голощекин потому говорил столь откровенно и беззастенчиво, что с верхушкой старой казахской интеллигенции, с лучшей частью духовных вождей народа он уже расправился.

С ними было попроще, чем с вождями «группировок»: в партии не состояли (или были уже исключены), в ЦК не жаловались. Им всегда можно было ткнуть в лицо «старые грехи»— алашординское прошлое (оно-то впоследствии и пригодилось, когда были подготовлены «свои кадры» и когда аульной беднотой уже «овладели»). И уж, конечно, всякая их деятельность безусловно считалась проявлением буржуазного национализма.

Поначалу Филипп Исаевич был относительно лоялен с казахской интеллигенцией, призывал к сотрудничеству с ней, но лишь при том условии, чтобы ни в коем случае не отдавать «главных узлов... культурной работы». На Пятой конференции в 1925 году он настойчиво внушал мысль, что интеллигенцию нужно нивелировать, считая такую постановку вопроса вполне естественной и допустимой.

Однако что значит — привести к общему знаменателю творческого человека? Это значит или принудить его к

послушному приспособленчеству, то есть духовно оскопить, или же попросту уничтожить, потому что настоящая личность не поддается никакому усреднению. При нивелировке почвы первым делом обычно срезают холмы и бугры.

Вряд ли Голощекин всерьез стремился привлечь к новому строительству духовных вожаков и учителей казахского народа — недаром он не снимал ни с кого из них националистических ярлыков. То была, с его стороны, тактическая уловка: на время, только лишь на время он соглашался терпеть «националистов», а потом они подлежали, конечно же, устранению, ликвидации. В той или иной форме, смотря по обстоятельствам и возможностям нового этапа классовой борьбы.

Партийная критика ни на миг не отводила в сторону нацеленных стволов. Некто С. К. сообщал 27 мая 1927 года в «Советской степи» о писательских организациях Казахстана:

«Политическое направление произведения определяется принадлежностью автора к тому или иному течению. По предварительным подсчетам, авторами-националистами выпущено 14 названий, КазАППовскими 16 и попутчиками 9... У националистов несколько больше разнообразие в авторах (Байтурсунов, Ауэзов, Дулатов, Кеменгеров, Омаров, Абай, Джумабаев)[1].

...Националисты в ярких красках воспевают степь и казахский народ, вне классовой сущности, а по существу направляют свое перо против Советской власти».

Как видим, и Абай Кунанбаев попал под бдительный прицел критики, и его, умершего до революции, объявляют противником Советской власти.

Голощекин начал массированную атаку на интеллигенцию чуть позднее, когда с «группировщиками» было в основном покончено, а «масса аульной бедноты» в некоторой степени «организована».

На Шестой Всеказахстанской конференции (ноябрь 1927 года) он обвинил «академический центр (Байтурсунова)» в извращении партийной линии:

«Составлена и издана отдельная книга, содержащая около 5 тысяч терминов на казахском языке... Масса в них не разбирается... Имеются огромные извращения, кажется, всем известно, что «интернационал» там пере-

---

[1] Фамилии Байтурсынова, Жумабаева и других — здесь и далее даются в тогдашней записи.

веден чуть ли не как «насильник» — совершенно невероятная вещь».

Затем Филипп Исаевич весьма пространно заговорил о роли интеллигенции — и сквозь остатки тактического лицемерия стали прорезаться более искренние нотки:

«У нас нет сомнения, товарищи, что тут не может стоять вопрос о преследовании. Наоборот, мы должны вовлечь интеллигенцию, она должна работать с нами... Но мы должны руководить ею, а не она нами — вот и все. Нетерпимо такое положение, что она, **чуждая, совершенно враждебная нашей идеологии** (выделено мной — В. М.), очень сильно влияет на различные стороны нашей жизни...

Среди старой интеллигенции мы имеем движение, напоминающее сменовеховство. Вы знаете известное стихотворение Джумабаева относительно «90», он теперь уже пишет о 90, он на стороне 90, а многие обманываются на этот счет, полагая, что он искренен.

На 100 они проиграли, и поэтому пробуют выиграть на 90; и, если идут к нам — хорошо, мы их погладим, но одновременно надо и ударить, чтобы 90 знали, что они не за них, что они пока против них, что они подыгрываются под эти 90»[1].

Ударили — через два года, да так, что 60(!) лет имя выдающегося казахского поэта находилось под запретом и стихи его не печатались (несмотря на реабилитацию в 1960 году).

Что же за криминал содержался в стихотворении Магжана Жумабаева?

Обратимся к объективному мнению комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова: «Стихотворение «Токсаннын тобы» («Голос девяноста»), написанное им в 1927 году, характеризует не только политическое лицо поэта, но и свидетельствует, насколько далеко продвинулся он как художник новой эпохи. В этом произведении поэт от чистого сердца заявляет, что он сторонник девяноста, то есть большинства народа, которое наперекор всему решительно ведет обновление родного края» («Вечерняя Алма-Ата», 1988, 28 декабря).

Как видим, дело было не в содержании стихотворения, а в желании у д а р и т ь, в том смысле, который вкладывали в это понятие такие приверженцы классовой борьбы, как

---

[1] «Советская степь», 1927, 21 ноября

Голощекин. А смысл этот состоял в уничтожении, потому что национальный поэт, по сути своей, народен; казахский же народ, по разумению Филиппа Исаевича, не внушал никакого доверия, поскольку «самого передового» — рабочего класса почти не имел, слушался баев и мулл и потому подлежал долгой и кропотливой советизации, в которой не следовало «бояться крови». В те времена само упоминание о народе казалось подозрительным, ибо свидетельствовало о классовой неблагонадежности, а Магжан Жумабаев писал в поэме о Коркуте: «Не буду жалеть себя, готов умереть за свой народ, если хоть что-нибудь сумею сделать для него».

Вся интеллигенция была под подозрением, и потому Голощекин зорко следил за каждым ее шагом, время от времени издевательски вставляя в свои речи пассажи о том, что совершенно случайно обнаружил ту или иную «вредоносную» идею.

В том же докладе на Шестой конференции он говорил:

«Я случайно натолкнулся на одну статью в «Энбекши-Казах» (по-казахски он, между прочим, не читал.— В. М.) о художественной литературе... Статья построена на тенденции подыгрывания под марксизм, в частности по вопросу — может ли быть(?) социалистическая культура. Я вам зачитаю заключительный абзац:

«Казахский национализм — не имеет колонизаторствующего характера. Он не добивается верховенства и подчинения себе кого-либо, он лишь хочет защищать себя, спасти себя и, если сможет и сумеет,— достичь, добиться равенства. Пока на деле не будут приравнены массы национальных меньшинств — национализма не изжить».

...Абсолютно неверно, абсолютно вредная постановка.

«Национализм» казахского рабочего, бедняка — добиться равноправия с европейским бедняком. Это здоровый «национализм», правильный. Национализм наших баев, буржуазной интеллигенции, у них он какой — невинненький? Посмотрите, как в период до Октября и после Октября этот националистический щенок вырастает в очень большую националистическую собаку (смех)... Есть «национализм» в кавычках, то есть стремление к равноправию, здоровый, правильный, и мы должны ему помогать, а по националистической верхушке байских идеологов надо бить» («Советская степь», 1927, 21 ноября).

И здесь казахский рабочий класс и «бедняк» противопоставлены, по сути, народу.

Кампания против «националистов», направляемая опыт-

ным режиссером, набирала силу, однако ее участники, послушные исполнители директивы, наверное, вряд ли тогда представляли, какой огромный урон ожидает национальную культуру.

11—12 апреля 1928 года «Советская степь» напечатала большую статью Г. Тогжанова «Против национализма, обывательщины и комчванства в казахской литературе и критике».

«Еще не так давно — 3-4 года тому назад — наши националисты доказывали, что... искусство, в частности литература, не подчиняется политике и что политические или — как они выражались — узкоклассовые интересы чужды ей, и казахская художественная литература ставит себе «общенациональные» надклассовые интересы. Так писали молодые идеологи казахских националистов — Ауэзов, Искаков Д., Аймаутов и К^0... И Садвокасов не мыслит нашу советскую литературу без националистов — без Ауэзова, Аймаутова и Кеменгерова. И он, как и националисты, уверен в том, что писатели-националисты могут дать для казахских трудящихся очень полезные вещи на межнациональные темы. Мало того... он даже протестует против того, что мы разоблачаем националистическую идеологию поэта Джумабаева Магжана — известного националиста, в одно время ярого контрреволюционера».

Одержимый порывом очистить казахскую литературу от «националистов», Тогжанов принялся разоблачать и одного из руководителей КазАППа — Казахской Ассоциации Пролетарских Писателей — коммуниста Сакена Сейфуллина, за которым он не признал никакого права называться пролетарским писателем, ибо «у него не только нет ничего пролетарского, но зачастую не хватает и советского».

Показателен способ обвинения (точно такой же впоследствии использовал Голощекин): критик громил С. Сейфуллина за старые стихи, которые сам поэт публично признал ошибочными.

Особенно досталось за «пропаганду националистической идеологии» стихотворению «Азия». В нем Азия говорит Европе:

Коварная Европа — страна насилия, эксплуатации и жестокостей.
Много раз я направляла тебя на путь правды,
Много умных голов посылала тебе...
Я посылала моих гуннов, мадьяр, болгар, мавров и арабов,
Ты видела моих татар, турок и монголов,—

Прошли дни, годы; ты не отрешилась от зла...
Я посылала от семитов Моисея, Израила, Давыда и Исаю,
Я посылала тебе пророков
И наконец послала Магомета.
Чтобы очистить мир от грязи,
Чтобы смягчить его бездушно-каменное сердце,
Еще много потомков семитов
Посылала с Карлом Марксом во главе...
Если не будешь слушать этих умоляющих слов,
Гордясь, не считая меня равной тебе,
Словами «учи ее силою»
Пошлю монгола своего с раскосыми глазами.
Монгол... многих неукротимых усмирил,
Многим гордым позвоночник своротил,
Накинул многим на шею аркан,
Верхом по оврагам и равнинам волочил,
Много городов стер с лица земли,
Много степей опустошил,
Как будто по ним прошел пожар.
Ел сырое мясо, пригоршнями пил кровь,
Много младенцев воздевал на острие копья,
У монгола есть дела, устрашающие людей,
...сила, потрясающая небо и землю...
Горе, горе Европе, если она не послушается
Голоса справедливости, голоса Азии.

За это стихотворение Сейфуллина обвиняли и впоследствии, когда, по известному образчику, партийные критики испекли новую «правую националистическую группировку» под названием «сейфуллинщина», а самого поэта подвели под арест и расстрел — в конце тридцатых годов. В 1928 году с Сакеном Сейфуллиным им справиться не удалось — не сумели, как говорится в среде специалистов, оформить.

Тогжанов критиковал Сейфуллина и за то, что в 1924 году он посвятил Троцкому книгу «Домбра» (надо сказать, что критик «вовремя» напомнил об этом факте четырехлетней давности, так как с 18 января 1928 года Лейба Давидович Бронштейн, он же Лев Давидович Троцкий, исключенный из партии, отбывал ссылку в Алма-Ате, откуда в феврале 1929 года был выслан за границу).

Через два месяца, 6 июня 1928 года, Сакен Сейфуллин ответил на статью Габбаса Тогжанова в той же «Советской степи» выступлением, озаглавленным «Неонационализм и его наступление на идеологическом фронте»:

«21 февраля 1922 года в своей «боевой» статье в «Энбекши-Казах» Г. Тогжанов писал:

«Раньше в белых роскошных юртах полны счастья, распивающие ароматный свой кумыс, едящие жирные и вкусные конские мяса, казы-карта, имеющие большие табуны лошадей, верблюдов, коров и баранов, ...казахи питаются теперь всякой травой, вонючими муравьями, собачьим мясом, мышами...

...Хотя о голоде казахского населения в русских газетах не пишут, но в казахских газетах пишут...»

Уличив таким образом своего критика в «грехе» такой же шестилетней давности и припомнив ему, что когда-то Тогжанов вместе с Садвокасовым называл попутчиками «всех алашординских писателей: и Жумабаева, и Ауэзова, и Аймаутова», С. Сейфуллин пришел к выводу, что, «пока существует казахский байский класс — национализм (Алаш-Орда) будет жить».

Затем поэт дал подробные разъяснения по тем произведениям, которые Тогжанов обвинял в пропаганде национализма. Оказалось, что стихотворение «Айт» о мусульманском празднике он сочинил еще мальчиком, в акмолинском приходском училище, когда «мы о марксизме даже и не могли слыхать». По поводу стихотворения «Письмо к матери», обруганного Тогжановым, Сейфуллин писал:

«...Во-первых, это ложь, что я материнскую любовь считаю выше всего... Из этого стихотворения, что не видно? — мать я ставлю выше или революцию?..»

Подробнее всего он говорил о стихотворении «Азия». Оно было написано в 1922 году во время Генуэзской конференции, когда «азиатское освободительное движение аплодировало т. Чичерину... В «Азии» еще был другой мотив... о семитах. Контрреволюционные элементы (национализм, шовинизм, мещанство) тогда усиленно поговаривали насчет «жидов». Я хотел и этому отвратительному натравливанию реакции, т. е. антисемитизму, дать пощечину. Конечно, угрожать империалистической Европе народами Азии не по-марксистски. И, конечно, восхвалять семитов, что они поведут человечество к братству,— тоже не по-марксистски... Об этой ошибке... я... в мае 1923 года в журнале Казкрайкома ВКП/б/ «Кзыл-Казахстан» дал полное разъяснение, где неправильность положений... признал».

Разъяснения и покаяния, как оказалось потом, ровным счетом ничего не значили.

На обвинения в комчванстве С. Сейфуллин ответил следующим образом:

«В Москве 30 января 1928 года в Комакадемии состоялся доклад Громова об эмигрантской литературе. Громов восхвалял Бунина, рекомендовал нашим писателям учиться у него. В прениях выступил тов. Фриче и сказал: «...Наша лирика стоит выше эмигрантской. Мы не можем учиться у Бунина, потому что он мистик. Эмигрантские писатели обречены и раздавлены вместе со своим классом и должны сойти на нет. У этих писателей все больше и больше умирает их формальное мастерство. Нашим писателям взять от них нечего» («На литературном посту», 1928, № 4). «Вот слова авторитетнейшего марксистского критика т. Фриче,— восклицал Сейфуллин.— Пускай плачут, что мы не хотим учиться у алашординского мистика Жумабаева, ученика Мережковского и Бальмонта...»

Таков был уровень тогдашней литературной полемики. В принципе она ничем не отличается от нынешних споров, разве что доводы теперь стали изощреннее и никакой авторитетнейший «марксистский критик» не скажет откровенную глупость, что Бунин мистик.

Самое удивительное в том времени, пожалуй, полное пренебрежение к таланту. Отнюдь не понимали его как народное достояние, отнюдь не признавали в нем искры божьей. Дарование попросту не уважали. Мерилом литературного труда сделалась идеология — в грубом и примитивном ее толковании. Умствующие начетчики-литгномы типа «т. Фриче» дрессировали новых писателей «классовыми» хлыстами. Шаг в сторону, как при конвоировании, воспринимался как побег — и тут же открывали огонь... Ни Тогжанов, ни Сейфуллин даже не замечали, как в полемике они дружно затаптывают талантливого литературного собрата Магжана Жумабаева и других даровитых писателей. Вряд ли они не догадывались, что вслед за публичными обвинениями придет час оргвыводов. Конечно, каковы они будут, никто не мог предвидеть в точности. Это знал только режиссер-постановщик газетной травли, восседающий в крайкоме. Он-то знал...

Самое человеческое, что ли, в этой статье Сейфуллина — ее окончание, где он косвенно жалуется на тесноту рамок, в которые уложена художественная литература, и как бы робко оправдывается в своем праве писать на разные темы, в том числе и печальные.

«...При виде хорошо организованной бедняцкой сельскохозяйственной артели, где сепаратор плавно поет ра-

достную песню коллективного труда и культуры, хочется подпевать этой прекрасной музыке культуры и любоваться работой этого коллектива... Но когда увидишь казашку, одетую в грязные лохмотья, долгим тяжелым трудом придавленную, согнутую, сморщенную, тихо идущую за тощим шатающимся ишаком...— тогда душевные переживания невольно настраиваются на печальный, мрачный камертон. Мало ли других видов нашей жизни? Все эти виды... невольно могут отражаться в нашей художественной литературе».

Невольно... Почему же не наоборот — вольно?..

Руководимые разномастными «т. Фриче», сами того не подозревая, казахские «пролетарские писатели» подрывали национальную культуру, поскольку «т. Фриче» выкрикивали на каждом углу свои приказы, приравнивающие все национальное к националистическому. «...Нашей молодой казахской общественности следует учиться не у Абая, а у Маркса, Плеханова, Ленина и других классиков марксизма... Мы считаем, что одна из первоочередных задач партийной организации Казахстана на идеологическом фронте состоит в том, чтобы покончить с абаизмом как с обычным буржуазным хламом. Поэтому в кратчайший срок необходимо мобилизовать все культурные силы партийно-советской общественности Казахстана против учения Абая и его современных единомышленников», — писал Ильяс Кабулов 2 августа 1928 года в «Советской степи».

Филипп Исаевич Голощекин с присущей ему настойчивостью в преследовании врага продолжал кампанию травли Магжана Жумабаева и других «старых» казахских писателей. 23 мая 1928 года, выступая с докладом на собрании кзыл-ординского партактива, он говорил:

«Тов. Бухарин в своем докладе на съезде ВЛКСМ приводит выдержку из стихотворения Джумабаева, который рассматривает проведение железной дороги в Казахстане (того, что действительно поднимает культуру, создает развитие производительных сил) как лишение всего старого. Когда мне до сих пор говорили, что есть течение у некоторых казахов против Туркестано-Сибирской желдороги, я не верил. Я этого и не мог представить себе. Но вот теперь, когда прочел это, я подумал, что да, есть, и я считаю, что их путь приведет... к лозунгу самоопределения буржуазного и с неизбежной зависимостью от буржуазии».

В последнее время о Бухарине пишут много. Причем если раньше о нем либо молчали, либо упоминали в убийственно-отрицательном плане, то ныне, по извечной нашей

привычке бросаться из крайности в крайность, из него делают чуть ли не святого, которым он вовсе не был.

Еще за год до того, как под его всевидящее око попалось стихотворение Магжана Жумабаева, он разразился в газете «Правда» (12 января 1927 года) «Злыми заметками», в которых фактически дал команду кампании, направленной против русских крестьянских поэтов. Под предлогом борьбы с «есенинщиной» — поэзию Есенина он определил как «причудливую смесь из «кобелей», «икон», «сисястых баб», «жарких свечей», березок, луны, сук, господа бога, некрофилии... и т. д., все это под колпаком юродствующего квазинародного национализма»— развернулась травля русской национальной литературы. Еще раньше, в марте 1925 года — задолго до сталинских репрессий — был расстрелян один из друзей Есенина поэт Алексей Ганин, написавший поэму против Льва Давидовича Троцкого (заметим, что «всевластный» Сталин в 1934 году лишь сослал Осипа Мандельштама, который написал стихи, направленные против него, и только спустя три года смог упечь поэта в лагерь, а уж кто-кто, но Коба славился мстительностью и вряд ли хоть слово забыл Мандельштаму).

Кто знает — быть может, именно этому могущественному в те времена политику и, одновременно, одному из влиятельнейших членов коллегии ОГПУ обязана не только русская словесность фактическим уничтожением целой своей линии — крестьянской литературы, но и казахская литература — уничтожением многих своих писателей, объявленных сначала «националистами», а потом «контрреволюционерами» и незаконно осужденными еще в 1929 году.

Схема представляется простой: Голощекин, который в своих целях уже «использовал» национальную интеллигенцию и теперь задумал ликвидировать ее (вспомним его многозначительные слова: «Мы можем отбросить этих временных союзников» — совершенно очевидно, что значит отбросить в словаре палача), подсунул Бухарину цитатку из стихотворения Магжана Жумабаева, чтобы на всю страну ославить своих «националистов», то есть подвести базу под их арест и заодно заручиться поддержкой в Москве, в Политбюро. Не мог же Николай Иванович, который по-казахски не разумел, сам усмотреть политическую «блошку» в произведении казахского поэта! У политиков случайностей не бывает. Разумеется, это вовсе не исключает

того, что Филипп Исаевич получил разрешение на арест большой группы виднейших интеллигентов Казахстана от человеколюбивого Кобы, но то, что расправа произошла — как теперь выражаются — с подачи Голощекина, не вызывает сомнений...

19 апреля 1929 года «Советская степь» опубликовала письмо «О творчестве писателей-казахов». Оно было сопровождено небольшим редакционным предисловием:

«В редакцию газеты «Правда» и в редакционную коллегию «Литературной энциклопедии» группой товарищей послано письмо-протест по поводу ошибок, допущенных «Энциклопедией» в отношении оценки творчества отдельных писателей-казахов. Ввиду большого общественного интереса этого письма приводим его полностью».

Что ж, и сегодня не меньший интерес вызывает судьба писателей, о которых шла речь в этом письме, поэтому приведем письмо в основных его подробностях:

«Уважаемые товарищи!

...По нашему мнению, совершенно не по-марксистски дана оценка... произведениям Ауэзова и Байтурсунова.

Прежде всего об Ауэзове. В «Литературной энциклопедии» о нем пишется, что он «современный выдающийся писатель, в художественных произведениях отличается изумительной чуткостью и исторической правдивостью...» Мы считаем, что это все по меньшей мере незнание, непонимание и самого Ауэзова, и его творчества.

Во-первых, Ауэзов при Колчаке, будучи одним из активных деятелей восточной Алаш-Орды, не мог и не боролся с Колчаком, а наоборот, как известно, вся тогдашняя Алаш-Орда, в том числе и Ауэзов, боролись в союзе с Колчаком против большевиков, против Советской власти...

Правда, после прихода Советской власти Ауэзов переходит на сторону последней, вступает в партию и одно время занимает должность секретаря КирЦИКа, но тем не менее и в политике, и в литературе Ауэзов остается буржуазным националистом — идеологом казахского байства. В 1922 году Ауэзов за антипартийную алашординскую идеологию исключается из партии... уходит на литературную и педагогическую работу. Продолжает он эту работу и по настоящее время...

...Во всех своих произведениях он видит казахский быт глазами казахского бая, тоскующего о прошлом, воспевает казахскую старину-азиатщину, восхваляет казахских ханов, легендарных богатырей, «мудрых» биев, почетных аксакалов и феодальных рыцарей и причем всегда их выставляет

положительными типами, достойными уважения, подражания и сегодня (см. «Кара-Коз», «Энлик-Кебек»...). Мало этого. Писатель Ауэзов эту явно реакционную идеологию проповедовал и в своей «критике»...

Не совсем верна оценка... и о Байтурсунове. Правда, Байтурсунов до революции был одним из руководителей казахской национальной интеллигенции, вел борьбу против царской политики и тогда он объективно являлся прогрессивным буржуазным революционером в казахской действительности.

Однако все это еще никому не дает права говорить, что «Байтурсунов — выдающийся казахский поэт»... Им он не был. Он был и остается публицистом.

Байтурсунов... остается буржуазным националистом — идеологом казахского байства. ...Он проповедовал контрреволюционную идеологию... Современная казахская общественность считает Байтурсунова одним из вождей той реакционной алашординской интеллигенции, которая вела и ведет борьбу против нашей партии и открыто защищает казахское байство.

В интересах исправления ошибки, допущенной редакционной коллегией «Литературной энциклопедии», просим поместить это наше мнение на страницах «Правды».

С коммунистическим приветом У. Исаев, И. Курамысов, Г. Тогжанов, С. Сафарбеков, У. Джандосов, Х. Юсупбеков, А. Байдильдин».

Кампания травли подходила к концу. Об остальном — аресте, следствии и приговоре 14 казахским писателям и представителям культуры — тогда ни слова не сообщили несмотря на то, что другие сфабрикованные процессы (Шахтинское дело, Промпартии) в подробностях освещались в печати. До сих пор об этом сообщают не более чем в общих словах. Вот выдержки из «Заключения комиссии ЦК Компартии Казахстана по изучению творческого наследия Магжана Жумабаева, Ахмета Байтурсынова и Жусупбека Аймаутова».

О Магжане Жумабаеве:

«...в 1929 году его необоснованно осуждают на 10 лет тюремного заключения, огульно обвинив в создании в 1921 году коллегии, именуемой «Алка» («Круг»), якобы для подпольной деятельности, хотя она была организована представительством Казахской АССР при Сибревкоме для широкого осведомления населения Сибири о Казахской республике. Эта просветительская коллегия позднее, в период сталинских репрессий, была квалифицирована как тайная

контрреволюционная организация казахских националистов».

Об Ахмете Байтурсынове:

«В конце 20-х — начале 30-х годов, когда несправедливым гонениям и репрессиям в стране стали подвергаться многие видные деятели дореволюционной интеллигенции, посыпались доносы и на А. Байтурсынова о якобы новых фактах контрреволюционной деятельности бывших лидеров Алаш-Орды. Он становится объектом многократных нападок печати и в июне 1929 года был арестован, осужден коллегией ОГПУ и выслан в Архангельскую область. А его жена и дочь были сосланы в Томск».

О Жусупбеке Аймаутове:

«...в 1929 году был вновь арестован якобы за участие в подпольной националистической организации и в 1931 году расстрелян...

Причиной трагической гибели Ж. Аймаутова, как и М. Жумабаева, стало участие в вышеупомянутой просветительской коллегии «Алка»... К этому присовокупили и раннее членство в партии «Алаш», начисто отбросив искреннее осознание Ж. Аймаутовым исторической роли РКП(б) и практическое участие в социалистическом строительстве.

По протесту прокурора республики Верховным судом Казахской ССР М. Жумабаев, А. Байтурсынов и Ж. Аймаутов полностью реабилитированы посмертно ввиду отсутствия в их действиях состава преступления».

Вот и все. Из этих кратких сведений очевидно лишь то, что Жумабаев и Аймаутов проходили по одному делу. А как же Байтурсынов? Арестованы-то все в одном, 1929 году...

1 октября 1930 года Голощекин выступил с докладом «10 лет партийного строительства» на собрании горпартактива Алма-Атинской организации (напечатан в газете «Советская степь» 18 октября).

Он говорил:

«Товарищи, прошу заметить, мой доклад не является историей партийной организации. Я не обладаю достаточно исчерпывающим материалом, да если бы и обладал, то не занимался бы сейчас писанием истории. Сейчас историю делают...»

Как он «делал историю», теперь становится все яснее и яснее. В этом докладе первый секретарь крайкома подробнейшим образом остановился на этапном своем деянии — разгроме казахских «националистов».

После небольшой преамбулы о подпольной деятельности Алаш-Орды, в начале двадцатых годов якобы поставившей

себе задачу коллективного вступления в партию — чтобы, прикрываясь партбилетом, отстоять свое алашординское дело и свергнуть Советы, Голощекин заявил:

«Товарищи, все документы, которые я оглашу, это... показания националистов, ликвидированной контрреволюционной организации, так называемой Байтурсунова. (В данный момент ликвидируется еще одна контрреволюционная националистическая организация Тынышбаева, Ермекова и Досмухамедова)».

Судя по тому, что Голощекин не раз приводит, среди других, показания Аймаутова, становится понятным, что все они — Жумабаев, Байтурсынов и Аймаутов обвинялись в одном и том же и были арестованы по одному и тому же делу. Но ведь по этому сфабрикованному делу проходили и другие писатели — когда же настанет время восстановить в полном объеме правду и о них и возвратить казахскому народу их творческое наследие? Непонятно, почему комиссия ЦК ограничилась лишь тремя писателями и забыла о других участниках так называемых «контрреволюционных националистических организаций», созданных разве что воображением чекистов по указке сверху?

Судили их за «грехи» почти десятилетней давности, нисколько не смущаясь тем, что ни одного (!) свежего факта «контрреволюционной деятельности» в деле нет. И Филипп Исаевич, зачитывающий показания, был вполне уверен, что разговоры, имевшие место десять лет назад, — это весомое доказательство вины, за которую «националистов» необходимо ликвидировать. (По всей видимости, сначала их всех собирались расстрелять, — недаром, например, Миржакуп Дулатов просидел девять месяцев в камере смертников Бутырской тюрьмы,— но потом заменили высшую меру социальной защиты, как именовался расстрел, десятью годами концлагерей.)

Сначала Голощекин «разоблачил намерения «контрреволюционеров»:

«Габбасов пишет: «Весной 1920 или 1921 года в Семипалатинске было совещание, на котором встал вопрос о коллективном вступлении в партию...»

Националист Омаров говорит: «Байтурсунов... вел агитацию среди беспартийных рабочих за вступление в партию... Ермеков поддерживал Байтурсунова и Букейханова Алихана и стоял на такой же точке зрения... Я понимал так, что мы, националисты, будучи коммунистами, могли бы использовать легальные возможности в интересах казахского народа».

Аймаутов: «Зимой 1921 года на квартире такого-то собрались казахские работники г. Семипалатинска и деятели Алаш-Орды. Обсуждался вопрос о вступлении в партию казахских работников. Алашординцы, в частности Дулатов, высказывались за то, что, мол, чтобы обеспечить возможность работать на ответственных должностях, необходимо вступить в партию».

— А вот их деятельность, — говорил Голощекин, не желая замечать, что вся деятельность опять-таки заключается в разговорах десятилетней давности.

«Габбасов показывает: «...Объявление войны большевикам при отсутствии массы, реальных сил, при интенсивном развитии наступательно-разрушительных сил большевизма, при том преступно пассивном отношении русского общества и даже интеллигенции вовлекло бы киргизское население в кровавую бойню, подорвало бы хозяйство... и дало бы возможность подонкам киргизского общества вторгнуть идею большевизма в степь, вызвать дифференциацию в обществе и, таким образом, разрушить основы и традиции веками сложившегося нашего национального быта. Этим объясняется временное вхождение в областной совет представителей комитета. ...Мы полагали, что... тактикой... сможем организовать реальную силу и подготовить антисоветское восстание в степи...»

Балгамбаев: «В Ташкенте виделся... с Дулатовым и Досмухамедовым... Беремжанов говорил... о необходимости помощи басмачеству».

Байдильдин: «В это время... Смагулом Садвокасовым распространялись слухи о том, что положение Советской власти никудышное, что в Туркестане поднимается басмачество и что нужно быть готовым ко всяким изменениям... На петропавловском совещании было решено продолжать работу и организоваться вместе для борьбы с колонизаторством».

Адилев: «Помню, одно заседание состоялось у председателя БухЧК — члена этой организации... Они ввели меня в особую комнату, держали в руках коран и стали говорить мне фразы, которые я должен был повторять за ними... Это... была... клятва, что я никогда не разоблачу тайны, останусь верным организации... Валидов говорил, что здесь все видные ответственные работники Бухарской республики...»

Испулов: «Валидов писал Байтурсунову, что за ним большая сила...»

Адилев: «Казахские националисты ждали, что с Востока придет освобождение...»

Аймаутов: «Во время Второго съезда Советов было созвано совещание исключительно казахских делегатов, на котором председательствовал Ауэзов... Обсуждался вопрос о борьбе с колонизаторством, и была вынесена резолюция явно националистического характера...»

Байдильдин: «В 1921 году в «Энбекши-Казах» написал статью к 4-летию Октябрьской революции. Главным редактором был Ауэзов. Вызвал меня к себе и поругал. Кончалась статья словами: «Да здравствует Советская власть, да здравствует Советская республика Казахстан»... Ауэзов мне заявил, что если в дальнейшем буду ругать Алаш-Орду, то он уйдет из редакции. После своей статьи я получил ругательное письмо и от Садвокасова из Москвы».

Далее Филипп Исаевич Голощекин говорил о втором пятилетии Казахстана, которое прошло под его руководством, о большевизации республики. Он сказал, что среди казахских коммунистов имеется не один десяток подлинных большевиков во главе с такими товарищами, как Исаев, Курамысов, Юсупбеков и т. д. (Не прошло и трех лет, как — при расставании с Казахстаном — он сказал, что тут нет «ни одного честного коммуниста».) Затем он приступил к завершению читки показаний:

«Обвиняемый Байдильдин: «Перед V конференцией, в 1925 году, Садвокасов говорил, что в земельном вопросе творятся безобразия, Ходжанов действительно боролся с колонизаторством, но метод был казахский, а тут нужен метод чингисханский. ...По-моему, в разработке тезисов V конференции активное участие принимали ...алашординцы — Букейханов и проф. Швецов. Слыхал через одного студента, что в квартире Джолдыбаева происходило совещание алашординцев, где были: Байтурсунов, Дулатов, Ермеков, Кадырбаев. Там обсуждались вопросы политики».

— Есть еще довольно много показаний, но я думаю, что и этих достаточно...— заключил Голощекин.— К счастью, здоровое в партии ухватилось за большевистское оружие...

По этим показаниям (еще не известно, каким образом они добыты) нетрудно убедиться, что никакой контрреволюционной деятельности, по сути, и не было,— вся вина «буржуазных националистов» заключалась в том, что они думали о судьбах своего народа и, естественно, думали отлично от Голощекина, который этого народа не знал, не понимал и не любил, предпочитая руководить из кабинета с помощью нескончаемых директив. Подлинная

жизнь казахского народа ему была глубоко чужда. Ему надобно было лишь «овладеть аульной массой» (жуткое все-таки определение для народа, для людей — масса). А для овладения — «использовать национальную интеллигенцию». Затем — «отбросить временных союзников».

И отбросили — на изгнание, на погибель.

А вместе с ними — отбросили и национальную культуру...

IX

15 февраля 1928 года «Советская степь» напечатала «Деревенские заметки». Автор заметок, Томилов, писал:

«Лозунг о коллективизации сельского хозяйства, брошенный XV съездом, находит горячий отклик в деревне, особенно среди бедноты...

Противники коллективизации пугают ее сторонников примерами развала различных коллективных хозяйств (коммун), возникавших в период военного коммунизма.

Нужно сознаться, что вопрос о коллективизации еще не имеет достаточного освещения в нашей печати, в нашей агитации и в нашей политпросветработе.

Благодаря этому пробелу кулачество имеет возможность толковать лозунг о коллективизации хозяйств и вкривь и вкось, пугая середняка «коммунией».

На одном из крестьянских собраний был вполне серьезно задан вопрос:

— Вот партийный съезд решил провести коллективизацию. А какая она будет — добровольная или по принуждению?»

Журналист, как видим, наивно удивляется, находя вопрос как бы нелепым, и даже не считает нужным отвечать на него. Ему, привыкшему без раздумий и сомнений верить всему, что говорится с трибун и пишется в газетах, невозможно понять, отчего взволнованы крестьяне.

На первый взгляд, никаких особых поводов волноваться вроде бы не было. В конце 1927 года на XV съезде партии Сталин говорил о постепенном переводе мелких крестьянских хозяйств на совместный труд. О темпах коллективизации он ничего определенного не сказал. Еще раньше, на октябрьском пленуме ЦК 1927 года, он вновь, как и на XIV съезде, осудил политику раскулачивания, политику восстановления комбедов, назвав ее «политикой восстановления гражданской войны в деревне». Накануне XV съезда, выступая на XVI Московской губернской партконференции, Сталин резко отвергает

попытки оппозиции рассматривать крестьянство как «колонию» для промышленности, подлежащую всемерной эксплуатации, говорит о неразрывности «прочного союза» с середняком при опоре на бедноту...

Однако далеко не все на селе верили этим заверениям, потому что постоянно сталкивались в жизни с грубым принуждением в той или иной форме. Уполномоченные не разводили церемоний: заставляли всех поголовно подписываться на заем, требовали подчистую выгребать хлеб, кричали, клеймили, угрожали... Осенью 1927 года цены на зерно резко понизились: государство, вопреки обещаниям, начало беспардонно перекачивать деньги из сельского хозяйства в промышленность. Зимой по всей стране разразился хлебозаготовительный кризис.

Люди почувствовали перемену в политике. Вернувшийся с XV съезда Голощекин велеречиво заговорил на собрании партактива в Кзыл-Орде о «новом перевале»:

«...Всю историю большевизма можно изобразить как переход от одной победы к другой, но одновременно это путь от одних трудностей к другим.

...Вся история большевиков — это история борьбы на два фронта. Мы должны победить двух врагов. Основной враг — капитализм. Другая враждебная сила — это буржуазное и мелкобуржуазное влияние на пролетариат».

Затем он высказался более определенно:

«Хозяйство кулака растет, как крупное, быстрее, чем растет хозяйство бедняка. Наступление на кулака — это прежде всего курс на крупное коллективное хозяйство, на коллективизацию бедняка и середняка».

Филипп Исаевич и раньше говорил, что «кулак растет», однако это было преувеличением — дабы лучше нацелить бедноту на классового врага; на самом же деле к 1928 году «кулацко-байская» прослойка уменьшилась в Казахстане с 6-8 процентов до 3-4 (по РСФСР — с 3,9 процента до 2,2).

Почему я беру «кулацко-байскую» прослойку в кавычки? Ну, о богачестве конфискованных баев мы могли уже судить: не в каждом хозяйстве было по сенокосилке и лобогрейке и не в каждой юрте по ковру. Что касается так называемых кулаков, в которые власть записала самых трудолюбивых и толковых крестьян для того, чтобы их ликвидировать, то обратимся к относительно недавним данным. В труде «Коллективизация сельского хозяйства в СССР: пути, формы, достижения» (М., 1982) говорится, что в первый период раскулачивания, с начала 1930 года до

лета, сумма конфискованного имущества у 320 тысяч кулацких хозяйств составила более 400 миллионов рублей. (В это имущество входили дома, инвентарь, скот и т. д., вплоть до перин и подушек.) Средняя стоимость имущества одной кулацкой семьи (а семьи ведь были большие, не как нынче в городе), по подсчетам, равнялась 1250 рублям — то есть годовому заработку квалифицированного рабочего. Вот, оказывается, сколь много нажили за всю-то жизнь проклятые эксплуататоры деревенской бедноты, денно и нощно мечтающие подорвать диктатуру пролетариата.

Вскоре началась кампания по изыманию хлеба. 17 января 1928 года «Советская степь» вышла с передовой — «Разбить спекулянта». «Кулаки и спекулянты — самые злейшие и самые опасные враги,— говорилось в ней.— В борьбе с ними не может быть никаких церемоний. Мы не можем сейчас допустить, чтобы кучка отъявленных врагов Советской власти набивала себе карманы, играя на срыве хлебозаготовок».

Спекулянтами считались все, кто не сдавал хлеб. А сдавать надо было за бесценок, до зернышка — иначе 107-я статья, карающая за спекуляцию, даже если обвиняемый и не скупал и не перепродавал хлеба.

В конце апреля Голощекин докладывал на общегородском собрании коммунистов Кзыл-Орды:

«Мы дообложили кулака... Мы ударили по кулаку. Тяжесть самообложения легла на кулацкие хозяйства. Мы пощипали кулака 107-й статьей...

Применение экстраординарных мер, работа нашей партии на хлебозаготовках показали способность нашей партии к революционным действиям, к революционным маневрам» («Советская степь», 1928, 25 апреля).

Революционные действия заключались в новом грабеже, в новых массовых беззакониях. Пример партийной работы показал Сталин, который три недели (с 15 января по 6 февраля) выколачивал хлеб из закромов сибирских середняков. «Поставить нашу промышленность в зависимость от кулацких капризов мы не можем,— говорил он в то время.— Поэтому нужно добиться того, чтобы в течение ближайших трех-четырех лет колхозы и совхозы, как сдатчики хлеба, могли дать государству хотя бы третью часть потребного хлеба. Это оттеснило бы кулаков на задний план и дало бы основу для более или менее правильного снабжения хлебом рабочих и Красной Армии. Но для того, чтобы добиться этого, нужно развернуть вовсю, не

жалея сил и средств, строительство совхозов и колхозов. Это можно сделать, и мы это должны сделать».

Сталин настаивал на широком применении 107-й статьи прокурорскими и судебными властями. Вернувшись из Сибири, он подписал директиву «Ко всем организациям ВКП(б)», в которой говорилось о том, что «из конфискованных на основании закона у спекулянтов и спекулянтских элементов кулачества хлебных излишков 25 процентов передавать бедноте на условиях долгосрочного кредита на удовлетворение ею семенных и — в случае необходимости — потребительских нужд».

Село — то место, где все знают все про всех. Как ни таи про черный день ямку с хлебом, обязательно, рано или поздно, сыщется завидущий глаз соседа, и тогда «сознательный» бедняк донесет на зажиточного середняка, дабы получить задарма четверть его запасов. Таким образом деревню еще раз поделили на доносчиков и жертв, охотников до чужого добра и тех, кого они должны были разорить, спровадить в тюрьму, а семью пустить по миру.

В конце апреля, несмотря на различные «перегибы и извращения», которые, как обычно, Голощекин свалил на низовых работников, план по хлебозаготовкам остался невыполненным. Коллективизация едва-едва зарождалась, а между тем первый секретарь крайкома поставил задачу создания крупных животноводческих и полеводческих совхозов. Ни много ни мало — сразу крупные совхозы подавай. Это при кочевом-то и полукочевом животноводстве и множестве мелких земледельческих хозяйств!..

Об уровне, так сказать, колхозного сознания того времени говорит небольшая газетная зарисовка, напечатанная в «Советской степи» 14 мая 1928 года:

«ПРОПИЛИ КОЛХОЗОВСКИЕ ДЕНЕЖКИ
(с. Бурно-Октябрьское, Сыр-Дарьинской губернии)

Решила бурно-октябрьская беднота организовать сельскохозяйственную артель.

Собрались в нее большие рвачи, а не сторонники коллективизации сельского хозяйства...

Получили трактор, семена и кредит.

Послали гр. Шигалева покупать лошадей, а он добрался до водки и пропустил все артельные денежки. Говорит, конечно, что у него украли.

Не лучше и с трактором.

Артельщики решили его испытать.

— Пашет?

— Пашет!

— А телегу возить может?

— Может!

Испытывали на всякие лады.

А потом кто-то додумался:

— По воде плавать не может.

— Кто? Ён? Трахтор? Да ён не то что по воде, по воздуху плавает, ежели к ему пузыри приделать.

Началось испытание. Загнали трактор в реку...

Трактор крепился долго, потом напоролся на камни, изувечился и отдал себя во власть дюжины добротных волов, выволакивающих его на берег.

Теперь трактор безнадежно ждет ремонта, а поля артели так же безнадежно ждут пахарей: лошадей пропили, трактор загнали в гроб.

Вот урок нашим партийным и советским органам того, как осторожно надо подходить к формированию артелей...

Сляпанная наспех артель может принести только вред: ухлопать денежки и подорвать самую идею колхозного движения».

Тем временем активисты обследовали хлебные сусеки и с возмущением заявляли, что запасы зерна имеются не только у кулаков, но и у середняков и бедняков. Разоблачали «кулацкие» слухи о войне и отмене нэпа. Ну, опасностью войны как раз пугал не кулак, а власть, а то, что нэп свернули, всем здравомыслящим было ясно: на селе уже вовсю свирепствовала продразверстка. Удивительно ли, что людей охватила сильная тревога и они запасались хлебом впрок, опасаясь голода,— ведь с голодных лет военного коммунизма прошло совсем немного времени. Однако власти негодовали на крестьян, посмевших утаить от продажи хлебные излишки. «Сейчас вся работа по хлебозаготовкам сводится, чтобы развернуть свою агитацию за немедленную продажу государству всех излишков хлеба,— писала «Советская степь» 11 июня.— Если только каждый середняк продаст по 15—20 пудов, мы выполним в срок весь план хлебозаготовок. Сейчас пока перелома еще нет...»

В газете появилась постоянная рубрика «Удары по вредителям заготовок».

«Кто вопит о голоде?»— вопрошал заголовок в номере от 12 июня. Оказывается, у четырех обывателей, «изъятых» из очереди, при проверке обнаружились «большие запасы хлеба». Эти-то «спекулянты» (человек, стоящий в очереди, ни за что ни про что обзывался спекулянтом) и «создавали

панику»: дескать, хлеба нет! Идет голод! Спасайся и запасайся!

В скором будущем выяснилось, что люди правильно поняли, к ч е м у ведут народ революционные маневры. Но тех, кто раньше других понял это, травили и засуживали в первую очередь.

Полистаем «Советскую степь».

18 июня 1928 года. **«Еще о пугающих голодом** (от нашего акмолинского корреспондента).

Ст. Вознесенская, Ворошиловской волости... На собрании бедноты... сорганизовавшееся кулачество сделало напористое выступление против заготовок, нагнав всякие страхи о голоде. В результате кулацкого давления собрание вынесло такую резолюцию:

«Ввиду того, что мы голодные и Советская власть обрекает нас на голодную смерть, хлеб не сдавать, а уже заготовленный хлеб оставить за собой...»

Каково? Вот и выпирают кулацкие рожки...

Проверка выявила, что в станице имеется более 20000 пудов необмолоченного хлеба...

Противодействие это должно, наконец, быть сломлено».

22 июня. **«Семь кулаков арестованы.**

Семипалатинск. (Наш корр.) Группа кулаков с. Александровки Поздняковской волости Бухтарминского уезда организовала покушение на председателя Совета — демобилизованного красноармейца, активно работающего по хлебозаготовкам... 7 кулаков арестованы и преданы суду».

25 июня. **«Дюжина битых тузов**

Петропавловск. В Интернациональной волости преданы суду за укрывательство хлебных излишков 12 кулаков».

«Кулацко-поповский блок

Семипалатинск. В Краснооктябрьской волости... в селе Секисовка большие запасы хлеба обнаружены у попа... Осужден к 1 году лишения свободы. Излишки хлеба конфискованы».

7 августа. **«Делают ли казахи запасы хлеба?** (От нашего сыр-дарьинского корреспондента.)

Не может быть, чтобы казах, какое бы хозяйство он ни вел, не делал бы запасов хлеба для пропитания своей семьи...»

Газета, озабоченная тем, чтобы у степняков не завелся лишний хлеб, словно бы и забыла, что двумя неделями раньше напечатала постановление Совнаркома СССР, запретившее применение чрезвычайных мер, как-то: «обход

дворов и обыски с целью изъятия хлебных излишков, внесудебные аресты и другие взыскания, а также присуждение к судебной ответственности крестьян за задержку выпуска хлеба на рынок...»

Однако своя логика в этой подозрительности была: Голощекин еще раньше нацелил активистов, где и у кого следует искать припрятанный хлеб. 29 апреля 1928 года он писал в «Советской степи»:

«Нельзя обойти вопрос о взаимоотношениях между аулом и деревней... Они смыкались по линии бая и кулака. Кулак прятал хлеб у бая, бай составлял единый фронт с кулаком...»

Давление на крестьянство увеличивалось, с полеводов и животноводов стали драть по три шкуры. Этого власть и не скрывала. В июле 1928 года на Пленуме ЦК ВКП(б) Сталин говорил:

«С крестьянством у нас обстоит дело в данном случае таким образом: оно платит государству не только обычные налоги, прямые и косвенные, но оно еще переплачивает на сравнительно высоких ценах на товары промышленности — это во-первых, и более или менее недополучает на ценах на сельскохозяйственные продукты — это во-вторых.

Это есть добавочный налог на крестьянство в интересах подъема индустрии, обслуживающей всю страну, в том числе крестьянство. Это есть нечто вроде «дани», сверхналога...

Дело это, что и говорить, неприятное. Но мы не были бы большевиками, если бы замазывали этот факт и закрывали глаза на то, что без этого добавочного налога на крестьянство, к сожалению, наша промышленность и наша страна пока что обойтись не могут».

Несмотря на «большевистскую прямоту», откровенный Коба не сказал, что дань выплачивают порабощенные люди, и не определил сроки этого «пока что» (чего он, конечно, знать не мог). Мало того, что крестьяне выплачивали д а н ь, их еще называли злейшими врагами власти.

Людское взаимоожесточение, сродни тому, что было в гражданскую войну, росло подобно раковой опухоли и изо дня в день раздувалось пропагандой.

Газетные заголовки кричали:

— Усилим наступление на кулака и бая!

— В руках кулацкой шайки;

— В объятиях бая и аксакала;

— Выгнать баев и преступников!

— Крепче ударим по кулаку и баю!

— В атаку на кулака и бая!

Небольшая заметка «Муж-зверь» об убийстве жены за то, что сняла чадру, быть может, лучше всего свидетельствует об этом накапливающемся ожесточении. «Узбека Алмышбаева» требовали расстрелять женщины, организации и — школы, то есть дети[1].

Войне, развязываемой партийной верхушкой, нужны были враги — и потому их становилось все больше и больше. Горячие струйки невинно пролитой крови (уже были расстреляны пятеро шахтинских «вредителей») только помогали этому. Главного врага усердно лепили из «кулака» или «бая», сваливая на них все просчеты в экономике.

В этом смысле показательна статья «Вопросы колхозного строительства в Казахстане», опубликованная «Советской степью» 3—4 июля 1928 года. Автор узрел в колхозном движении большие недочеты. Так, в Джаныбекском районе Сыр-Дарьинской губернии из 28 колхозов распалось 16. Причем распались они как раз к осени и потому хлеба не сдали нисколько. В Петропавловском райсоюзе больше половины колхозов оказались «нежизненными» и в результате перерегистрации тоже «отсеялись», то есть распались.

Прием, с помощью которого автор вскрывает «суть» краха коллективных хозяйств, очень прост и с успехом проверен еще во времена военного коммунизма:

«Если просмотреть детально состав существующих колхозов, то нередко мы находим в них довольно значительный процент кулацко-байских элементов, прикрывающихся званием (?!) «середняка» или «бедняка». Не редкость встретить вместо колхозов «кулхозы»...

Для чего же кулаки пролезли в колхозы? Оказывается, для своей шкурнической наживы. Наживаются себе и попутно разваливают хозяйства. Как это у них получается, автор не говорит. Вроде бы для того, чтобы нажиться, сначала крестьянину надо пролить семь потов, а вот в разрухе добра не прибудет, но у журналиста своя логика. Впрочем, он видит и другие причины развала хозяйств — в отсутствии плановости, неземлеустроенности, чрезвычайно слабом агрономическом обслуживании, безобразно слабом руководстве колхозным строительством, но,

[1] «Советская степь», 1929 год, 1 марта.

как видно, и это все относит на счет злых козней кулаков и баев. Иначе бы не пришел к следующему выводу:

«Что же делать? Конечно, одно — сосредоточить огонь по кулацко-байским элементам, находящимся в колхозах и пытающимся проникнуть в колхоз.

...Лозунгом этой работы должно быть: «Ни одного кулака-бая в колхозах!»

* * *

Набирал силу метод, казавшийся тогда всемогущим, универсальным,— чистка (впрочем, в разных видах он применялся, начиная с первых дней Советской власти, и недаром в свое время был воспет Маяковским довольно забавными строками: «Я себя под Лениным чищу, чтобы плыть в революцию дальше...»).

Чистили партию — от уклонистов и националистов; колхозы — от кулаков и баев; заводы и фабрики — от вредителей; избирателей — от социально чуждых элементов; города, села и кишлаки — от церквей и мечетей; вузы — от классовых чужаков; школы — от детей кулаков... и, быть может, где-нибудь чистили детские сады и ясли... Периодическая система социально чуждых элементов, открытая Сталиным, была куда как обширней и сложней простенькой таблицы Менделеева.

Все отработано, проверено, испытано: сначала чистка, потом борьба с перегибами чистки, потом следующая чистка. Кольцо!

Вот газета «Советская степь» за 24 января 1929 года опубликовала две заметки: «Лишенец меняет кожу» и «Уроки перегибов». В первом сообщении из Павлодара говорится о том, что в избирательных комиссиях скопилось множество заявлений с просьбой восстановить в избирательных правах. Конечно же, автор возмущается уловками классовых врагов, посмевших заикнуться о своем гражданском достоинстве, и записывает их всех поголовно в «баи», «муллы» и «кулаки». А рядом известие из Кустаная: в Затобольском районе проверили, кого лишали избирательных прав — и список из 1222 человек сократили на две трети, поскольку оказалось, что в разряд «лишенцев» попали даже «середняки». Небось и кустанайцы, как и павлодарцы, были озабочены лишь одним — перевыполнить план по чистке.

Народу вновь напоминали, что он поделен на чистых и нечистых, и критерий чистоты заключается в социальном происхождении.

22 февраля 1929 года «Советская степь» писала в статье «Экзамен для пролетарского студенчества»:

«Последнее решение Казкрайкома ВКП(б) о чистке учебных заведений от социально чуждых элементов — факт колоссального значения; это продолжение и укрепление взятого, последовательно и настойчиво проводимого Казкрайкомом курса политики». Историческое решение, сработанное, впрочем, по шаблонной партийной директиве из центра, подписывал Голощекин, вышедший из рядов мелкой, но — буржуазии, однако отнюдь не считающий себя социально чуждым элементом.

Днем раньше газета поместила письмо из Ташкента о том, как с различных факультетов Среднеазиатского государственного университета выбрасывали (одновременно из комсомола) «примазавшихся» студентов, признанных социально и идеологически чуждыми.

«Кулацким сынкам не место в школах!» — восклицал заголовок в номере от 10 марта.

Кто ищет, тот всегда найдет! — оптимистически уверял несколько позже, году в 37-м, В. Лебедев-Кумач. Вредителей находили повсюду, даже на эстраде. Приехали в Кзыл-Орду «эстрадники» Рязанский и Карельский, выступали в горкино. По лености, видно, еще не переменили свой нэпманский репертуар, а может, думали, что провинция все проглотит. Пели частушки перед сеансом в Международный женский день 8 Марта — праздник, как известно, большого политического значения:

Если дева выйдет замуж,
Будет дева дамою.
А не выйдет дева замуж —
Будет то же самое.

Далее Рязанский и Карельский перешли от женской тематики к другим вопросам:

Как обидно летом в поле
На кобыле работать —
Рот разинет, хвост поднимет
и т. д.

И еще спели:

Не пойму я коммунизма,
Может, ты его поймешь?
Это, брат, такая клизма —
Чемберлену невтерпеж.

«Культурные вредители,— возмущался журналист Н. Ал.,— не могут сидеть в нашем аппарате, как и всякие другие вредители.

Почему Рабис не выступает резко и настойчиво против наглецов, позорящих звание советского артиста?»

Кажется, эти пошловатые куплеты были последним живым, не убитым газетно-директивной мертвечиной словом в республиканской четырехполоске. Наступали времена суровые, когда ничего не должно было остаться, кроме беспощадной классовой борьбы.

...Прошлый год в северных районах Казахстана выдался неурожайным. Между тем план по хлебопоставкам не снижался и на треть превышал возможности.

«...Классовая борьба обострилась,— докладывал Ф. И. Голощекин 9 марта 1929 года кзыл-ординскому партактиву.— ...Я объехал сейчас весь Казахстан, заготовлены до сих пор 50 миллионов пудов... На 75 миллионов рублей товаров забросили, купили же хлеба на 50 миллионов рублей».

Формы классовой борьбы, по мнению докладчика, значительно изменились. «До сих пор основными методами борьбы кулаков и баев были подкуп, группировки, родовые перегруппировки и т. д. В этом году после конфискации... пришел террор. Кулаки и баи не хотят уступить дороги бедняку и середняку, которые все больше становятся «хозяевами положения» («Советская степь», 1929, 16 марта).

— Усилим репрессии против кулаков-утайщиков!— призывала «Советская степь» 8 апреля.

«Революционным законом, организацией бедноты в союзе с середняком — нажмем на кулака и бая, выполним план хлебозаготовок!» (26 апреля).

«По всему Казахстану... свыше десятка дел по политическим преступлениям, совершенным кулачьем и байством,— сообщала газета в тот же день.— Мы уверены, что советский суд суровыми приговорами сумеет отбить у враждебных рабочему классу элементов всякую охоту к террористическим выпадам».

Что-что, а это сумели: навык был.

Историки Б. Тулепбаев и В. Осипов в статье «С позиций правды» («Казахстанская правда», 1989, 14 января) пишут о том времени:

«В деревни и аулы были направлены 4812 уполномоченных из краевых и окружных органов с самыми суровыми инструкциями и огромными правами. Жестокость и

неразборчивость в средствах стали основной линией их поведения. Основной удар должен был быть нанесен по кулачеству и байству. Но уполномоченные, слабо владевшие обстановкой, часто били по середняку, а то и бедняку.

Административные меры не дали экономического эффекта. У осужденных (34 121) «баев и кулаков» были изъяты 631 тысяча пудов хлеба и 53 400 голов скота, что составляло всего около одного процента плана хлебозаготовок и 3,5 процента мясозаготовок. Между тем Казкрайком ВКП(б) весной 1929 г. отрапортовал, что план хлебопоставок удалось выполнить на 84,3 процента, а мясозаготовки увеличить по сравнению с предыдущим годом по крупному рогатому скоту в 1,5 раза, а по овцам в 3 раза.

Ясно, что основная тяжесть по хлебозаготовкам пала на середняка и бедняка. Причем хлеб у многих из них был вычищен подчистую, до последнего зернышка. Обязательным планом хлебопоставок облагались и казахские кочевые хозяйства, вообще не имевшие посевов. Они вынуждены были продавать свой скот и покупать зерно...»

Итак, на десяток с лишним «байско-кулацких преступлений» (или, допустим, их было немного больше) 34 121 человек осужденных... Впрочем, эта цифра нуждается в кое-каких комментариях, подробностях.

Авторы вышеупомянутой статьи сомневаются, сознательно или бессознательно «представители государственных органов... провоцировали обострение борьбы в деревне»? Полагаю, что сомневаться не приходится: разжигание классовой, а вернее, внутриклассовой войны — в том или ином обличии,— началось с первых дней появления Голощекина в Казахстане. Доказательств этому приведено уже много. Вот свидетельства, относящиеся к 1929 году.

Новый председатель Совнаркома Казахстана У. Исаев подписал 11 сентября указ, согласно которому каждое байское, кулацкое, зажиточное хозяйство должно сдать все излишки хлеба не позднее 1 ноября 1929 года. Уклонившимся грозил штраф в пределах пятикратного размера стоимости подлежащего сдаче хлеба или же уголовное дело по статье 61.

Через две недели заготовителей напутствовал сам Филипп Исаевич:

«...А кулак нам не дает; а коммунист не умеет организовать бедноту против него. А мы ему говорим — умей, организуй и дуй этого кулака. (Аплодисменты.) Это ведь организация классовой борьбы; это — огромней-

шая классовая задача. А организация красных обозов в тысячу подвод, которые идут в город, навстречу которым выходят из города рабочие и служащие и смыкаются с крестьянином — разве это не классовая задача?» («Советская степь», 1929, 22 сентября).

Вдохновляющее зрелище красного обоза в тысячу подвод, навстречу которому, бросив свои станки и конторские столы, выходят радостные горожане — вот что занимает Голощекина, вот чем хочет он купить хлебозаготовителей-уполномоченных. И совсем не интересна ему судьба тысяч семей, у которых выгребут семенное зерно, обреченных еле-еле сводить концы с концами, если не голодать. Этакой-то апофеозной картиной он соблазняет командированных — смычкой грабителей, погоняющих ограбленных, с теми, кто выходит радоваться награбленному.

Коллективный организатор и пропагандист, газета изо дня в день печатает короткие сообщения о хлебозаготовках, словно военные сводки с фронта.

27 сентября:

«Ни на минуту не ослаблять борьбы с кулаком и правоуклонистами

(Классовая борьба вокруг хлебозаготовок на местах усиливается. Кулак с каждым днем наглеет)

БОЙ НАЧАЛСЯ

Хлебозажимщики-кулаки зверски оскалились на хлебозаготовительную работу. Новое в кампании — доведение плана заготовок... до отдельного двора кулака и зажиточного... вызывает свирепое сопротивление антисоветской части деревни. Классовый бой в деревне вокруг нового хлеба разгорается...»

16 октября:

«НА ФРОНТЕ КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ

Из Семипалатинска сообщают, что в селе Кабанове Шемонаихинского района кулаки занимались систематическими избиениями активистов бедняков и батраков. Для этого кулаки организовали особый хулиганский отряд... Выездная сессия окружного суда вынесла решение: кулаков Евдокима Синарова и Зотея Богатырева, главных руководителей избиения бедноты, расстрелять...»

5 декабря:

«РАССТРЕЛ КУЛАКОВ-ТЕРРОРИСТОВ

Петропавловский окружной суд приговорил к высшей мере социальной защиты — к расстрелу — группу кулаков за избиение активных работников, членов сельсовета, уполномоченных по хлебозаготовкам.

Уральский окрсуд приговорил к расстрелу влиятельного бая Омралиева Рахмана... Он сделал покушение на убийство члена комиссии содействия хлебозаготовкам т. Ханхажина.

Кулак Ваганов Иван пытался утопить в речке батрака Саянина — активного общественника... Уральский окрсуд приговорил Ваганова к расстрелу.

Приговор в отношение всех приведен в исполнение».

...Даже не кровь за кровь, а кровь за удар кулаком, за попытку пролить кровь (да и какой была эта попытка, если ни бай Омралиев, ни кулак Ваганов, судя по всему, не убили и не утопили активистов).

Сколько было таких «террористов», которых шлепнули, конечно же, только ради острастки, чтобы запугать «хлебозажимщиков»!

Вместе с остатками хлеба из закромов выбивали из людей и Господа Бога — в будущих колхозах ему не отводилось места, впрочем, как и в городах. Главный безбожник Емельян Ярославский, он же Губельман и отнюдь не Емельян, заправлял из Москвы этой кампанией, а руководил ею Каганович. Свобода совести, в их понимании, заключалась в том, что надо если не уничтожить храм Божий, то хотя бы превратить его в торговую лавку или приспособить под склад,— то есть заключалась она в издевательствах над чувствами верующих (а таких тогда было большинство населения). Будто бы мало церквей уничтожили прежде, в годы военного коммунизма. Это потом, когда немец с ножом к горлу подступил, бывший семинарист Сосо Джугашвили вспомнил про «братьев и сестер», коих он давил, изничтожал, морил голодом. Мудрый Коба дал тогда послабления церковникам — молитесь, дескать, пусть только ваши верующие воюют лучше... А пока слово было предоставлено товарищу Губельману. (Товарищ маузер свое слово сказал десятью годами раньше — к концу 1919 года из 360 000 российских священнослужителей оставалось 40 000.) Ну, незачем говорить о том, как эшелонами уходило на переплавку церковное золото и серебро, чтобы быть проданным по дешевке за границу, как безудержно грабили, разоряли,

уничтожали духовные святыни, памятники зодчества с единственной, кажется, целью — чтобы превратить народ в нищего Ивана (или Амана), родства не помнящего, да и чтобы враги-капиталисты, странным образом оказавшиеся в друзьях Страны Советов, набили карманы, свои личные музеи и музеи своих «загнивающих от богатства» стран. Разумеется, это было делом рук, ума, чести и совести отнюдь не одного Ем. Ярославского, а всей партийной верхушки...

Вот отражение руководящей деятельности Кагановича и Ярославского образца 1929 года в газете «Советская степь», которая, конечно, не могла объять необъятное и отмечала далеко не все.

25 января помещена фотография огромной мечети, стоящей на особицу среди голого пространства. Заголовок гласит: «Кооператив вместо мечети». И небольшая подпись под снимком: «Мечеть в степях Акмолинского района, переделанная, по желанию населения, в кооперативную лавку».

Видно, тогда партийными бюрократами не была еще сформулирована более обтекаемая фраза —«по просьбе трудящихся» (никто, кстати, никогда не назвал ни одного имени этих трудящихся).

29 января печатается заметка «Церкви под школы» из Актюбинска. «...Под аплодисменты собрания встречается сообщение о передаче, согласно решению трудящихся, двух церквей Актюбинска под культурные учреждения».

6 марта:

«16 МЕЧЕТЕЙ ПОД ШКОЛЫ

Уральск. В результате культурной кампании комсомола в 16 казахских аулах население передало под школы 16 мечетей. В трех из них уже открыты школьные занятия».

Так-таки и передало! Не кривили бы душой — и написали бы честно, что отобрали у населения, у верующих. Как хлебные излишки — у баев и кулаков...

6 мая. Заголовки:

— Объявим жестокий бой религиозному обману;

— Вытравим религиозный дурман.

1 ноября газета сообщила, что требование трудового населения Алма-Аты закрыть собор и мечеть удовлетворено. С таким видом сказано, будто бы до сего дня заветное желание трудящихся долгое время, если не все двенадцать лет, с 1917 года, не исполнялось городскими властями.

На этот раз газета сопроводила информацию небольшим, но весьма убедительным толкованием. Некто «Г» размышлял в заметке «Почему закрыли собор и мечеть»:

«Какую пользу дали трудящемуся поп, мулла? Ясно, что никакой, кроме обмана. Агроном же, зоотехник и ветврач (теперь это уже все уяснили) учат, каким путем увеличивать урожайность, как получать больше пользы от скота и т. д.

Закрытие собора и мечети — лучший подарок трудящимся к 12-й годовщине Октябрьской революции».

Вполне может быть, что под инициалом «Г» укрылся некто С. Глинский, атеистический репортаж которого был опубликован несколько раньше, 6 мая. Этот репортаж очень любопытен, и, пожалуй, стоит привести его в подробностях.

«ХОРОНИМ РЕЛИГИЮ!
(Карнавал комсомольцев)

Когда типографские комсомольцы несли в сумерках к железнодорожному клубу гроб, остановилась и набожно перекрестилась ветхая старушка, торопившаяся святить куличи.

— Упокой с миром, господи...

Разобравшись через минуту, она энергично отплевывалась.

Дрожали от негодования увядшие губы:

— Антихристы! Ироды!..

...Горят самодельные факелы... радостно возбуждены лица участников карнавала.

... Впереди гроб с надписью: «Хороним религию».

За гробом: «попы», «диаконы», толстобрюхий и важный мулла, раввин, бабы-кликуши. Кулаки. Офицеры. Монахи. Сектанты.

Верующие Кзыл-Орды смогут узреть «самого Иисуса», облаченного в белые ризы, восседающего на вислоухом, но симпатичном животном и окруженного столь же белоризными «апостолами». Этот-то «христос», попыхивающий синим папиросным дымком...

Факелы на Ленинской. В городском саду... На улицах Энгельса, Карла Маркса...

Задорные, бурлящие звуки оркестра.

...Под заунывное козлогласие попов хоронят религию комсомольцы».

* * *

Верные ленинцы во главе с «лучшим ленинцем т. Сталиным» похоронили ленинский нэп; кзыл-ординские комсомольцы — беспокойные сердца — весело, с шутками похоронили религию; Голощекин с новоизбранным вторым секретарем крайкома Измуханом Курамысовым (32 года, из семьи актюбинского земледельца, бывший батрак, рабочий на оренбургских бойнях, с 25 лет партийный работник) и новым председателем Совнаркома Уразом Исаевым (30 лет, из семьи уральского батрака, бывший милиционер, с 20 лет партийный работник) думали о том, как выбить недостающий до выполнения плана хлеб и загнать кочевников в колхозы, заставить жить оседло.

«Великий перелом» народной хребтины уже был намечен, и хлопот хватало.

По плану развития колхозного движения в Казахстане предполагалось довести за 1929 год число колхозов с 2315 до 3215, вовлечь в совместное хозяйствование 18 668 семей с 34 000 едоками. К концу года в колхозах должно было быть 41 700 семейств с 194 490 едоками, или 3,1 процента всего населения края против 1,6 процента в 1928 году.

Сначала было намечено за пятилетку вдвое увеличить число колхозов, с тем чтобы к 1933 году объединить 4 процента крестьянских хозяйств. Однако наверху такие темпы посчитали отнюдь не большевистскими, и вскоре план был изменен — коллективизировать решили 16—18 процентов хозяйств, то есть в десятеро увеличить число колхозов. О добровольности и постепенности колхозного строительства речь уже не шла.

Темп коллективизации, намеченный для всей страны, особенно нереален был для Казахстана и подобных ему районов, где половина населения вела кочевой или полукочевой образ жизни. Но там, где имелась директива, законов и здравого человеческого смысла не существовало. Уже в 1929 году первоначальный пятилетний план перевыполнили почти вдвое: процент коллективизации сельского хозяйства стал 6,9.

«Советская степь» завела очередную боевую рубрику «На фронте колхозного строительства».

11 сентября газета сообщала в заметке «Коллективизация бедноты»:

«В Саркандском районе Алма-Атинского округа создан фонд коллективизации бедноты. Фонд составляется из 25

процентов конфискованного имущества на почве хлебозаготовок».

Довольно-таки туманное определение: что за и м у щ е с т в о отбирали во время заготовок х л е б а?

В тот же день:

«В ответ на захват КВЖД крестьяне многих селений, насчитывающих по тысяче и более дворов, организуют мощные колхозы».

14 октября передовая статья похожа на захлебывающийся от радости рапорт:

«ДЕНЬ УРОЖАЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИИ

Рост колхозов в Казахстане идет быстрым темпом, опережая отдельные районы Советского Союза. Если в 28 г. мы имели 2315, то в 29 г. уже 4348 колхозов...

В прошедшие года день урожая праздновался в разное время по разным районам. Теперь же ежегодно трудящиеся массы будут праздновать в день 14-го октября «день урожая и коллективизации».

На этой же странице газета писала:

«Рост колхозного движения сопровождается усиленным сопротивлением со стороны байства, кулачества и духовенства, выражающимся в насилиях, убийствах, поджогах и разложении колхозов изнутри...» В ответ на это предлагалось еще более усилить темпы коллективизации и вовлечь не менее 80 тысяч новых хозяйств в колхозы, из них более половины «за счет казахского населения».

А уже через десять дней, 24 октября, газета под крупно набранной шапкой «Колхозы — оазисы социализма в ауле» поместила постановление бюро крайкома «Об итогах и очередных задачах колхозного строительства». Было решено, как и намечал Голощекин, строить к р у п н ы е колхозы. В 1929—1930 годах наметили довести охват населения колхозами до 140 тысяч хозяйств (в конце 1929 года было около 88 тысяч), посевную площадь увеличить почти втрое.

Темпы взвинчивались, нарастали не по дням, а по часам.

Очередную, девятую годовщину социалистического Казахстана отмечали, как обычно, 4 октября. В красный день казахстанского календаря дежурный стихотворец, из скромности обозначивший свое имя буквами «П. 3-й», сочинил оду «Степь-именинница»:

В ней слезы выбили следы
И ранил грудь позорным жалом
Зеленый шест Алаш-Орды —
Благословенье аксакалов.
Зубами лязгал дикий джут,
Узором льда раскинув косы...
Тогда не знали про кужу
И по зерну считали просо.
Стонал аул — кошемный брат,
К аулу жались буераки,
И тихо плакала домбра,
И тихо плакали джатаки...
Прошли года, и много лун
На звездном пологе блестели.
В степной глуши, где рос катун,
Сегодня рельсы загудели.
А по железному пути
К аулам войлочного стана
Октябрь блистающий летит
На именины Казахстана.

Между тем с директивных высот стремительно скатывался снежный ком, запущенный «кремлевским горцем» и его шайкой,— на республику неслась лавина коллективизации. «Великий перелом» набирал свою неудержимую губительную инерцию...

X

Давно ли селянину, чтобы завлечь его на сторону самого передового, но, увы, весьма малочисленного рабочего класса, обещали земельку? Выполнив же свою функцию в захвате власти, лозунг «Земля — крестьянам» как бы сразу показался сомнительным. Вставал вопрос: а на что крестьянину земля? Чтобы превращаться в «хозяйчика», богатеть, лелеять пережиток темного прошлого, именуемый мелкобуржуазной сущностью? И землю стали у крестьянина отбирать. Сначала, в 1918 году, у кулаков, не тех, которых позже обозвали кулаками, а у настоящих кулаков, средних землевладельцев (по-западному, обычных фермеров), кои выращиванием зерна, скота, овощей, то есть производством продуктов питания желали подорвать самое дорогое, что было у государства — диктатуру пролетариата. После уничтожения злейших эксплуататоров трудового крестьян-

ства — кулаков и плодотворной, вкупе с товарищем маузером, деятельности по очистке семенных закромов разразился в 1921—1922 годах голод. Этот первый голод, сотворенный новой властью, унес в стране 7 миллионов человек.

Владимир Галактионович Короленко писал Луначарскому в 1920 году, то есть за год-другой до разгара голодухи:

«Вы допустите, вероятно, что я не менее любого большевика люблю наш народ... Но я люблю его не слепо, как среду, удобную для тех или для других экспериментов, а таким, каков он есть в действительности...

Вы победили капитал, и он лежит теперь у ваших ног, изувеченный и разбитый. Вы не заметили только... что, убив его, вы убили также производство... Увлеченные односторонним разрушением капиталистического строя... вы довели страну до ужасного положения. Когда-то в своей книге «В голодный год» я пытался нарисовать то мрачное состояние, к которому вело самодержавие: огромные области хлебной России голодали, и голодовки усиливались. Теперь гораздо хуже, голодом поражена *вся Россия*, начиная от столиц, где были случаи голодной смерти на улицах... Голод охватывает пространства гораздо большие, чем в 1891—1892 годах в провинции. И главное — вы разрушили то, что было органического в отношениях города и деревни: естественную связь обмена...

Каждый земледелец видит только, что у него берут то, что он произвел, за вознаграждение явно не эквивалентное его труду, и делает свой вывод: прячет хлеб в ямы. Вы его находите, реквизируете, проходите по деревням России и Украины каленым железом, сжигаете целые деревни и радуетесь успехам продовольственной политики».

Короленко привел народную украинскую частушку тех времен:

Як був у нас Микола-дурачок,
То хлиб був пятачок,
А як прийшли розумни коммунисти,
То ничего стало людям исти...

«...Что же из этого может выйти?— продолжал он.— Не желал бы быть пророком, но сердце у меня сжимается предчувствием, что мы только еще у порога таких бедствий, перед которыми померкнет все то, что мы испытываем теперь».

Я уже говорил, что Луначарский не ответил на письма Короленко, хотя и обещал, и не издал эти письма со своими ответами, как было договорено. (Они были изданы в 1921 году в Париже и незадолго до смерти прочитаны Лениным.) Луначарский лишь заметил о своем корреспонденте, что «эти «праведники» в ужасе от того, что наши руки обагрены кровью».

Прав, прав был Короленко — несмотря на миллионные жертвы, разруху, мор, страна только еще стояла у порога бедствий. И начались они, когда у лопоухого доверчивого крестьянина потребовали назад всю его земельку. «Вторая» коллективизация (1929—1933 годы), которую Сталин сравнил по значению с Октябрьской революцией, стала главной операцией по раскрестьяниванию крестьянской страны и, подобно операции расказачивания (тогда, как уже сказано выше, было уничтожено 2,5 миллиона из 4 миллионов донских казаков), превратилась в организованное и беспощадное истребление народа. Причем в первую очередь под топор пошли лучшие, самые умные, честные и трудолюбивые.

Теоретические предпосылки такого обращения с крестьянством, разумеется, уже были разработаны. Среди множества призывов, положений и доводов о смычке рабочего класса и крестьянства, о нерушимом союзе пролетариата с середняком и бедняком находились и более откровенные изречения.

Л. Д. Троцкий на IX съезде партии говорил:

«Поскольку мы перешли теперь к широкой мобилизации крестьянских масс во имя задач, требующих массового применения, постольку милитаризация крестьянства является безусловно необходимой. Мы мобилизуем крестьянскую силу и формируем из этой рабочей силы трудовые части, которые приближаются по типу к воинским частям... В военной области имеется аппарат, который пускается в ход для принуждения солдат к исполнению своих обязанностей. Рабочая масса должна быть перебрасываема, назначаема, командуема точно так же, как и солдаты... Эта мобилизация без установления такого режима, при котором каждый рабочий чувствует себя солдатом труда, который не может собою свободно располагать, если дан наряд перебросить его, он должен его выполнить; если не выполнит — он будет дезертиром, которого карают».

«Любимец партии» Н. И. Бухарин:

«Пролетарское принуждение во всех своих формах, начиная от расстрелов и кончая трудовой повинностью, является, как ни парадоксально это звучит, методом выработки коммунистического человечества из человеческого материала капиталистической эпохи».

Человека — в этих и других подобных высказываниях — не было. Был лишь «человеческий материал»...

* * *

Шестьдесят лет назад телетайпов еще не существовало, и провинциальные журналисты, приникнув к репродуктору («Говорит Москва!»), ловили на слух печатные директивы, чтобы, не дожидаясь телеграфа, поскорее дать народу, истомившемуся без руководящих партийных указаний, свежие постановления центра.

Поэтому 7 ноября 1929 года, публикуя статью тов. Сталина «Год великого перелома», в которой, разумеется, важно было каждое слово, каждая запятая, казахстанская республиканская газета сопроводила ее следующим замечанием:

«Статья тов. Сталина передавалась по радио. Слышимость была очень плохой. Есть пропуски и возможны искажения. Статья будет помещена вторично по получении телеграфной передачи».

Товарищ Сталин предрекал колхозам и совхозам, как совершенно ясное и очевидное, «величайшую будущность» и «чудеса роста».

«В истории человечества впервые появилась на свете власть — власть Советов, которая показала на деле свою готовность и способность оказывать трудящимся массам крестьянства систематическую и длительную производственную помощь...

Новое и решающее в нынешнем колхозном движении состоит в том, что в колхозы идут крестьяне не одиночными группами, как это имело место раньше, а целыми селами, волостями, районами, даже округами...» — писал мудрый Коба, усмехаясь в усы и хорошо понимая свое изощренное, издевательское иезуитство. Ведь этот деланный оптимизм, предназначенный для воодушевления народа, сопровождался совершенно секретными директивами аппаратчикам на местах — насильно загонять людей в колхозы селами, волостями, районами и округами (а практически республиками и всей страной). Обнародованная же публикация, с презрением попирающая всякий здравый смысл — с чего

бы это вдруг народ толпами ринулся в колхозы?! — предписывала всем восторгаться этому насилию, названному «великим», и вслед за вождем называть его «небывалым успехом» и «важнейшим достижением Советской власти».

Сталин лукавил и в том, что 1929 год назвал годом великого перелома. Некоторое оживление колхозного строительства в течение десяти месяцев было только началом, спичкой, поднесенной к стогу сена, подъемом топора, которым надлежало хрястнуть по позвоночнику. Настоящий перелом еще предстоял — в оставшиеся два месяца 1929 года и в последующие месяцы начала 1930 года. Статья была сигналом к развязыванию небывалого доселе в истории насилия над всем народом.

Не прошло и двух недель, как на собрании партийного актива Алма-Аты (которая к тому времени стала столицей) Измухан Курамысов, второй секретарь крайкома, давал отпор людям, почуявшим в разгорающейся кампании недоброе. Его доклад вышел в газете под заголовком «Мы обеими ногами стоим на ленинской платформе партии», но, пожалуй, еще характернее был подзаголовок — «Великодержавный шовинизм и местный национализм смыкаются с правым уклоном». Курамысов спорил с доводами анонимного члена партии, назвавшегося именем Сарман, который прислал письмо из Ташкента. Сарман возражал против того, что лучшие земли отдаются под совхозы — лишь для того, чтобы обеспечить «попавших в затруднительное положение русских».

«Какая разница между нынешними руководителями казахами, открывающими путь для переселенцев, и Абулхаир-ханом 18-го века?» — задавался он вопросом.

(Кстати, в те годы добровольно никто в Казахстан не стремился, зато спецпереселенцев, которых под дулами чекистов и милицейских винтовок погнали в казахские степи, и отнюдь не на лучшие земли, а рыть шахты, рудники, строить заводы и т. д., — вот их-то были десятки, если не сотни тысяч человек.)

Следующий вопрос Сармана бил в самую точку новой кампании:

«Законы истории порождают классы, которые проходят определенную ступень развития; куда на гибель ведете казахов, еще не изживших родовых пережитков?»

Что же ответил Курамысов?

«Мне, товарищи, очень неудобно выпускать против такого негодяя самого Ленина и доказывать правоту

Лениным. Мне очень этого не хочется, это было бы издевательством над Лениным, в котором пусть изощряются правые, старающиеся подстричь, причесать Ленина под Бухарина... Но мне кажется, что об этом уже высказались казахские трудящиеся массы, беднота и середняки, которые сами идут в колхозы, сами создают основы социализма...»

Как видим, доказательства еще жиже, чем у тов. Сталина.

Координатор коллективизации сельского хозяйства в целом по стране Каганович (заморивший голодом миллионы людей, а сам благополучно здравствующий до сего времени), говорил 21 ноября 1929 года в Москве об итогах ноябрьского Пленума ЦК ВКП(б) (маленькая буквочка «б», забранная в скобки, еще существовала, хотя давным-давно в этом не было смысла: меньшевиков не только распустили, но и пересадили и поссылали в Сибирь, их как партии уже не было, равно как не было и других партий):

«На Пленуме ЦК ряд товарищей говорил прямо, что мы не предвидели такого темпа коллективизации, который мы имеем сейчас и **который, несомненно, увеличим еще»** (выделено мной — В. М.)».

Проговорился Лазарь Моисеевич! Впрочем, что там слова — будто можно какими-то словесами скрыть дела!..

3 декабря с докладом об итогах Пленума ЦК, прошедшего в Москве, выступал перед партактивом края Голощекин. Он сказал, что в последние месяцы колхозов в Казахстане стало значительно больше, чем было, и отметил весьма важный момент — что 51,8 процента созданных колхозов «исключительно казахские».

«Я встречался с таким мнением,— заявил Филипп Исаевич,— что у нас колхозное движение пойдет медленнее, чем в других районах СССР. Я считаю такое мнение неверным».

Таким образом он приравнял к вековому оседлому крестьянству вековых кочевников, и если первым сплошная, то есть насильственная, коллективизация грозила страшной бедой, геноцидом, то для казахов, которых, кроме всего прочего, заставляли сразу же переходить на оседлость, эта была невиданная по гибельности катастрофа.

Но ведь и те и другие были для вождей отнюдь не людьми, а «человеческим материалом». Темным материалом прошлых эпох, который не понимал и не мог понять, ч т о ему необходимо для счастья.

«В казахском хозяйстве,— продолжал Голощекин,— колхозное строительство является тем основным «винтиком», при помощи которого оно выйдет и выходит из того векового нищенского положения, в котором оно находилось».

Выразив беспокойство, что «скот и другие средства производства еще очень мало обобществлены», Филипп Исаевич заключил свой доклад по-большевистски оптимистическим заверением:

«Мы находимся на новом этапе, мы находимся на этапе новых головокружительных побед...»[1].

(Эти «головокружительные победы»— спустя всего лишь три месяца — Сталин назвал «головокружением от успехов». И победы и успехи, если имели хоть какой-то смысл, то лишь один — это были победы и успехи насилия, геноцида. А головы, если у кого и кружились, то отнюдь не у вождей, а у тех, кого они загоняли в колхозы, кружились от недоедания и истощения, от начинающегося голода.)

Через неделю Голощекин выступал с докладом на Пятом пленуме крайкома и вновь давал указания, на этот раз о темпах перехода кочевников на оседлость, или, как тогда говорили, на оседание:

«Основной путь разрешения сельскохозяйственной проблемы у нас в Казахстане лежит по линии освоения огромных площадей, раньше всего коренным казахским населением, путем коллективизации. На этой почве необходимо **в кратчайший срок осуществить оседание**»[2]. (выделено мной — В. М.).

В прениях выступил с содокладом И. Курамысов и уточнил, что через пятилетку девять десятых всех казахов будут жить оседло.

Он сообщил о решении бюро крайкома перевести на сплошную коллективизацию Петропавловский и Кустанайский округа, а также подобрать десятка полтора районов по всем округам и перевести их на сплошную коллективизацию в течение этого же года (вот и вся добровольность, декретируемая партбюрократами: перевести!).

Курамысов с подъемом провозгласил лозунг:

— От карликовых колхозов — к районам и округам сплошной коллективизации!

---

[1] «Советская степь», 1929, 6 декабря.
[2] «Советская степь», 1929, 15 декабря.

«Такой темп колхозного движения,— говорил он,— возможен только на основе того, что середняк массой пошел в колхозы... Этот перелом означает, что мы в части коллективизации села можем идти несравненно большим темпом, чем шли до сих пор. И характерно то положение, что казахские районы почти не отстают от темпа коллективизации русской деревни...

Колоссальную роль в деле усиления темпа коллективизации... будут играть организуемые в Казахстане совхозы. В этом отношении Казахстан может достичь огромных результатов, может оставить позади себя образцовые, на сегодняшний день, области СССР».

Лихорадочное нагнетание темпа коллективизации началось. Обещаниями и усилиями партийных чиновников оно превращалось в гонку за выколачивание самого высокого процента в рекордно короткие сроки.

«Вполне возможно, что коллективизация животноводческих хозяйств несколько сложнее, труднее, чем коллективизация зерновых хозяйств. Это ни в коей мере не означает, что мы в этом отношении помирились на меньшем темпе коллективизации, нежели это предусмотрено в отношении зернового хозяйства»,— растолковал Курамысов основополагающие мысли Голощекина[1].

Пятый пленум крайкома, разумеется, послушно проголосовал за те установки, которые выдвинул Голощекин. В резолюции о колхозном строительстве было записано:

«...Всемерно... стимулировать коллективизацию животноводческих хозяйств в таких же темпах, как по зерновому хозяйству... имея в виду охватить не только зерновые районы, но и животноводческие и хлопководческие, установив темпы коллективизации с расчетом на полный охват населения в течение одного года».

17 декабря 1929 года решением пленума предписывалось охватить коллективизацией к весне 1930 года 30 процентов хозяйств.

Участники пленума, конечно же, горячо вскидывали руки, шумно одобряли, аплодировали. Под это лихорадочное оживление начинался великий загон в голодное и холодное колхозное будущее.

1929 год подходил к концу. На прощание нарком земледелия Токтабаев порадовал Всеказахстанский съезд ветработников известием, что в конце пятилетки в Казахстане будет не 38 миллионов голов скота, а 58.

---

[1] «Советская степь», 1929, 16 декабря.

Случилось несколько иначе. В конце пятилетки осталось всего-навсего 4 миллиона голов скота — по официальным данным. Сколько на самом деле, никто не знает. Люди, выжившие в коллективизацию, говорят, что гораздо меньше...

* * *

Эпоха застоя, оказавшаяся весьма динамичной на коррупцию, воровство, награды и анекдоты, оставила нам один любопытный образчик устного творчества, вполне, может быть, народного и вовсе не обязательно заброшенного из-за кордона в подрывных целях. Теперь, пожалуй, можно припомнить этот анекдот печатно, дабы вылущить рациональное зерно.

Итак, в красный день календаря стоит на Красной площади Наполеон, естественно, не на трибуне, а в рядах гостей, стоит и читает газету «Правда». Между тем идет военный парад.

— Сир!— шепчет советник.— Какие пушки! Если бы у нас были такие пушки, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Молчание, Наполеон не отрывает глаз от газеты.

— Сир!— чуть громче шепчет советник.— Какие танки! Если бы у нас были такие танки, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Тишина, треуголка еще глубже погружается в разворот.

— Сир!— восклицает советник.— Ракеты!!! Если бы у нас были ракеты, Франция ни за что бы не знала поражения при Ватерлоо.

Наполеон поднимает глаза, передает советнику газету и вздыхает:

— Если бы у нас была такая пресса, Франция вообще бы не знала про Ватерлоо.

Нельзя сказать, что в пору «великого перелома» не было в стране никакой гласности; конечно, она была, но в тех пределах, которые ей устанавливали сверху. Так сказать, в директивных пределах. И уж, конечно, в трепетных сердцах цензоров и редакторов было записано святое охранительное правило, выраженное впоследствии, опять-таки в болтливую эпоху застоя, несколько развязно и непочтительно по отношению к предтече этого правила — революционной бдительности:

— Лучше перебдеть, чем недобдеть!

Что такое «недобдеть» в те времена, не нуждается в

пояснениях. Потому-то очень трудно найти в газетах тех лет правду, то есть каким образом в действительности, а не в газетном отражении пределов тогдашней гласности, проходила коллективизация. Потому-то и приходится восстанавливать эту действительность, как говорится, задним числом. Когда на смену одной кампании приходила другая — по исправлению ошибок, извращений и перегибов, в порыве самокритичности, но опять-таки в дозволенных размерах, кое-что становилось известно и читающей публике. Именно кое-что — то есть частица правды, жалкая, возможно, частица. Правда в полном ее виде не нужна была «человеческому материалу» ни той, ни последующих эпох,— так считали вожди. Она подлежала забвению, уничтожению. Преступники, в какие бы личины они ни рядились, испокон веков не любят оставлять следов.

Как же проходила первая волна коллективизации в Казахстане?

Весной 1930 года по сигналу, данному Сталиным статьей о «головокружениях», чиновникам подлежало вскрывать свои ошибки. (Главная ошибка состояла в том, что народный хребет надломили, да вот переломить не смогли,— тело еще отзывалось на боль, сопротивлялось: кругом начались вооруженные «антисоветские выступления».) В июне Голощекин выступил с огромным — чтение его продлилось два дня — докладом на Седьмой Всеказахстанской партконференции. Он пытался оправдаться в чрезмерных темпах коллективизации. Оправдывался, конечно, не перед жертвами, не перед народом, а перед собственным начальством в центре. И потому сваливал все грехи на исполнителей, низовых работников.

«Ошибки в области коллективизации можно характеризовать как непонимание партийной линии, как искажение линии партии, как уход от ленинизма... Ошибки, допущенные на местах, ни в какой степени не вытекают из директив ЦК».

— Верны ли были темпы, когда мы взяли 30 процентов в 1930 году?— обратился он к залу.— Верно ли, что мы ставили в двух округах (Петропавловском и Кустанайском), наиболее мощных экономически, задачу сплошной коллективизации в два года?

С мест кричали:

— Правильно!

— Если мы делали правильно, то вы на местах сделали все это абсолютно неправильно,— заключил Филипп Исаевич. И делегаты ответили дружным смехом.

Приведу подробнее этот отрывок стенограммы, который вызвал у делегатов конференции неудержимое веселье.

«Вот, товарищи, темп по краю: в январе 30 г.—24,5 процента, в феврале —25 проц., в марте —45,1 проц., в апреле —51,3 проц. Прямо гигантскими шагами двигались! (Смех.)

Похоже ли это на темпы, которые мы вместе с вами наметили? Может быть, мы тогда были оппортунистами?

Но если, товарищи, вы проследите данные по округам, то увидите еще более гигантские темпы. Вот округа: в Алма-Атинском в январе было 17 проц., а в апреле —63,7 (смех); в Петропавловском в январе было 38 проц., в апреле —73,6 проц., в Семипалатинском —18 и 40 проц.— тут более божеский подход (смех); в Кустанайском — 36 и 65; в Каркаралинском в апреле 48 проц. (вы знаете — этот округ «архизерновой», с тысячами тракторов); в Гурьевском округе —1,5 и 36,6 процента; в Уральском — 72 в апреле; в Павлодарском —60 процентов; в Кара-Калпакской области, хозяйство которой зиждется пока на омаче, где сохраняются еще и сейчас полуфеодальные отношения, где еще баи и ишаны имеют большое влияние, где в январе было 12,5 процента, а в апреле 52 (смех); в Сыр-Дарьинском — в марте 64,4 процента... и, наконец, в наиболее передовом округе — Кзыл-Ординском —61 процент (смех) вместо 14 процентов в январе.

Я прошу вас здесь, на конференции, совершенно честно, по-большевистски сказать: вытекает ли эта ошибка из линии и руководства крайкома?

Чем, товарищи, объяснить, что, начиная с 5 февраля и даже с конца января, крайком бил тревогу, что ЦК уже дал твердую директиву об исправлении ошибок, а мы до апреля никак не можем добиться снижения темпа? Чем это объясняется? Некоторые говорят — недоучетом, а мне кажется — непониманием глубины ошибок.

Если Петропавловский, Кустанайский округа... сделали в 2 месяца то, что рассчитано было на 2 года, то что сказать о других округах, таких, как Уральский, Актюбинский, Алма-Атинский, Сыр-Дарьинский? Особенно разительно то, что, чем более отсталым является округ в хозяйственном развитии, темп коллективизации был там более быстрым, например, Каркаралинский, Сыр-Дарьинский. (т. Исаев: «Там администрировать легче!») Правильно, т. Исаев, там администрировать легче. В Каркаралинском округе: Беркалинский животноводческий район коллективизирован на 84 процента, Абралинский —76,

Шорошевский —70; в Уральском три животноводческо-полеводческие — на 73 процента и так далее. Как только животноводческий район, так прямо скачок вверх! Один товарищ, поражаясь этому, пишет:

«Серьезным шагом является форсирование коллективизации в наших скотоводческих районах с обязательным условием обобществления всего скота. Это видно также и из того, что наибольший процент коллективизации дают как раз животноводческие, кочевые и полукочевые районы (Джаныбекский —95 процентов, Сламихинский —85, Чижинский —82, Челкарский —86, Тайпакский —82, Джамбейтинский —80... и т. д.)».

Этот товарищ все это написал, забыв только об одной «мелочи», а именно, что в этих районах были наибольшие безобразия и наибольшее количество группировок. (Смех)».

Сколько же смеха было в зале, сколько веселья!..

А ведь Филипп Исаевич совсем забыл о своих же директивах тех дней, которые надо было исполнять, как военные приказы.

Например, еще в январе он следующими указаниями напутствовал земельных работников Казахстана, собравшихся на съезд.

«Мы в области колхозного строительства по темпам не отстаем от передовых районов Союза. Этот широкий, этот быстрый темп дал возможность взять установку, чтобы если не к концу пятилетки, то в начале первого года второй пятилетки иметь сплошное коллективизированное хозяйство всего населения у нас в Казахстане. Большой ли это срок или малый? Это значит — еще 4 года. Так вот, «пессимисты» говорят, что мы взяли слишком длинный срок,— пессимисты, конечно, в кавычках,— ибо процесс идет так быстро, что он перехлестывает наши планы и наши предположения»[1].

Голощекин хитрил, говоря о сроках коллективизации (на самом деле по плану на нее Казахстану отводилось всего три года), и тут же сваливал перехлесты организованного им же «быстрого процесса», а проще говоря, насилия — на стихийный напор середняка, якобы неудержимо рвущегося в колхозы. И здесь же намекал, что, дескать, напор такой, что коллективизация будет закончена досрочно, провоцируя у послушных исполнителей стремление к «перехлестам».

Газеты тех дней безудержно нагнетали психоз, взвин-

---

[1] «Советская степь», 1930, 15 января.

чивая и без того непомерные темпы колхозного строительства, и, конечно, не писали о методах коллективизации. Передовые «Правды», посланные по телеграфу, ежедневно перепечатывались в «Советской степи». Это были прямые директивы центра; их подкрепляли «встречные планы» крайкомовцев. Вот газетная хроника той поры.

12 января 1930 года. «Петропавловск. Бурный рост колхозов вносит свои решающие поправки в посевные планы. Весной 1929 года в колхозах было 7,4 процента хозяйств, в декабре —35 процентов. К весеннему севу предполагается коллективизировать 60 процентов хозяйств округа. В Булаевском и Красноармейском районах проведут сплошную коллективизацию».

Здесь же в газете, чего в последние годы почти не было, стали печатать рекламу одесских кооператоров, решивших именно в начале коллективизации насытить казахстанский рынок своей продукцией:

«ПОЛОВОЕ БЕССИЛИЕ
и как его лечить
4-е дополн. изд.
известной книги д-ра Н. В. Слетова...
С цветными таблицами.
Цена с пересылкой 3 р. 25 к.
Высылает книж. дело
«Литература», Одесса,
ул. 10-лет. Кр. Армии, 64».

13 января. Передовая «Правды»:

**«Ликвидация кулачества как класса
становится в порядок дня**

...Сплошная коллективизация несет смерть кулачеству.

Колхоз... должен объявить войну не на жизнь, а на смерть кулаку и в конце концов смести его с лица земли.

Партия развертывает действенное большевистское наступление на кулака с прямой целевой установкой на его ликвидацию».

Смерть, война, ликвидация...

В тот же день:

«Актюбинск. Ликвидирована шайка бандитов, оперировавших в округе. Бандитская шайка грабила население, угоняла скот, подготовляла крушение скорого поезда, занималась террористическими актами. Коллегия ОГПУ приговорила бандитов Щербакова, Аимбетова, Иржанова,

Кунакова и Арстанова к расстрелу. Приговор приведен в исполнение».

14 января. «Ростов-на-Дону. Съезд по проведению сплошной коллективизации края шлет телеграмму друзьям-товарищам Ворошилову и Буденному: «На полях, где происходили решительные схватки с белогвардейцами, на полях, политых кровью бойцов 1-й Конной армии, алыми маками расцветают колхозы».

21 января. «Совнарком Казахстана призывает:

— Поднимем ярость бедняцко-батрацких и середняцких масс против кулака, бая и их подпевал, разбазаривающих скот!»

22 января. «**Пятилетку в один год**

Актюбинск. Нынче на сплошную коллективизацию переходят 4 громадных района: Акбулакский, Мартукский (русские), Илекский, Мугоджарский (казахские).

Семипалатинск. Самарский район — район сплошной коллективизации. Она... идет под лозунгом: «К апрелю 1930 года коллективизировать 100 процентов населения».

24 января. Статья тов. Сталина **«К вопросу о политике ликвидации кулачества как класса».**

Реклама в тот же день:

«ВЕСЕЛЫЕ
рассказы, сценки, пародии,
стихотворения, басни, фельетоны
для чтения, декламирования
найдете
в интересном сборнике
САТИРА И ЮМОР
Цена в переплете с пересылкой
2 р. 30 к.
Высылает кн. дело «Литература»,
Одесса, ул. 10-лет. Красной
Армии, 64».

31 января в Алма-Ату прибыли 19 московских рабочих-химиков, чтобы поднимать колхозное движение. На вокзальной площади состоялся летучий митинг, и местный крестьянин Березовский сказал короткую речь:

— Мы, крестьяне Алма-Атинского округа, бедняки и середняки, крепко надеемся, что передовые пролетарии... с братской открытой душой пойдут к нам и помогут войти в новую жизнь, покончить со всем темным и старым, чего еще много осталось в нашей деревне...

Об этом газета сообщила 2 февраля.

В тот же день информация из Харькова о том, как

рабочие завода «Молот» провели собрание о ликвидации кулачества:

«Беспартийный рабочий с 30-летним производственным стажем заявил:

— Я счастлив, что живу в такое время, когда уничтожаются последние остатки капиталистических классов в стране (крестьян уже называют капиталистами!— В. М.). Вобьем осиновый кол в могилу кулачества! Вступаю в ряды партии для того, чтобы под ее знаменем бороться за дело Ленина!»

Какого же размера осиновый кол понадобился бы этому передовому пролетарию для братской могилы миллионов украинцев (которые его же и кормили, пока он 30 лет стоял у станка), погибших чуть позднее от голода!...

В том же номере «Советская степь» обнародовала и постановление сессии ЦИК Казахстана:

«Сессия считает, что напроектированная наркомземом на 1929—1930 год коллективизация 47,4 процента всех хозяйств является минимальной (разрядка моя — В. М.) и предлагает Совнаркому... эту цифру пересмотреть в сторону возможного увеличения».

Ну вот, а Филипп Исаевич Голощекин, который всем этим руководил и который понукал коллективизаторов, потом удивлялся, как это низовые работники сумели добиться высоких цифр и натворить безобразий...

3 февраля слово взял Голощекин:

«Сейчас на основе коллективизации... произойдет переход от кочевого, полукочевого хозяйства к оседлому... Мы находимся у преддверия изжития мелкого расселения аула по 5-6 юрт, уничтожения самого существования юрт. А вместе с этим создается возможность уничтожения архаического, некультурного быта, создания условий для культурного подъема масс.

Существует предрассудок, что колхозное строительство в Казахстане пойдет более медленным темпом. Это неверно,— повторил он, как и прежде, свои установки на нагнетание темпов. Отметив «обостреннейшую классовую борьбу», Голощекин заключил:— Из страны отсталой... страны спящей Казахстан становится страной передовой, страной кипучей жизни, страной социалистического наступления» (разрядка моя — В. М.).

6 февраля. Передовая «Правды»:

«Сельская буржуазия, кулаки, «пившие кровь из сердца крестьянина и мозг из его головы» (Маркс), оказали

и оказывают остервенелое сопротивление движению основных масс крестьянства к социализму...»

Вот и Маркс пригодился Сталину.

По всей стране шло истребление лучшего крестьянства, и лишь одесситы не теряли присутствия духа и желания выколотить денежки из карманов населения:

«135 ВЕСЕЛЫХ
фокусов-загадок в одной книге
«Физика в развлечениях»
Цена с пересылкой 1 р. 70 к.
Высылает кн. дело «Литература»,
г. Одесса...»

Что же происходило на самом деле, пока с газетных страниц сыпались все эти директивы, угрозы, радужные обещания политиков и пока одесское книжное дело «Литература» старалось поразвлечь публику? Какова была в действительности кипучая жизнь, о которой восклицал первый секретарь крайкома и которую не желала замечать пресса?

Про колхозы людям, как потом выяснилось, ничего почти не говорили. Хватало одного собрания, чтобы объявить о коллективизации и тут же проголосовать. Уполномоченных не интересовало, хочет ли, нет ли человек стать колхозником. Вопрос задавался следующий:

— Кто против коллективизации?

Впрочем, во многих районах, бывало, и поясняли, что всем, кто не вступит в колхоз, нарежут самую плохую землю. Где-нибудь в песках, в горах. А с поливной земли сгонят. Имущество отберут. А самих людей, не желающих трудиться совместно с другими, вообще выселят из родных аулов и деревень. Такая доходчивая разъяснительная работа велась, к примеру, в Таласском районе Сыр-Дарьинского округа; впрочем, то же самое было во многих других местах.

В том же Таласском районе создавали огромные и практически неуправляемые колхозы с многими сотнями хозяйств, разбросанных в радиусе полусотни верст. У кочевников, живущих в песках, отобрали весь скот и все имущество, за исключением самых необходимых предметов домашнего обихода. Новое начальство строго-настрого запретило что-либо продавать или покупать без особого на то разрешения.

В Илийском районе Алма-Атинского округа в колхозы сгоняли прямым нажимом, угрозами и при этом не знакомили даже с уставом артели. Если кто-то спрашивал, а можно ли не вступать в колхоз, ему отрезали: нельзя.

В одном из аулов Кзыл-Ординского округа уполномоченным по коллективизации был некто Утешев, по должности бригадир. Он сразу предупредил, что тот, кто отказывается войти в колхоз, отныне считается прямым врагом социализма и Советской власти. И, стало быть, невступившему грозят: выселение, конфискация, лишение избирательных прав и арест. Он и арестовывал — вплоть до батраков. «Масса загнана в колхоз исключительно в административном порядке. Но районное руководство считает колхоз благополучным и образцовым»,— писал в крайком партии Сарсеков.

Кара-Калпакский обком телеграфировал своему вышестоящему начальству (Кара-Калпакия тогда входила в состав Казахстана) о том, что каждый районный работник обязывался местными властями создать «определенное» количество колхозов, «отсюда нездоровое соревнование, явное принуждение, запугивание... отягощение налогами... арест одновременно 90 дехкан, заявивших о нежелании войти в колхоз». Кроме всего прочего, повсюду обманывали людей, что, как только организуют колхоз, сразу же завалят его промтоварами, пригонят машины и трактора...

В Затобольском районе Кустанайского округа раскулачивали и лишали избирательных прав середняков. «Не вступаешь в колхоз — будешь на селе кулаком считаться, потому что ты против коллективизации; а некоторые (уполномоченные) заявляли: или иди в колхоз, или мы тебя под откос...»

Вот и рифма нашлась — чем не поговорка, рожденная кипучей жизнью.

В том же Затобольском районе «в большинстве колхозов обобществляется полностью скот, овцы, а в ряде колхозов — птица и даже арбузные, огуречные и т. п. семена».

Уральским казакам-переменникам 16-го кавалерийского полка дали приказ — не позже 23 марта вступать в колхозы, иначе будут лишаться права голоса и исключаться из полка.

В Петропавловском округе, где была намечена сплошная коллективизация, уполномоченный Федотов, агитируя в колхозы, угрожал невступающим налогами, заключением в ИТД и пр.

На Аральском море (тогда еще полноводном, поскольку не были обобществлены воды Сырдарьи и Амударьи уполномоченными более позднего поколения) коллективизировали... рыбаков. Хозяйства, разбросанные на протяжении 200—300 верст, объединили в один колхоз.

Под Алма-Атой сгоняли в колхозы садоводов...

И еще о Таласском районе — подробную записку о тамошней коллективизации написал Асылбеков:

«...С 15 марта началось фактическое обобществление скота, устройство городков из юрт... После приказа правления во все концы были посланы «бельсенде» с длинными волосами (знак беспощадности) с приказом о немедленном перекочевывании на пашню. Эти «бельсенде» заставляли кочевать два раза на день (до обеда и после обеда), они не обращали внимания на то, что верблюды страшно худы и наступило время ягнения овец. Вследствие таких принудительных кочевок пала масса верблюдов и ягнят. После перекочевывания было выдумано устройство городка из 300—400 дворов. Кибитки всех колхозников были построены шпалерами... и были выделены в качестве скотных дворов юрты путем уплотнения и вселения хозяев в юрты других семей.

...Поселок был разбит на несколько групп... Овцеводческая группа, в расположении которой находились овцы (население за недостатком кормов пользуется овечьим молоком), оказалась в благоприятных условиях, а остальная часть колхозников форменнейшим образом голодала».

Эту записку огласил Голощекин на Седьмой конференции в июне 1930 года — одно из немногих, двух или трех, не больше, косвенных упоминаний о начинающемся голоде. Да и эти упоминания прошли в печать только потому, что бедствие лишь надвигалось на Казахстан, как и на все остальные хлебные и скотоводческие — кормящие — области страны. Впоследствии ни печать, ни официальные лица ни слова не произнесут о всенародной голодухе, даже намек на нее будет под запретом — до самой смерти Сталина, а практически — до нынешних дней.

Филипп же Исаевич с партийной принципиальностью в исправлении ошибок и, разумеется, полностью позабыв про свои хлесткие понукания полугодовой давности, зачитал записку Асылбекова и принялся разоблачать с трибуны перегибщиков:

— Вот, товарищи, к каким последствиям приводила «коммуномания» на местах.

(А к чему же еще она должна была привести, если как раз накануне этих событий, 13 февраля 1930 года, крайком разослал директиву «О создании условий для перевода колхозов из низших форм в высшие (артель, коммуна) на основе действительного и полного обобществления всех средств производства» (разрядка моя — В. М.).

Голощекин продолжал:

— Ведь когда обобществлялись маленькие «коровки» потребительского характера, которыми крестьянка кормила своих детей, то она вынуждена была с крынкой ходить и вымаливать стакан молока. Это, между прочим, способствовало подрыву кормовой базы. Эту «коровку», козу хозяйка кормила остатками со своего стола, а тут их стали кормить тем, чем кормят рабочий скот. Разве мы этим путем не подрезали животноводство?

Не потому вспомнил он про мифическую для него крестьянку и ее детей, что они голодали, а потому, что кормовая база подрывалась у обобществленной «маленькой коровки, козы», и еще и на это можно было свалить причины огромных потерь в животноводстве.

Однако продолжим примеры кипучей жизни в первую волну коллективизации.

В селах Алексеевке, Юрьевке, ауле № 8 Сыр-Дарьинского округа у середняков за несдачу семенного зерна конфисковали все имущество.

В Кантемировке начали обобществлять одежду, домашнюю посуду, а местный агроном Фросов стал проводить обобществление собак и кошек.

В Семипалатинском округе некоторые районные уполномоченные и райкомы вдохновлялись таким логическим построением: «Середняк — будущий кулак, а потому на него можно и должно распространять все меры, которые допускаются к кулаку». Методы были обычные: объявление чуть ли не военного положения для проведения трудповинности (свободный труд крестьян превратился в трудповинность, мечту Троцкого), изъятие всех семенных запасов (чему-чему, а изымать, конфисковывать, реквизировать, экспроприировать или, попросту, грабить диктатура пролетариата своих активистов научила), преувеличение посевных заданий для середняков, угрозы конфискации и выселения, аресты, суды и конфискация имущества до белья включительно...

В Энбекши-Казахском районе обобществляли юрты, в Ирджарском районе Сыр-Дарьинского округа — охот-

ничьи ружья и швейные машины, в других районах — уток и гусей.

В Иссыкском районе Алма-Атинского округа сгоняли людей на собрания и после этого объявляли село «сплошным колхозом». Коллективизация шла под лозунгом: «Кто не в колхозе, тот враг Советской власти, и его постигнет участь высланного кулака».

Один крестьянин села Тургень недоуменно спросил на собрании:

— Все станут комиссарами, а кто работать будет? Продуктов и так мало, а если работать по 8—10 часов, их станет еще меньше...

Уполномоченные, орудовавшие в Илийском районе, устрашали верующий народ, что за соблюдение «уразы» будут взимать налог в 20 фунтов хлеба. В некоторых аулах рисовали «перспективу» счастливого будущего — «ставили вопрос о необходимости перехода на совместную семейно-бытовую жизнь». Значит, отнюдь не без оснований были «байские слухи» о том, что «в колхозах будут обобществлены и жены и дети».

20 мая 1930 года в разгар кампании по борьбе с перегибами «Советская степь» напечатала статью Ильяса Кабулова «Герои Балхашского гнойника». Подзаголовок гласил: «Агенты классового врага, прикрываясь мандатами исполкомов, наступали на аульную бедноту и середняков». По велению крайкома баи и кулаки считались главными виновниками перегибов!

Автор статьи поведал, как перевыполнялись хлебозаготовки в кочевых районах — Илийском, Балхашском и Чокпарском. Он привел текст одной из местных директив, которая, конечно же, была следствием телеграфных указаний крайкома:

«№ 1 и 2 аулсоветам. РИК категорически предлагает вам не позднее 15 февраля с. г. организовать принудительным порядком красный обоз из верблюдов и представить в распоряжение сельскохозяйственного крестьянства.

Пред. РИКа».

«Чтобы выполнить распоряжение местной власти,— пишет Ильяс Кабулов,— казахи-скотоводы были вынуждены покупать хлеб в соседних районах. За деньги хлеб никто не продает — дорог. За 15 фунтов хлеба отдавали барана; 1,5 пуда — корову; 3 пуда — быка; 4 пуда — хорошего коня; 4,5 пуда — верблюда».

Автор справедливо назвал это разрушением скотоводства.

«Часть хозяйств, главным образом середняцких и бедняцких, разорилась.

Многие семьи нищенствовали, голодали...

Районные и окружные уполномоченные объясняли: кто не войдет в колхоз — лишится лучших земель и льгот, будет объявлен противником колхозного строительства.

Всем вошедшим в колхозы категорически запрещалось выполнять религиозные бытовые обряды.

Таким образом организовали 38 колхозов...»

Уполномоченный округа Мусаев объявил, что в 1930 году будет коллективизировано 100 процентов хозяйств.

«Напуганное население... распродавало и забивало скот...

К середине зимы все население было обложено 10 килограммами шерсти с хозяйства. Скотоводы были вынуждены стричь баранов и коз зимой. Животные после этой операции гибли...

Хозяйства Илийского и Чокпарского районов были обложены по пуду хондриллы[1]. Населению предложили засеять хондриллой по одному га на душу. Никогда не собиравшие хондриллы казахи вынуждены были в зимние холода отыскивать в песках корни этого растения. Те, кто не достал корней, штрафовались.

Байга, свадебные вечера и т. д. были в административном порядке запрещены. Мечети закрыты.

Здесь существует обычай «керегекью». По этому обычаю родители посылают свою дочь-девушку к «дорогим» гостям. Вместо борьбы с таким «обычаем» блюстители нового быта — ответственные работники и всякие уполномоченные — широко им пользовались».

Исправлять перегибы, после которых Балхашский район недосчитался 40 процентов скота (в соседних районах было не лучше), приехала комиссия КазЦИК, возглавляемая Ельтаем Ерназаровым, Всеказахским старостой (прежде его называли Всеказахским аксакалом, пока в слове «аксакал» не было усмотрено нечто реакционное и враждебное). Комиссия разогнала несколько аулсове-

---

[1] Растение-каучуконос; в 30-е годы в Казахстане устраивались повальные кампании по поискам, заготовке и разведению дикорастущих каучуконосов, чтобы преодолеть «резиновый бойкот», устроенный Западом для страны.

тов, объявив их «байскими», освободила из-под стражи бедняков, батраков и середняков.

Но что значит эта кучка уволенных по сравнению с произволом и насилием, который много месяцев творился по всему Казахстану!..

Балхашские «преступные извращения» отнюдь не являлись исключением из правил, подобное было везде. Директива вновь проявила свою основную особенность: она соответствовала только разрушению, созидательная ее сила равнялась нулю. Недаром спустя три года Ураз Исаев, сделавший доклад на Шестом пленуме крайкома, искренне удивлялся: «В то время как ряд хороших и правильных решений оставался невыполненным, ...явно ошибочные решения выполнялись с неимоверной быстротой». (Речь шла, в частности, о решении бюро крайкома от 17 декабря 1929 года, по которому в первый же год коллективизации необходимо было добиться полного обобществления сельхозинвентаря и рабочего скота в зерновых колхозах и всего продуктивного скота — в животноводческих.) А чего было удивляться, если по сути своей директива была выражением насилия, направленного против человека. Лев Толстой писал в дневнике 1907 года: «Личный эгоизм — малое зло, эгоизм семейный — большое, эгоизм партии — еще больше, эгоизм государства — самый ужасный». При всей верности этой мысли она основана на старом историческом опыте. Не знал Толстой, что такое первое в мире пролетарское государство, как, пожалуй, не представлял и того, в какие черные бездны может погрузить человека «государственный эгоизм».

Партаппаратчики, разумеется, не просто верили в чудодейственную силу директивы, но и подкрепляли ее, не скупясь, судебными карами, вооруженной силой, винтовочным и пулеметным огнем. Именно тогда, в феврале 1930 года, когда по всей стране волновался народ, обреченный на голодную смерть и высылку в края, где Макар телят не пас, Бухарин, пять лет назад призывающий крестьян обогащаться, писал в «Правде», что «с кулаком... нужно разговаривать языком свинца». И разговаривали.

Уничтожать, грабить, разрушать — здесь директива годилась.

14 марта 1930 года «Советская степь» писала, что в Каскеленском колхозе уничтожено не меньше половины поголовья скота:

«В то время, как правительство проводило месячник

развития животноводства, в районе шел месячник уничтожения. Колхозники признались:

— Да уж, порезали немало. По корове каждый зарезал, а о баранах говорить нечего...

Стада баранов почти уничтожены. Из нескольких тысяч остались сотни. Молочный скот дает низкие удои (кормят одной соломой)».

Самое удивительное в этой заметке — подзаголовок: «Не только восстановить, но и увеличить поголовье стада!»

Хозяйство кочевников было уже подрублено под корень, а сочинители директив продолжали понукать, «разъяснять», агитировать, ставить задачи. «Действительность колхозного движения обогнала все плановые предположения: свыше 40 процентов хозяйств Казахстана объединено в колхозах. В целом это движение является вполне здоровым...»— писал 20 марта 1930 года в «Советской степи» секретарь крайкома Л. Рошаль.

Этот новый в Казахстане функционер, прибывший помогать Голощекину в проведении коллективизации, быстро развил бурную директивно-циркулярную деятельность. Вскоре Рошаль подписал постановление бюро крайкома, в котором осуждался «крайне неудовлетворительный темп ссыпки семян, иждивенческие настроения» в округах, разоренных сплошной коллективизацией.

Показательны меры, которыми собирались чиновники поправить положение. Предписывалось:

— организовать соревнование между колхозниками по добровольной ссыпке скрытых запасов;

— колхозы, большинство членов которых заведомо злостно не обобществляют семена, распустить в установленном порядке, как лжеколхозы;

— сократить до минимума разъезды на лошадях и т. п.[1].

По разумению Л. Рошаля (который сам, конечно, никогда не пахал, не сеял),только злостные кулаки не желают — в наступившей разрухе, неразберихе, волне судебных и карательных репрессий и приближающемся голоде — добровольно ссыпать семена. И потому новый помощник Голощекина призывал пресечь в корне «кулацко-байское вредительство» и «ни на минуту не ослаблять работу по ликвидации кулачества в районах сплошной коллективизации» [2].

---

[1] «Советская степь», 1930, 23 марта.
[2] «Советская степь», 1930, 27 марта.

Из Москвы на подмогу журналистам «Советской степи» прибыла бригада «Правды». Она побывала в Илийском районе, считавшемся районом сплошной коллективизации, и выразила недоумение:

«Могла ли быть 100-процентная коллективизация в районе, где сохранился еще полукочевой образ жизни, где только что начинается процесс оседания, где население никогда не видело колхозного хозяйства?

...Несмотря на это, есть заверения, что коллективизация «проведена» на 100 процентов.

Как случилось это чудо?»

Выяснилось — как обычно, с помощью грубого насилия.

«Правдисты» весьма осторожно, обтекаемыми словами описали методы коллективизаторов, отдав должное разве что забавному случаю, когда беспартийный учитель Бейсембаев создал «бумажную» артель собственного имени (хотя абсолютно ясно, что учитель всего-навсего подражал вождям). Вопреки всякой логике, но не вопреки партийной дисциплине, «правдисты» пришли к неправдоподобному выводу:

«Несмотря на извращения партийной линии, идея коллективизации среди казахского населения пустила глубокие корни» («Советская степь», 1930, 23 марта).

Между тем кипучая жизнь продолжалась. В первом «Восток-кино-театре» столицы ежедневно шла кинопьеса в семи частях «Любовь в 16 лет», на которую дети до 16 лет не допускались. Возмущенные поведением папы римского, ленинградские академики Ольденбург, Ферсман и Щербацкий подали заявление в ячейку безбожников при АН о принятии их в члены «Союза воинствующих безбожников». Работница Турксиба Редькина написала грозное письмо: «В 1914 году папа римский благословил мировую войну. Теперь он готовит крестовый поход мировой буржуазии против Советского Союза... Я вношу один рубль на постройку эскадрильи «Наш ответ папе римскому».

20 мая Г. Тогжанов призвал в газете «выбить бая с последних позиций». Извращения в коллективизации он, в частности, объяснил «архинелепыми провокационными слухами», которые с первых дней кампании ходили в степи. Наверное, стоит привести здесь эти слухи, чтобы яснее понять, о чем говорилось в среде казахов-кочевников, у которых идея коллективизации якобы пустила глубокие корни.

Тогжанов перечислил бродившие тогда «хабарчики»:

— будут обобществляться жены и дети колхозников;

— колхозы всех женщин будут распределять между мужчинами;

— для улучшения потомства колхозников казахским женщинам выписываются специальные «породистые» мужчины ростом в 3 аршина из центральных районов России, в частности, цыгане (Алма-Атинский округ);

— дети обобществляются, потому что из их мяса будут приготовляться дорогие экспортные лекарства, которые за большие цены будут сбываться в Китай;

— скот отберут, казахи станут питаться травами (овощами) и пр.

Издавна степняк доверял куда больше «узун-кулаку», нежели письменным заверениям. Можно лишь догадываться, какие угрозы и репрессии нужно было применить уполномоченным по коллективизации, чтобы, несмотря на эти слухи, загнать людей в колхозы.

* * *

9 апреля 1930 года «Советская степь» напечатала речь Голощекина при открытии Первого казахстанского краеведческого съезда.

«Если возьмем Казахстан до Октября — я бы его назвал доисторическим Казахстаном,— Казахстана не существовало. Он был разъединен, имел совершенно невероятную отсталость, архаическое хозяйство, кочевье, отсутствие каких-либо, хотя бы начальных, культурных учреждений, обостренную национальную вражду...

Я должен подчеркнуть, что именно социалистическая реконструкция сельского хозяйства, коллективизация, организация совхозов — именно это имеет исключительное значение для Казахстана, дающее выход отсталому архаическому хозяйству, отсталому, нищенскому народу...»

Оставим в стороне высокомерную развязность выражений, присущих вульгарному социологизму. Обратимся к сути. Что же дала народу ничем не подготовленная реконструкция сельского хозяйства?

Если говорить только об экономике, то, по официальным данным комиссии Ураза Исаева, за несколько месяцев первой волны коллективизации поголовье скота в республике уменьшилось на 30 процентов, или на 10 миллионов голов.

Впрочем, иного нельзя было и ожидать.

Ведь даже в тех коллективных хозяйствах, которые были созданы ранее и которые всячески опекались властями, царил полный развал.

Одним из таких хозяйств была коммуна имени самого

Голощекина, созданная на юге республики, которую держали за образец и не раз пропагандировали в прессе — правда, все как-то очень немногословно: то небольшой заметкой, то фотографией...

В год «великого перелома» об этом примерном хозяйстве вышла довольно пространная корреспонденция:

«Уроки коммуны имени Голощекина

...Случай пронизывает всю работу и жизнь коммуны. Коммуна не знает, сколько у нее земель... В течение года... разбазарила 24 головы крс, юрты и принадлежности к ним, 6 лошадей, 185 баранов — в общей сложности на 13 076 рублей.

На эту коллективную растрату можно было бы организовать 4 средних колхоза.

Взяв в аренду базар, коммуна понесла 13 429 руб. убытка...

Постройки разрушаются. Стекла выбиты. Двери пришли в ветхость. Ремонта давно не было.

...На морозе, под открытым небом стоят швейные машины. Уже без челноков, сломанные, с застывшей смазкой, покрытые инеем. Дети ими играют.

...В течение года коммуна получила 30 000 руб. авансов и кредитов. Где 30 000 рублей? Где материальные итоги хозяйственного года, кузнечный инструмент, мельница?..

Все проела коммуна.

...Проблема желудка заняла руководящее место в коммуне и воспитала соответствующую психологию.

Один из руководителей коммуны т. Утемисов на вопрос: как дальше будет жить коммуна? — ответил:

— В случае чего, разберем крышу и продадим на дрова.

...Коммуна держала наемных рабочих (пекаря, повара, двух чернорабочих)... Они попали в положение батраков коммуны.

Байская идеология проникла в коммуну и свила там гнездо.

Т. Байзаков — рядовой коммунар — дал чрезвычайно меткую оценку положению:

— Кушаем. Что скажут — делаем. Молчим...»

IX

«Сплошная коллективизация захлебнулась в народных волнениях. Сталин отступил на целый год»,— говорил недавно в интервью «Правде» (1989, 24 февраля) писатель Борис Можаев.

Историки молчат о волнениях, происшедших в Казахстане, в крайнем случае обходятся двумя-тремя туманными фразами. А. Турсунбаев в книге «Победа колхозного строя в Казахстане» (Алма-Ата, 1957), говоря об «антисоветских выступлениях», лишь вскользь упомянул о Сузакском «байском мятеже», «вооруженном выступлении баев в Адае, Алакульском районе и др.» (с. 155). «История Казахской ССР» (Алма-Ата, 1977, том IV) вообще не говорит об этом. «Очерки истории Коммунистической партии Казахстана» (Алма-Ата, 1963) ограничиваются немногими словами: «Враги Советской власти не замедлили воспользоваться левацкими перегибами в колхозном движении. Они подбивали крестьян на антисоветские выступления, устраивали покушения на партийных и советских работников, аульно-сельских активистов. Так, в начале 1930 года байско-кулацкими элементами были зверски убиты 23 руководящих работника в Сузакском районе Сыр-Дарьинского округа. Классовые враги подстрекали крестьян к массовому убою скота перед вступлением в колхозы» (с. 303).

Даже авторы относительно недавней статьи о «сложных вопросах коллективизации» — «С позиции правды» («Казахстанская правда», 1989, 14—17 января) Б. Тулепбаев и В. Осипов обошли стороной этот вопрос. Они признают, что нельзя все объяснять «злой волей кулачества», но, «не отрицая определенной роли кулаков», историки считают, что «в определенной степени ситуацию усугубляли неумелые, иногда преступные действия представителей государственных органов».

Неужели и эти уклончивые выражения тоже высказаны «с позиции правды»?

Мало что поясняет и последовавшая за ними коротенькая справка: «В 1929 г. в Казахстане, по данным ОГПУ, действовало 31 «бандформирование» в составе 350 человек, в 1930 уже 82 и 1925 человек, в 1931 г.— 80 и 3192. Помимо этого, в селах и аулах за это время выявлена 2001 «враждебная группа» общим числом 9906 человек, кроме того, арестовано 10 396 вредителей-одиночек. В результате их деятельности в 1929—1931 гг. было убито 460 партийно-советских работников, совершено 372 враждебных антисоветских акта, 127 поджогов хлеба и потрав скота».

ОГПУ почему-то не отразило в справке (или историки этого не упомянули) своих ответных карательных акций, их степени, размаха. Между тем даже по приведенным

в предыдущих главах газетным заметкам видно, насколько сурово обходились и с бандитами, и с вредителями (за избиение или покушение на активистов виновных наказывали исключительно «высшей мерой социальной защиты»— расстрелом; ну а вредительством считали все что угодно...).

Рамки гласности образца 1930 года были не столь широки, чтобы печать могла «освещать» народные волнения начала коллективизации. Лишь через полгода на Седьмой конференции Голощекин признал, что «антисоветские выступления... массового характера имели место у нас». Говорил он об этом в первый и последний раз; другим руководителям подобных разговоров вообще не было позволено. Привел кое-какие подробности — до сего времени наиболее полные. Стало быть, уже шестьдесят лет, как для историков эта тема закрыта. Что ж, процитируем, за неимением других официальных свидетельств, доклад Филиппа Исаевича.

«Во-первых, мы имели антисоветские выступления русского крестьянства в Зыряновском районе Семипалатинского округа... (организация этого выступления подготовлялась год назад). Во главе — чисто кулацкие элементы, с вовлечением чрезвычайно небольшого количества середняков...

Во-вторых — антисоветские выступления в шести национальных районах Центрального Казахстана, подготовляемые еще с весны прошлого года...

Все выступления представляют значительный интерес с точки зрения анализа борьбы полуфеодалов за старое (сами выступления начались с выборов хана). Основной лозунг — за религию, против коллективизации, против индивидуального обложения, за возвращение конфискованного в 1928 году скота и против классовой борьбы в ауле.

Таким образом, товарищи, основное в этих выступлениях — это борьба полуфеодалов и ишанов за полуфеодальный патриархальный аул.

Они сумели повести за собой аул, бедняцко-середняцкие массы... только на основе и на почве самых глубочайших извращений и ошибок.

...В этих районах ошибки в заготовках, и особенно ошибки в коллективизации не ослабили бая, а укрепили его. Характерно, что там, где мы связывались с основными массами аула, с бедняками и середняками, они сами выдавали вождей и говорили: они нас натравили,

говорят, что коллективизация есть та же конфискация, распространяемая и на середняка, и на бедняка, что все эти безобразия являются следствием общей политики Советской власти.

И, наконец, характерно, что эти выступления... имели место в кочевых и части полукочевых аулах Центрального Казахстана, эта кочевая часть Казахстана меньше всего советизирована...»

Про восстания в Сузаке, в Алакульском районе и Адае Голощекин даже не упомянул.

Впрочем, в том же докладе он сказал, что Адай ликвидирован как округ. С чего бы это?

«Мы поставили задачу — вовлечь казахов в качестве рабочих на Карабугаз, на рыбные промыслы и Эмбанефть (ясно, какое это «вовлечение»— троцкистская мобилизация крестьянской силы в трудовые части — В. М.). Во-вторых, ту часть населения, которая не может хозяйственно окрепнуть в ауле,— переселить в земледельческие районы. Пока удалось перевести 374 хозяйства, которые все-таки осели, но каких трудов это стоило? Три раза, товарищи, мы их организовывали, давали денег, они доезжали до 100 верст от Адая, там они давали достаточное количество тумаков уполномоченному, а сами возвращались обратно. (Смех)».

374 хозяйства — это всего несколько аулов. А где же десятки тысяч людей, которые жили в округе? Голощекин про это не сказал. Однако в народе, конечно, известно, что адаевцы после восстания в большом числе откочевали с родной земли в Туркмению. Говорят, и там продолжали вооруженную борьбу в рядах басмачей.

Таким образом, восстания народа прошли почти по всему Казахстану. Нигде не говорится, как они закончились. Не сами же по себе? Историки молчат о том, какими способами подавлялись эти выступления. Конечно, все минется, одна правда останется. Когда-нибудь мы узнаем подробности тех событий. По рассказам, восставший Сузак поначалу расстреливали из пушек, установленных неподалеку, на вершине Коктюбе. Перед этим над городом пролетел на малой высоте аэроплан-разведчик — в него швыряли камни, дубинки. Полк чоновцев поливал толпу свинцом... Судили всех скопом. Каждому взрослому — по 10 лет, лишь бы родом был из Сузака. Судили и в соседних селах, суд заседал в красной юрте, арестованные же сидели рядом на земле. Говорят, в одном селении выкрикнули всех по фамилии, каждому всучили

по «десятке», а про какого-то чабана забыли. Он сидел-сидел, не дождался своего имени и сам вошел в юрту: «А меня что же не выкликаете?» — «Тебя? Ах да... Ну, и тебе — десять лет!»

Весной 1930 года, рассказывал Г. Х. Ахмедов, вожак крайкомола возвращался с подавления восстания. Ехали на нескольких машинах, было в них человек пятнадцать. По дороге показался в стороне старик казах на лошади. Один из пассажиров подозвал встречного и, когда тот подъехал, вытащил наган и убил в упор. «Зачем ты это сделал?»— спросили его. «Он же бандит!»— был ответ. «Какой бандит? Ты же и слова ему не сказал, не спросил ни о чем?»—«Нет, это был бандит!»

— Вот такие были беззакония! — заключил Галым Хакимович.

Немного раньше по Средней Азии прошла с огнем конница Буденного. Говорят, что рейд захватил и южные районы Казахстана. Истребляли и выжигали целыми селеньями. До сих пор нет оскорбительней жеста для узбекских стариков, чем показать руками закрученные вверх усы. Знали бы они афоризм Семена Михайловича, зафиксированный на картонке в одном из музеев (видел своими глазами): «Руби до седла, там само развалится». Впрочем, они-то как раз и знали, только вот не по музеям...

В июне 1930 года Голощекин признал, что в ряде мест коллективизация себя скомпрометировала, и потребуется длительный срок, чтобы поднять движение.

«Спрашивается, чья здесь вина? — задавался он вопросом на Седьмой партконференции.— Что линия партии, что директива ЦК были абсолютно правильными (разрядка моя — В. М.) и не могли дать повода к этим ошибкам — не подлежит никакому сомнению.

...Все практическое руководство крайкома, я уверен, что он абсолютно правильно проводил линию и директивы ЦК партии. Но вместе с тем мы не можем снять ответственности с крайкома за ошибки, которые сделали места».

Это называлось — логикой!

Интересно, что в начале доклада Филипп Исаевич говорил: «Разве не факт, что коллективизация в кочевых аулах не имела никаких предпосылок, абсолютно не была подготовлена нашими силами?» Будто бы к разрушению вековечного уклада жизни, к насилию можно подготовить...

* * *

Наша статистика издавна обладает чудесным свойством, полностью не утраченным и поныне: она замечает лишь то, что ей велено замечать. Середняк, по ее свидетельству, оказался «широко задетым», а насколько широко, можно судить «по цифрам исправления»: возвращено имущество 9533 середняцким хозяйствам, освобождены из ИТД 4073 середняка, восстановлены в избирательных правах 1618 человек, возвращено из ссылки 1160 середняков.

Но почему же до сих пор не дано нам узнать абсолютных цифр: сколько людей арестовали, сколько выслали, сколько расстреляли — ведь теперь-то известно, какие это были баи и кулаки и чего стоила сталинская законность? Впрочем, быть может, и нет уже этих данных, если они только были...

А. Турсунбаев в книге «Казахский аул в трех революциях» пишет, что в 1930 году кулацко-байские хозяйства были разделены на три категории: первые выселялись за пределы Казахстана, вторые — за пределы округа, третьи — за пределы района. В 1967 году, когда издавалась эта книга, как-то не хотели вспоминать о том, что, например, кулаков (баев), отнесенных к первой категории, или к контрреволюционному активу, согласно инструкции ЦИК и СНК СССР от 4 февраля 1930 года надлежало немедленно изолировать или расстрелять, а семьи выселить в отдаленные районы. Существовал, так сказать, всесоюзный план — занести в первую категорию раскулачиваемых 60 тысяч хозяйств. По тому же плану около 150 тысяч хозяйств «богатых кулаков», входящих во вторую категорию, надлежало выслать в отдаленные места за пределы края. И, наконец, к третьей категории инструкция относила 800 тысяч менее мощных хозяйств, владельцев которых с семьями предлагалось переселять за пределы колхозов. О подкулачниках, зажиточных в плане раскулачивания 1 миллиона семей — еще не говорилось: эти новые категории классовых врагов появились в результате живого творчества обобществителей.

Планы на то и даются, чтобы их перевыполнять. «Уже в 1930 году было арестовано, расстреляно или выселено в северные районы страны гораздо больше кулаков, чем «планировалось»,— пишет историк Р. Медведев («Знамя», 1989, № 1).— В 1931 году репрессии проводили еще более широко... По всей вероятности, общее число «раскулаченных»— около 1 миллиона семей, не менее половины кото-

рых было выселено в северные и восточные районы страны»

Этот автор известен осторожностью в оценках, потому и цифры, приведенные им, по всей вероятности, минимальные.

Продолжим цитату.

«Во многих областях и районах удары властей обрушились и на «маломощных» середняков, бедняков и даже батраков, которые отказывались по разным причинам вступать в колхозы,— их для удобства репрессий зачисляли в «подкулачники».

Жестокая директива о выселении всей семьи экспроприированного кулака была связана в первую очередь с тем, что государство в 1930—1931 годах не располагало материальными и финансовыми ресурсами для помощи создаваемым колхозам. Поэтому и решено было передавать колхозам практически все имущество кулацких хозяйств. Уже к маю 1930 года у половины колхозов кулацкое имущество составляло 34 процента неделимых фондов. Таким образом, форсирование коллективизации толкало к максимально жестоким методам раскулачивания. В холодных, нетопленых вагонах сотни тысяч мужиков, женщин, стариков и детей отправляли на Восток, в отдаленные районы Урала, Казахстана, Сибири. Тысячи их гибли в пути от голода, холода, болезней. Старый член партии Э. М. Ландау встретил в 1930 году в Сибири один из таких этапов. Зимой, в сильный мороз, большую группу кулаков с семьями везли на подводах 300 километров в глубь области. Дети плакали от голода. Один из мужиков не выдержал крика младенца, сосущего пустую грудь матери. Выхватил ребенка из рук жены и разбил ему голову о дерево...

Немало бывших кулаков и членов их семей погибло в первые годы жизни в малонаселенных районах Урала, Сибири, Казахстана и северо-востока европейской части СССР, где были созданы тысячи «кулацких» спецпоселений. Положение ссыльных изменилось только в 1942 году, когда молодежь из спецпоселений стали призывать в армию. К концу войны комендатуры здесь ликвидировали и жители бывших спецпоселений получили относительную свободу передвижения».

В точности неизвестно, что натворил Голощекин в Казахстане, но даже по «цифрам исправления» можно предположить, что репрессированы были десятки тысяч человек. На Седьмой конференции Филипп Исаевич наводил самокритику, что-де резолюцию от 17 декабря 1929 года о пол-

ном обобществлении лучше было бы не выносить, а то ее, видите ли, на местах поняли как директиву.

«В этой резолюции, вопреки и в противовес всей деятельности крайкома... мы забыли о всей многообразности нашего хозяйства, о разнице между деревней и аулом, об особенностях Казахстана.

Есть еще вина, вина, которая могла влиять на наше окружное руководство... в январе месяце была дана телеграфная директива:

«В связи этим встает задача немедленного проведения в жизнь всему Казахстану выселения кулачества мест жительства особенно округах сплошной коллективизации».

Эта директива через 3 или 4 дня была отменена, но головокружение все же было, было неправильное настроение ликвидировать кулака вне связи с коллективизацией... Здесь первоначальная ориентация крайкома была чуть ли не на 50—60 районов. Это тоже было отменено через 3-4 дня (потом было утверждено только 16 районов), но на окружное руководство эти ошибки могли некоторое время влиять».

Голощекин вновь и вновь пытался свалить всю вину в массовом «подведении середняка под кулака» на окружкомы и райкомы. Однако любопытная деталь: самое большое извращение линии партии в «практике» ликвидации кулака как класса Филипп Исаевич видит в «отнятии у кулацких хозяйств самого необходимого из одежды и домашней утвари и полном лишении продовольствия, что порождает сочувственное отношение к кулацким семьям и их детям со стороны середняков и даже бедняков, берущих их на прокормление».

Что-что, а это его по-настоящему раздражало! Еще бы, тут сочувствовали не абстрактным людям, а живым.

* * *

К тому времени, когда начался «великий перелом», три четверти казахского населения вело кочевое пастбищное скотоводческое хозяйство. Из 119 административных районов республики 9 было кочевых и 85 полукочевых. Плановый переход на оседлую жизнь только начался, шел медленно и с огромными трудностями, когда в декабре 1929 года на Пятом пленуме крайкома партии Голощекин настоял на совершенно диком решении — провести форсированное оседание кочевников на основе 100-процентной коллективизации их хозяйств. То есть, проще говоря, у

казахов обобществляли весь скот, сгоняли его в «точки оседания», и волей-неволей они должны были там жить. Спрашивается, где? Ничего, кроме голой земли, в этих «точках» не было, а между тем было велено строить «правильные поселки». Филипп Исаевич исходил из мысли, что кочевым колхоз быть не может; и, следовательно, чтобы не отставать в темпах коллективизации от «передовых» районов страны, надо немедленно обобществить весь скот. Поскольку ударные темпы ковались в самые студеные месяцы и кормов для скотины на новых «точках оседания» не имелось (кто же знал про это форсированное оседание, свалившееся как снег на голову), вскоре начался падеж скота.

Выше я говорил, что комиссия Совнаркома под руководством У. Исаева пришла к выводу, что поголовье в 1930 году уменьшилось на 30 процентов, или, в абсолютном исчислении,— на 10 миллионов голов скота. Однако на Шестом пленуме крайкома, который прошел в июле 1933 года и подвел итоги правления Голощекина, назывались и другие данные. Работник Госплана Нурмухамедов прямо сказал о «двойной» бухгалтерии Совнаркома: «При учете поголовья в 1930 году Наркомфин дал цифру 20 миллионов, а тов. Исаев утвердил — 30 миллионов... Эта поправка т. Исаева сыграла немалую роль в том катастрофическом положении, которое мы сейчас имеем». Значит, скота стало меньше наполовину! Даже войны не причиняли такой быстрой разрухи!..

Однако это обстоятельство нисколько не смутило Голощекина, делавшего доклад на Седьмой конференции в июне 1930 года.

«Чем это объясняется? Некоторые националисты говорят, что это вследствие политики крайкома; некоторые — как их назвать, не знаю —...

Голос с места: «Кулацкие запевалы!»

—...говорят: «Причина этому — ваш план хлебозаготовок». Это неверно уже потому, что сокращение стада общесоюзное явление...»

Разумеется, большую часть вины докладчик свалил на кулака и бая, которые-де землю уничтожить не могут, так сокращают посевы и хищнически режут скот. Впрочем, процентов 10—15 утраченного стада Голощекин отвел на счет «грубых искривлений и ошибок».

Почему-то в прежние времена, до сплошной коллективизации и форсированного оседания, кулаки, баи и середняки не набрасывались с ножом на собственную живность.

Сейчас иного быть не могло: в Казахстане, как и в других краях страны, шло великое переселение. Задолго до высылки «малых» народов, проведенной Сталиным в сороковых годах, цвет русского и украинского крестьянства — по существу, русский и украинский народ — ссылали в тундры и болота Севера и Сибири, в пустыни и степи Казахстана; казахов же, лучших в стране скотоводов, изгоняли за пределы родного края или перемещали за тысячи верст внутри своей огромной республики.

Перемещали, ссылали, переселяли... Какой-то темный смысл, отнюдь не только экономический и политический, таился во всем этом. Если *теперь* окинуть памятью нескончаемое множество больших и малых перемещений наций и народностей внутри нашей страны,— такое впечатление, будто целенаправленно и последовательно перетряхивали, перемешивали народы друг с другом, растирали в порошок и рассеивали по гиблым пустыням земли, только бы люди не жили своей естественной, природной жизнью — на своей родной земле, в родном селе, в родном доме, где и стены защита...

* * *

Лишь только был позволен свободный выход из колхозов, как за один месяц уровень коллективизации в Казахстане упал с 51 до 32 процентов; в некоторых районах и в Каркаралинском округе вообще не осталось колхозов.

Множество истинных скотоводов и хлеборобов были разорены и высланы на погибель, пролилась кровь сотен, если не тысяч, людей; от 10 до 20 миллионов голов скота в считанные месяцы пошло под нож и погибло от бескормицы и холода, а Голощекин уверял делегатов Седьмой конференции в «крупнейших успехах».

«Могут ли нас убаюкать и успокоить эти успехи? Ни в коем случае... Они еще недостаточны — с точки зрения задач социалистического строительства... они недостаточны с точки зрения поднятия благосостояния масс... Мы еще не подняли массы до такого социалистического сознания, о котором Ленин говорил, что там же «начинается коммуна».

И только одну опасность видел Филипп Исаевич — как бы на местах не испугались перегибов и, обжегшись на молоке, не стали бы дуть на воду, как бы не решили, что с баями и кулаками уже покончено. «С этой опасностью мы должны бороться... Нам предстоят еще бои».

В прениях по докладу Голощекина на Седьмой конференции довольно трезво выступал председатель Совнаркома Ураз Исаев. В животноводческих районах, сказал он, трудно встретить казаха, который представлял бы «преимущество» колхозов, и потому нельзя торопиться с коллективизацией. «Нужно, чтобы середняк, доведя свое стадо до 70—80—100 овец, не боялся, что попадет под рубрику баев, под ликвидацию».

Зато тов. Оперштейн (должность его осталась невыясненной) заявил, что «наши позиции в колхозном строительстве, которых мы достигли, нужно закрепить».

При закрытии конференции Голощекин вновь проявил «заботу» о жизненном уровне трудящихся:

«На сегодняшнее число у нас есть очень большая большевистская тревога — ...тревога людей, ответственных за благосостояние масс... У нас есть тревога, но нет паники» («Советская степь», 1930, 8 июня).

А потом разыгралось небольшое представление под условным названием «Пять лет большевистской работы»:

«Чествование тов. Голощекина

По окончании выборов... выступил тов. Исаев:

— Я выступаю по полномочию группы товарищей... Не подлежат никакому сомнению и оспариванию огромные заслуги тов. Голощекина как руководителя в деле большевизации нашей партийной организации (аплодисменты), в деле интернационального воспитания и выращивания действительно марксистских кадров.

...Отмечая заслуги тов. Голощекина, VII партконференция предлагает:

— к 10-летию Казахстана издать на русском и казахском языках все труды тов. Голощекина (аплодисменты);

— организующемуся в гор. Алма-Ате коммунистическому университету присвоить название «Казахский коммунистический университет имени т. Голощекина». (Аплодисменты.)»

Предложение принимается единогласно.

«Ответное слово тов. Голощекина

Товарищи, мы закончили нашу работу. Следовало бы... сосредоточить наше внимание на тех решениях, которые мы приняли. Но вы меня свели с пути истинного и заставляете говорить о тех приветствиях, которые вы сделали мне. ...Заслужены ли они?

Мы все являемся солдатами партии... и каждый из нас делает то, что ему велит партия...

От этих приветствий есть две опасности: первая... вам всем уже ясно, какие плохие вещи получаются от головокружений. А что, если ваше приветствие вскружит голову, и я вздумаю: вот какой вождь большой.

Голоса с места: «У вас не вскружится. Вы достойны этого!»

Вторая опасность: ...а что, если я останусь у вас еще 5 лет и вам придется терпеть? (Бурные аплодисменты.) Смотрите-ка, товарищи, чтобы вы потом меня не развенчали.

Каждый из нас делает то, что он может...»

XII

Накануне второй волны коллективизации взрослые дяди, заботливо думающие о детях, сочиняли лозунги к пионерским слетам, чтобы из юных граждан вырастало больше Павликов Морозовых, хороших и разных. Взрослая же газета («Советская степь», 7 июля 1930 года) всерьез печатала эти призывы:

— Вербуйте в отряд всех батрачат!
— Бай и кулак пионерам враг!
— С малых лет — мы за Совет!
— Чтобы из детей не росли хулиганы,
долой гниль с советского экрана!
— Мы себя не позволим сечь,
мы признаем лишь разумную речь;
— Вековое рабство, рухни —
вырвем мать из плена кухни;
— Скажи-ка, брат,
что ты сделал для батрачат?
— Поднимай урожай,
отца в колхоз вовлекай!
— В пионерской среде
нет места национальной вражде;
— Урожай поднять поможем, позабудем недород:
за колхозное богатство — пионерия, в поход!

... Прошло три года, Голощекина отозвали в Москву, на смену ему приехал Л. И. Мирзоян. Взрослые дяди собрались в Алма-Ате на Шестой пленум, говорили речи. О разрухе в деревне и ауле, о невиданном падеже скота. О голоде двухлетнем — молчали. О том, что почти все малые дети до четырех лет умерли от голода,— молчали. О том, что около половины казахов вымерло,— молчали. Не дозволено было об этом говорить. И вообще не до этого было.

Каялись, оправдывались, критиковали друг друга. Обещали больше никогда не наделать таких ошибок. Называли пленум — историческим.

Наконец один делегат не выдержал. Один-единственный. Он сказал: «Все говорим о сокращении поголовья скота... Но часто забываем об основном элементе производительных сил — о человеке. Население некоторых районов находится в очень тяжелом положении... Мы имеем в Казахстане до 80 000 беспризорных детей».

Вот так сказал. Как видно, хорошо чувствуя незаконность своей речи, крамолу, содержащуюся в ней. И потому, для весомости, даже назвал человека — основным элементом производительных сил. Сам по себе человек вроде бы ничто. А вот в качестве элемента производительных сил он еще что-то значит. Но, должно быть, сильно изболелась у выступающего душа, если он все-таки не смог не сказать о человеке, о детях. Как раз, наверное, о тех бродяжках говорил, коих еще недавно пичкали лозунгами к слетам.

Это был Нурмухамедов из Госплана.

Ему не аплодировали. Тему не поддержали. Молчали. Словно и не заметили его выступления. Молчали, пока не поднялся на трибуну Пинхасик, секретарь Уральского обкома (вскоре он был избран секретарем крайкома). Уроженец города Одессы, Гдалий Исакович Пинхасик в двадцать один год вступил в партию и тогда же, в 1918 году, стал прокурором Забайкальского трибунала, в 1919—1921 годах служил в ЧК города Омска и заместителем начальника ЧК Дальневосточной республики. Эти небольшие сведения необходимо сообщить, чтобы чуть-чуть понятнее стала личность человека, сурово отчитавшего Нурмухамедова:

«...Животноводство, говорит тов. Нурмухамедов, не главный вопрос. Главное, по Нурмухамедову, заключается в том, что в Казахстане имеется 80 тысяч беспризорников, что люди плохо выглядели, что у них лица такие, что на них страшно смотреть. Я думаю, что к такой медицинской точке зрения пленуму присоединиться нельзя. Мы политики и не можем стать на такую буржуазно-филантропическую точку зрения».

Никто на этом историческом пленуме не осек Гдалия Исаковича Пинхасика, дети которого, конечно же, не шлялись по улицам в поисках куска хлеба, а питались от пайков партраспределителя.

Наоборот, Нурмухамедов еще и извинялся:

«...Я допустил излишнюю детализацию, когда воспроизводил бедственное положение откочевников. Это дало повод товарищам сделать вывод, что я просто филантропически фотографирую положение. В этом отношении замечание т. Пинхасика я принимаю. Но заявляю, что делал и это с целью заострить внимание пленума на борьбе с последствиями откочевок...»

В 1922 году по стране бродило 7 миллионов беспризорных детей, или, как, наверное, определил бы другой политик — Николай Иванович Бухарин,— беспризорного человеческого материала. Большинство этих бездомных были дети крестьян. Сколько таких сирот оставила коллективизация в 30-х годах — никому не известно. А ведь она по своей разрушительной силе превосходила гражданскую войну и военный коммунизм...

Позже, уже после того, как место Голощекина занял Мирзоян, о беспризорных начали понемногу заботиться, даже соответствующую кампанию провели. 16 августа 1933 года «Казахстанская правда» напечатала об этом статью «Борьба с беспризорностью — дело всей советской общественности Казахстана». Автор, Вас. Шматков, считал это явление «в значительной степени» обязанным ошибкам и перегибам, сотворенным бывшим руководством и местными партийно-советскими органами.

«Период стихийного нарастания уличной детской беспризорности миновал, беспризорность сейчас... приняла стабильный характер, сейчас главная задача — укрепить детские дома, окончательно и полностью ликвидировать уличную беспризорность».

То есть сначала ликвидировали отцов и матерей — пулей или же голодной смертью, а потом принялись ликвидировать детскую беспризорность. Только вот ликвидировать сиротство уже было невозможно.

Журналист продолжает:

«Нужно подобрать остатки скитающихся ребят с улиц, со станций, на базарах и с других мест».

Детские дома, замечал он, в отвратительном состоянии, перегружены. Даже в столице республики. В детприемнике, располагавшемся в Малой Станице, в крупном Каскеленском детгородке «парша, нет уборных, нет умывальников, дети не моются, спят вповалку на полу... Во многих домах нет печей, крыш, потолки неисправны, нет топлива и целого ряда других вещей, а дело к зиме...»

Наверное, среди обитателей этих детских домов, среди

уличных беспризорных были и те, которые еще недавно слышали на пионерских слетах:

— Чтобы Казахстан был передовой страной,
борись за оседание и колхозный строй!

* * *

Вернемся опять несколько назад — в 30-й год.

Взрослые дяди не только пионеров призывали бороться, но и сами боролись.

Еще и полгода не минуло после опустошительной первой волны коллективизации, как из Москвы пришла новая директива, и Голощекин обратился ко всем райкомам зерновых районов со статьей «Встретим призывом в колхозы 11-й год края!»

Теперь он обвинял в уклонениях от сдачи «хлебных излишков» уже не частников, а колхозы. И требовал «немедленно, со всей беспощадностью выбить кулака и бая из колхоза».

«Коллективизация оказалась в забвении, тогда как работа над колхозным строительством не может быть отложена ни на один день...

Слабая работа по коллективизации и даже полное бездействие является результатом якобы «боязни» перегибов, и этим оправдываются самотечные настроения.

Такая «трусливость» не присуща большевику... это — самый злостный оппортунизм»[1].

7 ноября республиканская газета призывала:

— Уничтожим кулачество как класс!

— Развернем знамя сплошной коллективизации!

А 17 ноября восклицала:

— Пришла колхозная пора. Новой волне навстречу организуем встречный призыв!

Посевы сократились, урожайность упала, хлеба не хватало, а заготовители продолжали требовать «излишки».

8 ноября: «**Классовый враг с партбилетом**

Аулие-Ата. (Наш корр.) Член ВКП(б) Сагиндык Рустембеков на заседании совета группы бедноты аула № 55 сказал: у нас хлеба нет, мы не можем выполнить план хлебозаготовок. Руководимые Рустембековым женщины избили трех уполномоченных... Таких коммунистов, как Рустембеков, нужно гнать из партии.

Солтыбай».

---

[1] «Советская степь», 1930, 23 августа.

12 ноября Голощекин выступал на краевой комсомольской конференции:

«Выкорчевывание родовых, полуфеодальных и патриархальных отношений, ликвидация байства как класса, на основе сплошной коллективизации, вот что выведет нас на окончательный и широкий путь расцвета и вытравит воспоминания о проклятом прошлом казахского аула».

Уже забыты были недавние слова о том, что «в ряде мест» коллективизация себя скомпрометировала и потребуется большой срок, чтобы поднять движение. То было лишь тактическим отступлением перед новым, массовым, еще более жестоким загоном в колхозы. Теперь уже говорилось только о сплошной коллективизации, и ретивым исполнителям заранее развязывались руки.

— Темпы решают все! — провозгласил Голощекин, и весь директивно-пропагандистский аппарат стал изо дня в день повторять этот лозунг и проводить его в жизнь.

Воодушевленные делегаты, учитывая заслуги Голощекина в «большевизации партийных органов Казахстана», избрали его «почетным комсомольцем», вручили значок и дважды пропели «Интернационал»[1].

13 ноября крайком принял решение — немедленно создать перелом в колхозном движении.

«Советская степь» тем временем разоблачала «вредителей сельского хозяйства Казахстана»: агрономов Донича, Сириуса и покойного профессора Швецова. Будто бы они проводили «со своим вредительским усердием» установки вождей «кондратьевщины».

Особенной ругани удостоились одобрительные высказывания ученых о кочевом хозяйствовании:

«Современное казахское хозяйство до такой степени приспособлено к окружающей природе, так полно отвечает ей, что должно быть признано наиболее продуктивным при данных условиях...

Кочевой быт, характеризующий большую часть Казахстана, сохранился... не потому, что сам казах и казахское хозяйство... еще не доросли... до культурного уровня оседлого населения... Казах — скотовод и кочевник потому, что иным он не может быть при окружающих его условиях, от него требует этого окружающая природа».

Эти глубокие мысли о единстве всякого истинно народного способа хозяйствования с окружающей средой были

---

[1] «Советская степь», 1930, 19 ноября.

абсолютно неприемлемы для политиков, которые как раз-таки и намеревались разрушить природное — сложившийся жизненный уклад — и в экономике, и в духовной сфере, и в быту.

Автор статьи, Е. Федоров, обвинил агрономов в защите интересов байства («Советская степь», 1930, 24—29 ноября). «По Швецову (Федоров назвал его — «профессором вредительства»— В. М.) выходило, что уничтожение кочевого быта в Казахстане знаменовало бы собой не только гибель степного скотоводства, но и превращение сухих степей в безлюдные пустыни»,— возмущался он.

Мысли Донича о постепенности развития среднего казахского хозяйства до производственного уровня и естественном росте — от малых к крупным — артельных форм труда автор статьи назвал «откровенно великодержавно-шовинистическими установками в борьбе против нацполитики ВКП(б)».

А ведь к тому времени должны были бы уже убедиться, что колхозы-гиганты и коммуны, созданные насильственным образом, приносят хозяйству один вред.

Новая волна коллективизации неудержимо накатывалась на Казахстан, готовая снести все уцелевшее. Турар Рыскулов сделал попытку смягчить или отвести ее удар. В статье «Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах» («Советская степь», 1930, 24 декабря) он писал, что Казахстан по размерам и населенности, характеру хозяйства напоминает Аргентину — мирового поставщика мяса, и что производство можно и необходимо развивать именно в этом направлении. «Для этого нужна помощь кочевым районам, где содержится три четверти стада. Нам нужно брать пример не только с Дании, Германии (стойловое содержание), но и с Аргентины, Австралии и степных районов Северной Америки... где для скота используются в максимальной степени естественные пастбищные ресурсы».

Предложения Рыскулова, конечно, уже запоздали — животноводство было наполовину разрушено. К тому же кто бы стал прислушиваться к этим советам, когда всю страну, независимо от условий и особенностей, перекраивали на один тип хозяйствования.

Редакция газеты сопроводила статью комментарием, разъяснив читателям ошибки автора. Самым весомым доводом была формула казарменной экономики, ранее выраженная Сталиным: при разрешении животноводческой проблемы «нам нужно двигаться тем же путем, которым шли в

области разрешения зерновой проблемы». Рыскулова уличили: «сломить сопротивление байства — у автора все это выпало»; «реконструкция народного хозяйства не ограничивается у нас перестройкой его технической базы, а, наоборот, требует «перестройки социально-экономических отношений (Сталин)».

В главных житницах страны, опустошенных первой волной коллективизации, уже начинался голод, в городах тоже пришлось подтянуть ремешки, а повсюду продолжали бороться с кулачеством. Все газеты публиковали статью Максима Горького «Если враг не сдается — его уничтожают»:

«Внутри страны против нас хитрейшие враги организуют пищевой голод, кулаки терроризируют крестьян-активистов убийствами, поджогами и различными подлостями...» Пищевой голод в стране, оказывается, возник не от разрухи, устроенной коллективизаторами, — его организовали 48 снабженцев, разумеется, бывших еще по совместительству агентами империализма.

В очередной статье «Гуманистам», распространенной по всем изданиям, Горький писал:

«Организаторы пищевого голода, возбудив справедливый гнев трудового народа, против которого они составили свой подлый заговор, были казнены по единодушному требованию рабочих. Я считаю эту казнь вполне законной...»

Трудно узнать в этих прокурорских оборотах Горького. И тем не менее это он.

19 декабря 1930 года «Советская степь» вышла с крупными заголовками на первой полосе:

— Да здравствует обнаженный меч пролетарской диктатуры!

— ОГПУ прошло 13 боевых лет.

— Трудящиеся Казахстана требуют наградить ОГПУ орденом Ленина...

* * *

Как и раньше, в год «великого перелома», крайком усиленно принялся нагнетать темпы коллективизации. Процент вновь высчитывали по месяцам и гнали вверх, как столбик термометра. Хозяйство уже горело, как в лихорадке, а Голощекину и его подручным показатели все казались маленькими.

— Темпы решают все!

— Темпы коллективизации совершенно недостаточны!

— Выше колхозную волну!

Такими были заголовки начала 1931 года.

К июню Казахстан был коллективизирован на 55 процентов — больше, чем в первую перехлестную волну. Но перегибов уже не боялись. Газета, как и год назад, радостно рапортовала:

«Казахская республика по темпам коллективизации идет наравне с передовыми братскими республиками» (6 июня). А там, в передовых, людей косил голод.

Вскоре коллективизацией занялся и вновь прибывший секретарь крайкома Михаил Иванович Кахиани. По-видимому, это был не менее крупный специалист по селу, чем Л. Рошаль. 17 июня «Советская степь» напечатала его речь на Втором краевом колхозном съезде.

Кахиани, всю сознательную жизнь работавший партийным функционером, объяснил, что животноводство — важная отрасль в деле снабжения рабочего класса продуктами питания и повышения его реальной заработной платы. Однако эту реальную заработную плату мешают повышать вредители. Что же делать?

«В области животноводства здесь, в Казахстане... можно достигнуть больших успехов. На ХУI съезде партии тов. Яковлев[1] приводил примеры, как можно достичь большего эффекта в молочном деле. Если давать корове одну порцию кормов, то получите известный удой, а если вы увеличите корма на 30 процентов, то получите удвоенный удой. А если увеличить количество кормов на 60—65 процентов, то получите утроенное количество молока.

Вот вам простой пример того, как надо работать нам в области животноводства. Можно и должно добиться того, чтобы у нас было и больше мяса, и больше молока, и больше шерсти, и кожи.

То же самое нужно сказать и о развитии овцеводства и свиноводства (если, конечно, мы не будем со свиньями поступать по-свински).

Мы можем достичь в отношении развития этих отраслей весьма крупных успехов. И надо в ближайшие один-два года разрешить эту проблему».

Вот такими советами снабжали заморенных делегатов-колхозников товарищи Яковлев и Кахиани.

Демьян Бедный, или, как назвал его однажды Есенин, «Ефим Лакеевич Придворов», взбадривал артельщиков стишками, которые распространялись в то время по всем

---

[1] Яковлев (Эпштейн) Яков Аркадьевич, в 1929—1934 годах нарком земледелия СССР, председатель «Колхозцентра».

газетам. Очередной его шедевр назывался «За большевистский сенокос»:

Мы ударной работой удвоим запас
кормовых наших баз.
Ну а если мы нашу скотинку
совхозную,
и свою животинку
колхозную,
не исключая и единоличной,
обеспечим обильно кормежкой отличной...
Значит, будет республика с мясом,
значит, масла попробуем и молока,
значит, будет упруга, сильна и крепка
рабоче-крестьянская мускулатура...
(«Советская степь», 1931, 15 июля).

Председатель Совнаркома У. Исаев с тревогой замечал, что в последние два года идет «неостанавливающееся сокращение поголовья скота», но, конечно, делал из этого вывод, что путь успешного развития животноводства один — это коллективизация.

Стадо сократилось скорее всего наполовину, до 20 миллионов голов скота, но Совнарком скрывал правду, показывал в отчетах, что осталось 30 миллионов голов, и поставки мяса высчитывали, исходя из этой цифры. Непосильные задания с повышенной скоростью завершали разрушение хозяйств скотоводов.

Голощекин, естественно, знавший это, настаивал, чтобы план был выполнен любой ценой.

«Мы должны... самым жестким и твердым образом (и я заверяю, крайком умел и умеет это делать), повернуть организацию к тому, чтобы задача животноводства была бы решена так же, как и зерновая»,— говорил он 16 августа 1931 года на Третьей алма-атинской городской конференции.

Работник Наркомснаба Торегожин осмелился возражать ему: предрек, что если так пойдет и дальше, в республике останется в 1932 году... 275 тысяч голов скота.

Каких только ярлыков не навесили на Торегожина! Клеветник... оппортунист... противник социализма и индустриализации... хныкальщик... националист...

Заготовители изымали все, что только было возможно изъять. В Тургае уполномоченные работали под лозунгом: «Перегибов не делать, парнокопытных не оставлять». Когда кто-нибудь пытался протестовать против беззако-

ний, его живо арестовывали или припугивали тюрьмой. И поясняли: «При социализме не будет ни одного неосужденного человека»[1].

В районах, где хлеб отродясь не сеяли, людей заставляли за бесценок отдавать свой скот в обмен на зерно, и хлеб тут же отбирали. Лозунг был такой: «Откуда хочешь найди, дно мешка вытряхни».

Февральский пленум крайкома в 1931 году нацелил уполномоченных на обобществление всего «товаропродуктивного стада». Пленум указал, что в этом деле нельзя прикрываться «особенностями аула». Тургайские активисты руководствовались четкой установкой: «Весь скот обобществить, не оставляя ни одного паршивого козленка в индивидуальном пользовании».

Не просто грабили до нитки, но и воспитывали при этом: «В целях изжития мелкособственнической психологии колхозника передать скот одного колхоза другим колхозам другого административного аула».

Во многих местах сдатчикам скота выдавали вместо денег квитанции, а потом эти бумажки признавались недействительными.

Кроме всего прочего, устраивались всякие поборы с рядовых колхозников: на автомобиль для какого-нибудь районного начальника, на строительство домов для руководства и т. д.

Хозяйство рушилось, казахи сотнями тысяч откочевывали, бежали подальше от колхозов куда только можно и нельзя. По данным Госплана, в 1930 году откочевало 121,2 тысячи человек, а в 1931 году — уже 1 миллион 74 тысячи человек. Такого еще не бывало. А партаппаратчики продолжали проводить линию и хвастаться «успехами».

В октябре 1931 года второй секретарь крайкома Измухан Курамысов говорил:

«...Вдвойне непонятны, вдвойне непростительны хныканье, мягкотелость отдельных наших коммунистов, даже активистов, что с Казахстаном неладно, якобы есть элементы какой-то деградации, якобы будущее Казахстана неясно и т. д. Это пустая болтовня досужего человека...

Конечно, уменьшение поголовья скота есть, но виноват — бай. ...Иногда и середняк под агитацией баев и

---

[1] См. Шестой пленум Казкрайкома ВКП(б). 1933 г. Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936, стр. 145.

кулаков поддается панике и тоже растранжиривает свой скот».

Курамысов заключил свой доклад весьма торжественными словами:

«Мы, коммунисты-националы, можем и должны гордиться тем, что были участниками великого исторического процесса, были одним из винтиков нового строительства, нового пьедестала, на который нам удалось поднять трудящихся казахов. Мы были участниками выкорчевывания, преодоления всех кошмарных наследий царизма. И пусть себе плачут разные алашординцы... Пусть они бьют себя в грудь и говорят: «Я люблю казахов». Пусть результаты существования Советского Казахстана и сами трудящиеся казахи скажут, кто больше сделал для Казахстана и казахов» («Советская степь», 1931, 3 октября).

К концу 1931 года в республике было коллективизировано 65 процентов хозяйств. Начались холода. Для согнанного в кучу скота помещений не было. Коровы, овцы, лошади, свиньи дохли от голода и холода.

Одно непонятно, чего больше было в этом организованном развале — головотяпства или издевательства над здравым смыслом и людьми.

...Меркенский мясосовхоз «загнали» в горы, на высоту двух с половиной тысяч метров, где прежде пасли скот лишь в короткие летние месяцы. Зимой на этом плато бушевали бураны и выпадали полутораметровые снега.

Народ разместили в нескольких холодных тесных домиках, в бараках-полуземлянках и строениях из дерна, насквозь продуваемых ветрами. Для половины согнанного скота места под крышей не нашлось. Да и тот скот, что был вроде бы пристроен, мерз в щелястых помещениях, сбивался в кучу, затаптывал слабых животных. Однажды за ночь 28 голов скота оказались «замятыми». В прошлую зиму в этом совхозе и близлежащих колхозах пало множество скота, зима 1931—1932 годов оказалась еще страшней.

Переход на оседлость был не только не подготовлен никоим образом, но и проводился в спешном порядке, будто мобилизация на войну. Основное количество хозяйств, по плану, должно было «осесть» в 1931 и 1932 году. Пленум крайкома, состоявшийся в феврале 1931 года, потребовал, чтобы при проведении оседания колхозные поселки создавались из бедняков и середняков различных родов. На практике это вылилось в переселение казахов внутри своего огромного по территории края.

Колхоз, по требованию руководящих инстанций, должен был быть непременно к р у п н ы м и объединять несколько родов. Естественно, каждый род старался устроиться на новое жилье поближе к своим местам, отсюда и споры, и неурядицы, и обиды.

В Баянаульском районе, щедротами природы не обделенном, народ загнали на солончаки и на голые камни. Ни питьевой воды, ни кормов для скота, ни кошар. Не успели кочевники слезть с верблюдов, как уполномоченные уже отрапортовали о крупной победе на фронте оседания. Активист Арапов из колхоза «Жана шаруа» писал в газету, адресуя свое послание прокурору республики:

«Дайте воды! Вода вся вышла. Земля — голые камни... Копали колодцы глубиной в девять метров, воды нет...»

Этот колхоз четырежды перебрасывали с одной точки оседания на другую — то же самое творилось повсюду...

* * *

Черный смерч разрухи уже вовсю свирепствовал в степи, грозя опустошением и смертью, а Голощекину если что и внушало тревогу, то лишь невыполнение того или иного планового показателя, спущенного центром. Его высказывания той поры отличаются еще большим, чем прежде, цинизмом.

Осенью 1930 года Молотов запросил его о причине массовых откочевок из Западного Казахстана.

— Желание баев, и только!— не мудрствуя, ответил Филипп Исаевич.

В 1931 году, когда сотни тысяч казахов вынуждены были бежать от надвигающейся гибели, Голощекин нагло и спокойно лгал в лицо всей республике:

«Казах, который никогда не выезжал из своего аула, не знал путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работы, на хозяйственное строительство в Приволжье и Сибирь. Конечно, этот переход изменяет хозяйство, изменяет быт, разрушает старый быт, рушится старое хозяйство. Не без уронов. Одни — националисты — видят в этом исключительно мрачную сторону, разрушение хозяйства, другие —«левые» фразеры — видят в этом одну контрреволюцию... В основном идет перестройка быта» («Советская степь», 1931, 1 сентября).

На собрании в Казахском коммунистическом университете он заявил:

«Оппортунисты — вольные или невольные агенты классового врага — говорят: мы, мол, разоряем хозяйство. Стоит присмотреться к любому колхозу, хозяйству колхозника и сравнить не только с дореволюционной эпохой, но и с тем, каким оно было 2—3 года назад, чтобы понять всю вздорность и вредительство этих высказываний. Надо помнить, что нет расслоения деревни; в то время, когда в прошлом эксплуатация помещика, кулака, капиталиста действительно миллионы людей ввергала в нищету, обрекала на голод, закабаляла,— сейчас этого нет и не может быть» («Советская степь», 1931, 30 сентября).

Миллион казахов бежали со своей родной земли, пути откочевщиков были устланы трупами, а Голощекин пошучивал на алма-атинском партактиве:

«В недородных районах неурожай породил урожай оппортунизма... (Смех.) Люди подвергались панике, начали составлять архиоппортунистические хлебофуражные балансы.

...Есть ли основания к панике? Никаких.

На основе механизации и коллективизации мы окончательно вывели наше сельское хозяйство и крестьянство из положения безысходности голода...» («Советская степь», 1931, 27 ноября).

Хлеба уже не было. Все выгребли. Не выдержали даже партийные работники.

Секретарь Мендыгаринского райкома Старателев назвал план крайкома необдуманным, нереальным. Ему приказали: безоговорочно сдать хлеб. Старателев ответил: «Ну что ж, раз так, то я возьму «до квашни», разую и раздену все колхозы, и они разбегутся».

Секретарь Убаганского райкома Изварин ответил крайкому: «План хлебозаготовок мы сможем выполнить, но не хлебом, а карасями и дудаками».

Член Карабалыкского райкома Шумейко сказал: «Экономика района окончательно подорвана непосильными планами. Колхозники, а также бедняки и середняки не имеют перспективы своего существования. ...Мы оттолкнули от себя колхозников, они от нас уходят».

Голощекин исключил их из партии, Изварина отдал под суд.

Вторая волна коллективизации завершилась; в 1931 году поголовье скота в Казахстане уменьшилось еще на 10 миллионов.

Начинался невиданный за всю историю края голод.

XIII

С начала 1932 года, если не раньше, в крайком, КазЦИК, Совнарком пошли письма, докладные, телеграммы о голоде.

Телеграмма из Уштобе (февраль 1932 года):

«Голодовкой охвачены все аулы района. Распались три аула возле Балхаша. В остальных шести административных аулах было 4417 хозяйств, осталось 2260, из которых голодают 63 процента. Остальное население остронуждающееся. Голодовка началась в первых числах декабря 1931 г. Всего умерло, по неточным данным, не менее 600 человек. Голодающие питаются падалью коней, отбросами бойни...»

Телеграмма из Иргиза (1932 год):

«Алма-Ата Крайком Голощекину Счет выполнения плана хлебозаготовок заготовлено триста центнеров путем удержания хлеба подлежащего отовариванию тчк Учитывая продовольственные затруднения района зпт голод частично выявленных 2203 хозяйствах зпт просим дать указания возврата заготовленного хлеба счет отоваривания скотосдатчиков райком Поктаров».

Сводка КазПП ОГПУ от 4 августа 1932 года:

«По имеющимся данным, в Атбасарском районе продзатруднения принимают крайне острые формы. На почве голода наблюдаются массовые случаи опухания и смерти. С 1 апреля по 25 июля зарегистрировано 111 случаев смерти, из них в июле месяце 43».

В записке Совнаркома республики указывалось, что голодают не только откочевщики, но и «...около 100 тысяч хозяйств казахов кочевых районов, находящихся еще на местах. Среди казахского населения наблюдаются массовые заболевания и смертность».

Из докладной инструктора оргтдела КазЦИКа Замайлова от 5 сентября 1932 года:

«...Прикочевавшее в окрестности Балхашстроя из ближних районов казахское население, не занятое на производстве, чрезвычайно нуждается в продовольственной помощи. На почве продовольственных затруднений тысячи человек страдают эпидемическими заболеваниями (тиф, цинга, дизентерия), медицинской, а также продовольственной помощи им не оказывается. Между тем вопрос об оказании продовольственной помощи нуждающемуся прикочевавшему населению требует немедленного разрешения.

В Бертысе я был очевидцем того факта, что трупы

умерших от голода и эпидемических болезней валяются на площади и не убираются в течение 3—5 дней».

«Молния Алма-Ата КазЦИКу. Бшикарагайского района Бауковском аулсовете начинают люди здыхать с голоду сообщаем для сведения аулсовет».

В тексте так и написано — з д ы х а т ь... Сообщали для сведения, помощи не просили. Не надеялись...

* * *

Газета «Советская степь», 11 января 1932 года. Из доклада секретаря крайкома Кахиани на собрании алма-атинского партактива:

«В сельском хозяйстве мы имеем еще более разительные успехи».

15 мая 1932 года. Из речи Голощекина на совещании краевого актива «О коллективизации в казахском ауле»:

«Во-первых, опыт трех лет показывает, что в коллективизации казахский аул приобрел лучшую форму своей хозяйственной организации, которая в наибольшей степени и быстрыми темпами поднимает благосостояние аульной трудящейся массы...

Во-вторых, несмотря на то, что в казахском ауле имелось и имеется налицо наибольшее нарушение ленинских принципов в области колхозного движения: значительное административное принуждение, механический подход без учета особенностей, перескакивание через незавершенную форму, погоня за дутыми цифрами, а, стало быть, в известном проценте налицо и формальная коллективизация,— все же остается доказанным тот факт, что основная бедняцко-середняцкая масса казаула широкой волной добровольно повернула к социализму...

В подтверждение можно привести состояние коллективизации в казахском ауле на 1 апреля —73,9 процента бедняцко-середняцких хозяйств в крае...»

Из той же речи Голощекина:

«Какие мы имеем сдвиги и достижения,— поскольку в связи с состоянием животноводства и некоторым откочеванием населения распространяются клеветнические утверждения о разорении казахского аула? Анализ показывает, мы имеем крупнейшие сдвиги в сторону экономического и культурного подъема казахской массы в сторону социалистического строительства».

Заключительные слова этой пространной речи:

«...и большевистскими темпами построим социалистический казахский аул».

«Казахстанская правда», 22 мая 1932 года. Приветственная телеграмма т. Голощекину и Казкрайкому ВКП(б):

«Верному проводнику генеральной линии партии, под чьим руководством недавняя колония царизма — Казахстан — из отсталого района превращается в крупный промышленный и сельскохозяйственный центр СССР... Чимкентская горпартконференция шлет пламенный большевистский привет.

Да здравствует крайком ВКП(б) и его руководитель старший (так в тексте.— В. М.) большевик-ленинец товарищ Голощекин».

«Казахстанская правда», 17 июня 1932 года: «Японские крестьяне голодают. На нужде арендаторов наживаются кулаки-землевладельцы...»

В июне 1932 года Курамысов докладывал о посевной на алма-атинской партконференции:

«В Талды-Кургане додумались до обобществления пирамидальных тополей, растущих вокруг хат. И кое-где повырубили. Пришла одна красноармейка и заявила: половину тополей у нее истребили...»

Потом он сказал о газетной заметке, описывающей, как членам колхоза запрещали сеять огороды, а сельсовет слал записки: немедленно сдайте курицу, корову. И прокомментировал заметку: «Это было везде!»

Голощекин: «А он (показывает) даже все пасеки обобществил».

Курамысов: «Ведь это додуматься надо!»

20 октября 1932 года Голощекин выступает на собрании актива в Алма-Ате. К тому времени было уже принято решение ЦК ВКП(б) о животноводстве в Казахстане, точнее сказать, о том, что осталось от животноводства. Филиппа Исаевича, разумеется, отнюдь не смущало, что хозяйство разрушено:

«...ЦК одобряет линию крайкома в области перестройки казахского аула! (Бурные аплодисменты.)

...Чтобы понять, почему ЦК одобряет эту нашу линию, надо исходить не только из теоретических установок, но из того, что именно эта линия, это руководство крайкома дало в практике огромные достижения.

...Наибольшие положительные результаты мы имеем в области земледелия. Несмотря на неурожайность в течение трех лет... посевная площадь выросла...

Но мы имеем и большие недочеты в качественном росте парторганизации, имеем значительные прорывы в хозяйстве, имеем продовольственные затруднения и экономические затруднения некоторой части казахского аула.

Мы этого не скрываем... Но некоторые люди, правые оппортунисты, великодержавные шовинисты и особенно националисты, эти совы, видящие только ночью, эти агенты классового врага подбирают отдельные отрицательные явления против нашей генеральной линии... для борьбы против крайкома. Они влияют на некоторую часть наших рядов... ведя антипартийную, антисоветскую агитацию...

А бывшие вожди, которые в свое время боролись против ленинской линии в национальном вопросе, которые вели ожесточенную борьбу против крайкома еще с 1925 года, разместились вне Казахстана (Москва, Ташкент) и безнаказанно ведут свою разрушительную работу. Они изображают из себя народолюбцев, либеральных дворян, которые за чаем, а иногда за водкой вздыхают о судьбе своего народа, ловят неопытных, неустойчивых студентов, отдельных товарищей, приезжающих из Казахстана, разлагают их, агитируют против крайкома, против нашей линии.

...Поэтому, продолжая идти по испытанному пути побед, подкрепленные постановлением ЦК от 17 сентября, мы должны в первую очередь побороть великодержавничество, национализм в наших рядах, должны побороть примиренчество, это обывательское болото, которое пособничает и содействует вредительской работе шовинистов и националистов». (Возгласы: «Правильно!» Аплодисменты.)

Голощекин заканчивал речь:

«Крайком партии, твердо проводя генеральную линию, ...добился крупных успехов в развитии Казахстана. (Бурные аплодисменты.)

...Под руководством великого вождя, первого лучшего ленинца тов. Сталина будем шагать от победы к победе. (Бурные, долго не смолкающие аплодисменты, переходящие в овацию. Раздаются возгласы: «Да здравствует лучший ленинец т. Голощекин!», «Ура!» Шумные, продолжительные аплодисменты)».

28 октября 1932 года «Казахстанская правда» писала:

«Крупнейшие успехи в области социалистического переустройства казахского аула, достигнутые под руководством крайкома во главе с тов. Голощекиным... являются фактом огромного исторического значения».

* * *

Живодерский цинизм речений отличал всю партийную верхушку, проводившую коллективизацию.

8 июля 1932 года в Киеве выступал на Всеукраинской конференции Молотов. Он говорил об огромной победе колхозов и назвал Украину одним из ярких примеров достигнутых успехов, «идущей в первых рядах социалистической переделки сельского хозяйства».

Каганович заверил, что украинская парторганизация под руководством товарища Сталина сумеет двинуться еще дальше вперед —«к новым величайшим историческим победам».

Звучали бурные аплодисменты.

На Украине в это время умирали с голоду миллионы людей... (По последним данным, там погибло от голода около 7 миллионов человек.)

Цинизм поступков партийной верхушки превосходил и речения.

«Несмотря на страшный голод, Сталин настаивал на продолжении экспорта хлеба в страны Европы. Если из урожая 1928 года было вывезено за границу менее 1 миллиона центнеров зерна, то в 1929 году —13 миллионов центнеров, в 1930 году —48,3 миллиона, в 1931 году — 51,8 миллиона, в 1932 году —18,1 миллиона центнеров. Даже в самом голодном 1933 году в Западную Европу было вывезено около 10 миллионов центнеров зерна. При этом советский хлеб продавался в условиях экономического кризиса в странах Европы фактически за бесценок. А между тем и половины вывезенного в 1932—1933 годах за границу зерна хватило бы, чтобы уберечь все южные районы от голода.

А в Западной Европе со спокойной совестью ели советский хлеб, отнятый у голодающих и умирающих от голода крестьян. Все слухи о голоде в России решительно опровергались. Даже Бернард Шоу, который как раз в начале 30-х годов совершил ознакомительную поездку в СССР, писал, что слухи о голоде в России являются выдумкой, и он убедился, что Россия никогда раньше не снабжалась так хорошо продовольствием, как в то время, когда он там побывал.

До сих пор никто не знает, сколько людей умерло от голода в 1932—1933 годах. Многие исследователи сходятся на 5 миллионах. Другие называют 8 миллионов, и они, вероятно, ближе к истине. Погибло больше, чем в 1921

году и чем в Китае во время страшного голода 1877—1878 годов...» («Знамя», 1989, № 2, с. 176).

* * *

В пик голодухи, в 1933 году, Сталин выдвинул лозунг: сделать всех колхозников зажиточными.

Через два года он объявил колхозникам, что:

— Жить стало лучше, жить стало веселее...

Народ добавил пару строк:

— Шея стала тоньше, но зато длиннее.

* * *

Не молчала и Муза...

М. Светлов:

Пение птиц и солнечный звон,
И шелест мокрых акаций.
Солнце вовсю освещает район
Сплошной коллективизации.
Пшеница бушует
На тысячи га
От Днепропетровска
До Кременчуга...

Э. Багрицкий:

Оглянешься — а кругом враги,
Руки протянешь — нет друзей;
Но если он (век) скажет: «Солги!»— солги.
Но если он скажет: «Убей!»— убей.

(1930)

Он же:

По оврагам и по скатам
Коган волком рыщет,
Залезает носом в хаты,
Которые чище.
Глянет влево, глянет вправо,
Засопит сердито:
«Выгребай-ка из канавы
Спрятанное жито!»
Ну а кто поднимет бучу —
Не шуми, братишка:
Усом в мусорную кучу,

Расстрелять, и крышка.
Чернозем потек болотом
От крови и пота...

Или еще — о классовых врагах:

Их нежные кости сосала грязь,
Над ними захлопывались рвы.
И подпись под приговором вилась
Струей из простреленной головы.

В. Луговской:

За сорванную посевную
и сломанные его труды
Совсем небольшая плата —
затылок Иган-Берды.

(1932)

Б. Корнилов:

Как молния, грянула высшая мера,
клюют по пистонам литые курки,
и шлет председатель из револьвера
за каплею каплю с левой руки...
И это не красное слово, не поза —
и дремлют до времени капли свинца,
идет до конца председатель колхоза,
по нашей планете идет до конца.

(1932)

Д. Кедрин:

Потерт сыромятный его тулуп,
Ушастая шапка его, как склеп;
Он вытер слюну с шепелявых губ
И шепотом попросил на хлеб.
...Тогда я почуял, что это — враг,
Навел на него в упор очки,
Поймал его взгляд и увидел, как
Хитро шевельнулись его зрачки.
...И если, по грошику наскоблив,
Он выживет, этот рыжий лис,—
Рокочущий поезд моей земли
Придет с опозданием в социализм.
Я холодно опустил в карман
Зажатую горсточку серебра
И в льющийся меж фонарей туман
Направился, не сотворив добра.

(1933)

Кедрину вполне мог встретиться на московской улице не рыжий «кулачина», а, скажем, черноволосый «бай».

Председатель постпредства Казахстана Токтабаев сообщал 2 февраля 1933 года:

«Севлес» в ряде районов Казахстана завербовал колхозников и батраков... Прибывшие на место работ казахи-рабочие оказались в исключительно трудных условиях, им не было предоставлено жилья, они не получали продовольствия наравне с другими рабочими...

Ввиду этого в Москву ежедневно стекаются десятки казахов-рабочих, батраков и колхозников... Не имея средств, они голодают, валяются на вокзалах, не могут добраться до своего места жительства».

Наверное, эти бедолаги тоже были вынуждены просить на хлеб. Кто наводил на них в упор очки, не подавая милостыни, кто подозревал в нехорошем желании — выжить?..

* * *

Казахстанские историки Б. Тулепбаев и В. Осипов пишут о той поре:

«Особенно тяжелым было положение детей. Сироты умирали от голода десятками тысяч...

Голодали не только в аулах, но и в деревнях, кишлаках, поселках и городах Казахстана. В Актюбинске, к примеру, от истощения и дизентерии весной и летом 1932 г. погибли: в мае —175 человек, в июне —208, июле —320, августе —450. И это в городе, который едва ли насчитывал в ту пору 15—20 тыс. жителей.

Страдали от голода и рабочие казахстанских новостроек, что выражалось в чрезвычайной «текучести» кадров. Например, на шахтах Караганды из 37 772 работавших в 1932 г. «сменилось» 33 865 человек. Особенно туго приходилось «спецпереселенцам». В 1933 г. их насчитывалось здесь 7545».

По данным Ж. Абылхожина и М. Татимова, в Казахстан к 1931 году было выслано около 45 тысяч семей. Но, возможно; и это неполные цифры: «спецпоселков» насчитывалось десятки, если не сотни.

Бывшие спецпереселенцы, а нынче шахтеры-ветераны, десятки лет отработавшие под землей, заслужившие и почет и ордена, но не заслужившие, чтобы с них официально сняли ярлык «кулака», вспоминают...

Григорию Кузьмичу Герасимову 84-й год. Он родом

из городка Инсар Пензенской области. Раскулачивали в 1931 году. А что у них было в хозяйстве на восемь душ? Корова, две лошади, около гектара земли. Выслали в Осакаровку, выгрузили в голой степи. Зимой 1932 года жена и полуторагодовалый сын умерли от голода. «А мне и похоронить не пришлось...»

75-летний Василий Дмитриевич Зацепин из Оренбургской области. В его семье тоже было восемь душ. Хозяйство — пара лошадей, пара быков и две коровы. Весной 1930 года всю семью выгнали из родного дома. «Отобрали зимнюю одежду, даже гармошку отобрали». Выслали поначалу в степь, за сотню верст от села, а весной следующего года отправили в Караганду. «Ну а что пришлось пережить здесь в земляных ямах да в земляных же дерновых бараках, в теснотище страшной, в голоде и холоде,— судите сами: отца, четырех братьев и сестренки лишился. Из восьми остались мать да я...»

Жена Зацепина — Анастасия Платоновна — из Саратовской области. В 1932 году потеряла на карагандинской земле мать, на следующий год умерла от голода сестра. «Мама наша надорвалась при подъеме сырой глины на крышу. Побежала я в комендатуру, чтобы как-то помогли похоронить маму. Подбегаю: дверь закрыта, а в двери малюсенькое окошечко. Я в него заглянула, а там раздетых до пояса мужиков плетями бьют, а кричать не велят. Ну, я бегом от комендатуры. Бегу на кладбище. А там дяденька-железнодорожник могилу копает для умершей своей жены. Я к нему: «Дяденька, положите и мою маму в могилу...»—«Что ж не положить... Только ты, дочка, помоги мне». И принялась я прямо руками землю из могилы выбрасывать. А там галька, да острая такая...»

Яков Михайлович Лутовинов — уроженец села Быково Воронежской области. Десятилетним мальчишкой попал весной 1931 года в Осакаровку. Пешком шли к месту на берегу Ишима строить 9-й спецпереселенческий поселок. Зимой на строительстве железной дороги погиб 16-летний брат Алексей. Похоронили его, подобно многим, прямо под железнодорожной насыпью. В поселке начался тиф. Ежеутренне квартальные обходили бараки, выкрикивали: «Живые! А мертвые среди вас есть?»

«Целыми семьями умирали. А трупы зимой штабелями складывали и снегом до весны присыпали, потому как сил не было у людей долбить мерзлую землю...

А вши на нас кишмя кишели... Если бы не врач Кох, ни одного человека тогда не выжило бы...»[1].

* * *

«Тебе, лучшему соратнику тов. Сталина, шлем большевистский привет»,— обращались в июле 1933 года делегаты Шестого пленума Казкрайкома к тов. Кагановичу.

Бывшему координатору коллективизации скоро стукнет 96 лет. Столько потрудился, столько людей досрочно отправил на тот свет, а ничего, выдюжил, не надорвался. Долгожитель!

Не так давно довелось мне слышать весьма сочувственный про него рассказец. Будто бы чудачить стал на старости лет Лазарь Моисеевич. Выйдет на улицу, сядет на скамеечку с кульком и давай раздавать прохожим детям конфетки. Сидит, пока все не раздаст. Блаженно улыбается.

«Постарел, постарел Лазарь Моисеевич!..»— с теплотой произнес рассказчик, видно, представляя в воображении эту трогательную картинку.

«За успехи в развитии сельского хозяйства Л. М. Каганович награжден орденом Ленина» (БСЭ, изд. 2, 1953, т. 19).

И еще один рассказ недавно услышал.

В 1937 году судили руководителей Каркаралинского округа. Среди обвиняемых был Мансур Гатауллин (в числе других он в 1932 году написал в крайком известное «письмо пяти»— о перегибах в коллективизации, вызвавших массовый голод).

Гатауллину предоставили последнее слово. Он показал рукой на своих товарищей, сидящих на скамье подсудимых:

— Это не враги народа. Враг я. Меня и судите. Одного. Но я тоже не враг народа, а враг врагов народа. А стал я этим врагом в 1932 году, когда приехал по командировке в Кент[2].

...Выхожу из машины — никого и ничего вокруг, одна длинная база для скота стоит. Открываю дверь, а там трупы. Все огромное помещение — в штабелях трупов.

---

[1] «Индустриальная Караганда», 1988, 8 мая.

[2] Кентский район расположен близ Каркаралинска.

У некоторых людей глаза еще открыты, но видно: с минуты на минуту умрут.

Я вышел обратно. А на улице крики. Безумные растрепанные женщины с ножами набросились на шофера, пытаются его зарезать. Я выстрелил в воздух, они разбежались.

Пригляделся, а неподалеку очаг, большой казан на огне. Варится что-то. Приоткрыл крышку — а там, в булькающей воде, то ножка мелькнет, то ручка, то детская пятка...

Вот тогда я и стал врагом врагов народа...

XIV

В три года коллективизации Голощекин сделал с Казахстаном примерно то же, что Пол Пот с Кампучией.

Если бы не четырехлетняя предварительная работа, у него бы это не вышло. Но ко времени «великого перелома» он уже владел положением. «Большевизация» партийных рядов позволила устранить всех политических противников и заменить самостоятельно мыслящих «националов» послушными и подобострастными исполнителями. Духовный цвет нации— писатели-просветители — погибал в лагерях; выдающийся национальный поэт Шакарим был расстрелян. Над верующими надругались (в июне 1930 года Голощекин с издевательским лицемерием говорил: «Как иначе назвать, как не провокацией, большой шквал административного закрытия церквей и мечетей?» Но, конечно, ни одного храма народу не вернул). Кампания по «советизации аула» стала, по существу, искусственным разжиганием «классовой борьбы» — иначе говоря, стравливанием людей.

Все было подготовлено для того, чтобы сокрушить казахский народ...

И словно невероятной силы смерч промчался по степи. Казахи, которые даже приветствуют друг друга при встрече словами: «Здоров ли скот?», почти полностью лишились скота, а вместе с ним и своей жизненной основы.

В 1929 году в хозяйствах было 40 миллионов голов — в 1933 году осталось 4 миллиона (а вполне возможно, что и того меньше). Причем в главных животноводческих районах, где прежде было сосредоточено почти все стадо, осталось, по официальным данным, всего 300—400 тысяч голов скота. Но будто бы не известно, насколько «правдива» эта статистика и в какую сторону она изменяет показатели!..

Из крупнейшего в стране поставщика мяса, шерсти, кож

Казахстан превратился в край, который сам себя не мог прокормить.

Голощекин зажимал всякую мало-мальскую критику и беспощадно карал немногочисленных ослушников. На Шестом пленуме крайкома (июль 1933 года) впервые после долгих лет молчания его кадры заговорили (несколько писем о катастрофическом положении в республике, направленные в ЦК ВКП(б) Т. Рыскуловым, У. Исаевым еще при Голощекине в 1932 году, оставались, по сути, никому не известными).

Но как заговорили? О человеческих жертвах своего политиканства — молчали. Можно ли скрывать друг от друга то, что больше трети — почти половина — казахов вымерли от голода — у себя ли на родине или в изнурительных, отчаянных откочевках, устланных костями людей и животных? Судя по стенографическому отчету этого «исторического» пленума, оказывается, можно.

Основной доклад на Шестом пленуме делал Ураз Исаев. В самом конце он сказал:

«У нас прошли два трудных года, некоторые поголодали, кое-кого в семье потеряли, ушли со своих насиженных мест...»[1].

Честнее был Нурмухамедов из Госплана:

«Если вы спросите любого из нас, то мы не сможем назвать вам ни одной твердой цифры: сколько у нас людей, сколько скота, даже сколько посева».

Точных данных не было. Но красноречивее всего были примеры.

«Мой родной брат, 12 лет батрак, имел 1 корову, хлеба никогда не сеял, был обложен в 1930 году 5 пудами хлеба. Чтобы выплатить этот хлеб, продал корову и кое-что из домашней утвари... Таких случаев было очень много» (Нурмухамедов).

Аулие-Атинский район «был когда-то цветущим». В 1929 году имел 500 тысяч голов скота, в 1933 осталось 7 тысяч.

В апреле 1932 года при организации Карагандинской области население было коллективизировано на 99 процентов. Ни у кого из колхозников не было в собственном распоряжении ни овечки.

В Восточно-Казахстанской области к 1933 году осталось 15 процентов скота от поголовья, имевшегося в 1926 году.

---

[1] Здесь и далее — см. Шестой пленум Казкрайкома ВКП(б). Стенографический отчет. Алма-Ата, 1936.

От стада в миллион голов, имевшегося в Кегенском районе, к концу коллективизации не сохранилось почти ничего.

«Гражданин Сарыбаев (Сарысуйский район) имел 4 души, 2 верблюда, 5 овец — получил на сдачу 80 овец и 4 коров. (смех)».

У железнодорожников Турксиба обобществляли скот, а затем передавали его мясозаготовителям. На станции Тюлькубас у работников отобрали всю домашнюю живность.

В Чубартауском районе в 1930 году было 473 тысячи голов скота, в 1933 году осталось 783 головы.

Из 330 тысяч голов скота к 1933 году в Павлодарском районе уцелело 30 тысяч. «В конце января 1932 года я увидел катастрофическое положение в аулах. Дал две телеграммы т. Голощекину: дело тяжелое, нужна помощь. Ответ: «Вы занимаетесь вопросами откочевок, а семфонды собирать не хотите?» (Розыбакиев).

В Кзыл-Ординском районе проводили (как и везде) форсированное оседание. Людей загоняли в такие «точки», где не было условий ни для развития земледелия, ни для животноводства. Летом там попросту нельзя было жить.

Чуйский район: народ, живший в радиусе 150 километров, стянули в одно место. Докладная: «В 1932 г. за три дня до посевной и во время посевной началось оседание. В место Джайсан (совершенно голое — никаких построек) ...стягивали людей. Согнали в аулы подводы, а вместе с ними прислали милиционеров, которые выгоняли людей из юрт, усаживали на подводы и везли. Через четыре месяца все поголовно разбежались (половина ушла в соседнюю Киргизию)».

Жана-Аркинский, Кургальджинский и другие районы были «передовыми» в хлебозаготовках — в то самое время, когда сами «переживали большие продовольственные затруднения».

Тургайский район имел в 1931 году 100 тысяч голов скота, в 1933 — не больше 4 тысяч.

«Я написал несколько докладных записок в 1930 и 1931 годах Исаеву и Голощекину о положении с коневодством. ...Не стали даже выслушивать. Голощекин сказал, что он лучше меня знает обо всем этом» (Шелыхманов, казкрайвоенком).

Что ж, Филипп Исаевич утверждал, что переход от кочевья к оседлости невозможен без жертв и считал необходимым условием этого сокращение поголовья скота.

С важным видом произносил заведомые нелепости. Как же, теоретик! Безобразия тоже нуждаются в обосновании. И Голощекин формулировал, что главное, дескать, не количество скота, а продуктивность — «чтобы каждая голова дала больше мяса, больше жиров и шерсти». Он говорил это в то время, когда скот еженедельно падал от истощения десятками тысяч.

К 1933 году в некоторых колхозах оставалось по 4 — 5 лошадей. Живого тягла почти не оставалось. На посевной взяли в ярмо последних коров. Готовили к жатве серпы и косы. Кое-где взрослых в аулах и деревнях не было, и работать приходилось подросткам.

«Чувство хозяина», которое теперь, спустя шестьдесят лет, безуспешно или с весьма небольшим толком прививают, тогда-то и отшибли у хлеборобов и скотоводов. У многих — вместе с жизнью.

Старик, агростароста колхоза «Гигант», непонятным образом уцелевший в этом смерче, написал прошение (его зачитали на Шестом пленуме в 1933 году):

«Я сочувствую севу, сочувствую прополочной кампании и паровой кампании, а партия этому тоже сочувствует, поэтому прошу меня записать в сочувствующие партии».

Выпрашивал возможность работать на земле...

Попутно на пленуме раздавались и другие речи.

Тов. Крист (уполкомзаг СНК, то есть уполномоченный комитета заготовок) заявил:

«Когда мы начинали применять репрессии в прошлом году? Уже в конце кампании — хлеб к этому времени уже уходил (отсюда и недостаточность массовых репрессий).

Отличие новой хлебозаготовительной кампании...— при строгом сочетании организационно-массовой работы с законными методами государственного принуждения мы будем применять штрафы за невыполнение заданий по истечении первого же месяца хлебозаготовок».

Уже и отбирать-то было нечего, и народу в аулах и деревнях почти не осталось, а этот деятель все думал, как лучше штрафовать и когда лучше проводить «законные» репрессии.

В 1933 году народ еще голодал сильнейшим образом: продпомощи не хватало. Это колхозники, а «частники», те и вовсе пропадали. Матери пытались принести домой хоть горсть зерна, но по закону о «пяти колосках» за это отдавали под суд, а порой даже приговаривали к расстрелу — под шумные аплодисменты зала.

Один из делегатов пленума, Тулепов, говорил:

«В коммуне «Красный Восток» Энбекши-Казахского района коммунары поймали на полях единоличницу Есютину, которая срезала колосья. Женщину предали судебным органам. Но милиция ее освободила. Есютина дочь кулака, муж ее и братья расстреляны за участие в бандах. Мы имеем явного классового врага, который... на деле подрывает наше колхозное производство... Мы не наносим достаточно решительного удара классовому врагу».

О Голощекине, отбывшем полгода назад в Москву на новое место службы, говорили осторожно, с опаской.

«Мы слишком доверились авторитету тов. Голощекина... Тулепов на каждом заседании бюро восхвалял тов. Голощекина, говорил о его безукоризненном марксизме-ленинизме и т. д.» (Яндульский).

«Как же можно было выступать против авторитета Голощекина?» (Беккер).

Разумеется, не забывали и о самокритике.

«Было бы смешно думать, что мы не знали, что животноводческое хозяйство идет вниз, что оно движется с катастрофической быстротой. Это мы знали, но у нас, как у меня, так и у других товарищей из руководства, не хватило большого мужества поднять голос и указать на это... Боязнь ярлычков» (Дж. Садвокасов, член бюро крайкома).

Измухан Курамысов и в покаянии повеселил публику:

«Я заслуживаю больше упреков (чем Исаев), ибо моя роль была специфической ролью популяризатора линии старого руководства. Больше всех, активнее всех, чаще всех и неправильнее всех именно я ставил эти вопросы (смех)».

Пленум признал, что главными причинами разрухи были не «вредители», не «классовые враги», а «ошибки и извращения» политики партии (подразумевалось, что политика партии ни в коем случае не может быть неверной).

Славили ЦК ВКП(б), который своим решением от 17 сентября 1932 года «решительно исправил неверную политику крайкома и наметил правильный путь развития животноводства».

ЦК «решительно исправил» почему-то лишь тогда, когда скот был почти полностью уничтожен, а народ повымер да поразбежался. Каганович, олицетворяющий ЦК в специальной комиссии по Казахстану, решил, что теперь колхозникам зерновых районов можно держать по 2—3 коровы, 10—20 баранов, 10—20 свиней и поросят, а в

скотоводческих районах — до 100 овец, 8—10 коров, 3—5 верблюдов, 8—10 табунных лошадей. Почему же раньше-то не дозволили это, когда и люди были живы, и скот цел?!

Комментарий к стенографическому отчету Шестого пленума написан в духе времени. Особенно в заключительной его части. Вновь говорится о гигантских успехах, о том, что последствия перегибов полностью ликвидированы, что сотни тысяч бывших откочевщиков теперь хозяйственно устроены и об откочевках остались лишь тяжелые воспоминания. И что животноводство Казахстана уже «невиданными темпами идет на подъем».

Снова обманывали сами себя громкими фразами...

* * *

Мекемтас Мурзахметов вспоминал:

— ...Весной 1933 года семенное зерно не доверяли сеять людям. Они бы просто-напросто съели его. Я помню, как в тот год над полями летали самолеты — с них засевали хлеб. В том месте, где самолет разворачивался и зерна падали за межу, как куры, копошились в земле голодающие. Множество людей...

* * *

Вернемся несколько назад.

В декабре 1929 года комиссия ЦК ВКП(б) готовила решение о коллективизации. Многие члены ЦК тогда возражали против высоких темпов обобществления. Сталин резко раскритиковал проект решения. Он потребовал ускорения темпов колхозного строительства, потребовал исключить указания о степени обобществления скота и инвентаря и т. д. «В окончательном варианте постановления были значительно сокращены сроки коллективизации для Северного Кавказа и Средней Волги, исключены установки о порядке обобществления средств производства, скота, о сохранении у крестьян мелкого скота, инвентаря, птицы. Были исключены также положения о методах ликвидации кулачества и об использовании кулаков в колхозах, если они будут подчиняться и добровольно выполнять все обязанности членов колхозов. Постановление ориентировало закончить коллективизацию в основных зерновых районах к осени 1930 года или к весне 1931 года, а в остальных районах — к осени 1931 года или к весне 1932 года» (Р. Медведев. «О Сталине и сталинизме», «Знамя», 1989, № 1, с. 205).

Единственным, кто «перелевачил» Сталина, был член комиссии Политбюро по вопросам сплошной коллективизации зам. председателя СНК РСФСР Турар Рыскулов.

Приведу выдержку из январского номера журнала «Вопросы истории КПСС» за 1964 год:

«3 января 1930 года заместитель председателя Совнаркома, член комиссии Т. Р. Рыскулов направил в Политбюро записку с поправками к проекту постановления о темпах коллективизации. Рыскулов предлагал, во-первых, усилить темп коллективизации в районах технических культур и скотоводства; во-вторых, исключить из проекта постановления начало третьего пункта, где говорилось, что в районах сплошной коллективизации основную массу членов колхозов будут составлять середняцкие слои (это мотивировалось тем, что такая формулировка дает неправильную классовую ориентировку, поскольку, по мнению Рыскулова, доминирующую роль в колхозах будут играть не середняки, а бедняки и маломощные середняки, а так как они стоят за полное обобществление, то должны диктовать свою волю середняцкой массе); в-третьих, исключить из проекта комиссии положение, в котором говорилось, что при вступлении в колхоз крестьянину разрешается сохранить мелкий скот, мелкий инвентарь и корову, а вместо этого дать «категорическое указание» об обобществлении «вне всяких ограничений»; в-четвертых, увеличить процент отчисления в неделимый фонд до размеров, приближающихся к 50 процентам всей суммы обобществленных средств колхозников, и исключить из проекта положение, согласно которому за колхозниками сохраняется право выхода из колхоза.

Поправки Рыскулова отодвигали принцип добровольности на второй план и клали в основу организации коллективных хозяйств давление на крестьянские массы. В своей записке Рыскулов подчеркивал, что комиссия хочет «революционный характер колхоза подменить сугубой добровольностью». По существу, поправки Рыскулова шли в том же направлении, что и первоначальные замечания Сталина, и имели своей целью форсировать искусственными мерами объективный процесс перехода крестьянских масс на путь коллективизации.

Одновременно с реализацией поправок Сталина и Рыскулова из проекта было исключено положение, запрещавшее партийным органам и исполкомам объявлять районы со слабым колхозным движением районами сплошной коллективизации... При окончательном редактировании

проекта постановления из него было исключено еще одно важное положение — о роли Советов в колхозном строительстве».

Через два дня, 5 января 1930 года, постановление было принято.

Неужели Рыскулов не понимал, какие чудовищные вихри насылает он, вместе со Сталиным и другими, на страну, неужели не сознавал, что этот ураган в одночасье долетит и до казахских степей? Хотел показаться «больше коммунистом, чем казахом», когда предлагал усилить темпы коллективизации в районах скотоводства?

Что заставило его, хорошо знавшего условия жизни кочевников, пойти на этот поступок? (Вспомним, что еще четыре года назад, в январе 1926, Рыскулов писал в «Советской степи»: «Кто установил и на каком основании, что казахский народ должен перейти и перейдет в оседлое земледельческое состояние? Тенденция развития в эту сторону будет, но завершится в далеком будущем...»)

Думаю, не обошлось здесь без давления Сталина, как известно, разгневанного «нерешительными» предложениями авторов первоначального проекта. Не потому ли поправки Рыскулова появились сразу же вслед за замечаниями Сталина и «шли в том же направлении»? Кстати, и непосредственный начальник Рыскулова Председатель СНК РСФСР С. И. Сырцов (устроивший в 1919 году массовое истребление донских казаков по приказу, как явствует из некоторых публикаций, непосредственно Я. М. Свердлова[1]) тоже требовал «усилить колхозное движение» в районах животноводства. Не исключено, что Сырцов, выполняя указания вождя, и вынудил Рыскулова подать записку в Политбюро. Не случайно уже через два(!) дня постановление о коллективизации было принято — в жесткой сталинской редакции, открывающей дорогу невиданному насилию и произволу.

...Рыскулов глубоко переживал свой поступок (по свидетельству его покойной жены Азизы Тубековны). Вслед за Северным Кавказом, Украиной, Поволжьем, Уралом страшные бедствия обрушились и на Казахстан. В конце 1930 года Рыскулов пытался каким-то образом смягчить удар, нанесенный землякам первой волной коллективизации, напечатав в «Советской степи» статью «Внимание скотоводству в кочевых и полукочевых районах». Однако его робкая попытка поправить положение уже ничего не

---

[1] См. статью Е. Лосева в журн. «Москва», 1989, № 2.

решала и к тому же была резко раскритикована в комментарии, сопровождавшем публикацию...

Позднее Рыскулов трижды писал Сталину — дважды в конце 1932-го и весной 1933 года, пытаясь облегчить гибельную мощь разрушения.

Последнее письмо, написанное 9 марта 1933 года, самое подробное. В печати до сего времени воспроизводились лишь небольшие выдержки из него. Наиболее сильное впечатление производят первые страницы...

«Москва, Кремль, ЦК ВКП(б)
т. Сталину.
Копия: сельхозотдел ЦК ВКП(б) т. Кагановичу, СНК СССР т. Молотову

Откочевки казахов из одного района в другой, из пределов Казахстана, начавшиеся в конце 1931 года, с возрастанием к весне и возвращением части откочевников (благодаря принятым мерам) летом 1932 года, вновь теперь усиливаются. Смертность на почве голода и эпидемий в ряде казахских районов и среди откочевников принимает сейчас такие размеры, что нужно срочное вмешательство центральных органов. Такого положения, которое создалось сейчас в Казахстане в отношении определенной части казахского населения, ни в каком другом крае или республике нет. Откочевники разносят с собой эпидемии в соседние края и по линии Ташкентской, Сибирской и Златоустинской железной дороги. Частичные мероприятия, намечаемые в советском порядке (в частности, по линии СНК РСФСР), не разрешают вопроса. Помощь, оказанная своевременно постановлением ЦК отпуском продовольствия, в значительной части не достигла цели... Ввиду большого значения этого вопроса прошу Вас ознакомиться с этой запиской и вмешаться в это дело и тем спасти жизнь многих людей, обреченных на голодную смерть.

По последним приблизительным данным, полученным с мест прикочевавших в соседние с Казахстаном края, имеется сейчас казахов: в Средней Волге — 40 тысяч человек, Киргизии — 100 тысяч, в Западной Сибири — 50 тысяч, Каракалпакии — 20 тысяч, Средней Азии — 30 тысяч человек. Откочевники попали даже в такие отдаленные места, как Калмыкия, Таджикистан, Северный край и др. Часть населения во главе с баями откочевала в Западный Китай. Подобное явление откочевок казахов происходит впервые в Казахстане. Это не просто кочевание, которое обычно происходит летом на небольшое расстояние и при наличии скота, а в значительной части бегство голодных

людей в поисках пропитания. Откочевки по отдельным районам доходят до 40—50 процентов всего количества населения районов. Большинство откочевников не устроено на работу и переживают тяжелое положение, а устроившихся в предприятиях, совхозах и МТС казрабочих начали сейчас сокращать, причем общее сокращение по этим предприятиям часто целиком проводится за счет казахов, если таковые там работают (в частности, несколькими десятками сейчас казахи стали прибывать на московские вокзалы с лесных и иных работ, где их сократили). Самый процесс откочевок сопровождается ослаблением оставшегося на месте колхоза, расхищением оставшегося имущества откочевников и распродажей юрт (часто единственного жилья), расходованием и падежом скота, у кого есть, в пути и распродажей остатков имущества.

Но самым отрицательным результатом этих откочевок и расшатывания казахских хозяйств является голод и эпидемии среди казахов, они теперь вновь принимают угрожающие размеры. В прошлую весну в казахских районах среди откочевников наблюдалась большая смертность на почве голода и эпидемий. Это явление вновь усиливается сейчас, с приближением весны. Вот ряд фактов, взятых из материалов с мест и относящихся к последнему времени. Приехавшие от нескольких краев представители для участия в рабочих комиссиях СНК РСФСР сообщают следующие факты: т. Илларионов (от Средне-Волжского крайисполкома) говорит, что в Соль-Илецком и Орском районах среди откочевников умирает ежедневно 5—10 человек, т. Алагызов (от Западно-Сибирского исполкома) сообщает, что по одним станциям Сибирской ж. д. скопилось 10 тысяч казахов, среди которых много больных эпидемическими заболеваниями и значительная смертность; на кирпичном заводе Севстройпути работало 84 казахских рабочих, потом их уволили, 14 человек умерло с голоду, за что привлечены к ответственности виновники; т. Турганбаев (зам. председателя Киргизского ЦИКа) сообщает, что в г. Фрунзе и окрестностях до 10 тысяч казахов (о чем писал в ЦК ВКП(б) и Киробком) и ежедневно умирают 15—20 человек (особенно дети).

Не лучше обстоит дело с кочеванием внутри самого Казахстана. По многим городам: Аулие-Ата, Чимкент, Семипалатинск, Кзыл-Орда и др. (и станциям ж. д.) ежедневно вывозят трупы умерших казахов. В Чуйском районе (по сообщению уполномоченного тов. Джандосова), в райцентре селе Ново-Троицком ежедневно умирает 10—12

человек казахов, и 50 процентов коммунистов также ушло из района. В Сары-Суйском районе из имевшихся 7000 хозяйств осталось только 500, а остальные откочевали в Аулие-Атинский и др. районы и часть даже попала в Киргизию. В ноябре на большое расстояние двинулось несколько сот казахов из этого района с семьями. По дороге часть населения погибла. На вторую пятидневку января подобрали 24 трупа. По дороге напали на них вооруженные бандиты. Женщины бросали детей в воду. В г. Аулие-Ата 5—6 января по чайханам подобрали замерзших трупов 20 детей, а в это же время умерло 84 человека взрослых. В постановлении Актюбинского обкома от 16 октября 1932 года указывается, что на ж. д. станции Джусалы из прибывших до 300—400 семейств возвращенцев-откочевников до 150 казахов (в том числе 21 человек от натуральной оспы благодаря неоказанию помощи) умерло, и имело место на станции избиение казахов. В указанном постановлении констатируется, что районные организации «проявили безразлично-безучастное отношение к массовой смерти казахов». Событие произошло еще в конце июля месяца, а постановление обкома состоялось в октябре месяце. В докладе московского отряда Красного Креста, работающего сейчас в Актюбинской области, сообщается, что казахи в таких районах, как Тургайский, охвачены голодом и эпидемией. Голодные питаются отбросами, поедают корешки диких растений, мелких грызунов. Собаки и кошки этой группы съедены полностью, и кучи мусора вокруг их шалашей полны вываренных костей собак и мелких грызунов... Передают о случаях трупоедства. В этом же сообщении отряда указывается, что в одном районном центре Тургая, где 2500 человек населения, болело оспой 728 человек, при высокой смертности. В то время когда по центру района работало 12 оспопрививателей, в аулах района с населением 25 тысяч человек работало всего 2 оспопрививателя. Актюбинский областной центр не знал об эпидемии оспы в Тургайском районе. А Казахский наркомздрав вовсе не охватывает учетом такие районы, вследствие чего получается, что на то же время по краю числилось заболевших оспой 2400 человек.

По данным местных органов, в Тургайском и Батпаккаринском районах вымерло 20—30 процентов населения и большая часть остального населения откочевала. В Челкарском районе в ряде аулсоветов вымерло 30—35 процентов населения. В целом по Актюбинской области (куда относятся эти районы) председатель облисполкома тов.

Иванов сообщил в докладе на областном съезде Советов (июль 1932 года), что в области в 1930 г. было населения 1 012 500 человек, а в 1932 г. осталось 725 000 человек, или 71 процент. По свидетельству председателя Кзыл-Ординского райисполкома, в этом районе по большинству аулсоветов осталось 15—20 процентов населения. В Балхашском районе (по данным местного ОГПУ) было населения 60 тысяч, откочевало 12 тысяч человек, умерло 36 тысяч человек и осталось 12 тысяч человек казахов. В Каратальском районе в прошлую зиму во время насильственного переселения на оседание трех казахских аулов в другое место погибла половина населения. В том же районе (по свидетельству местного ОГПУ) на декабрь и десять дней января 1933 года умерло 569 человек от голода, подобрано за это же время на станции Уштобе, площадке Караталстроя и рисосовхозе больше 300 трупов. В Чубартавском районе в 1931 г. было 5300 хозяйств, а на 1 января 1933 г. осталось 1941 хозяйство. В Каркаралинском районе в мае 1932 г. было 50 400 человек, а к ноябрю месяцу осталось 15 900 человек, и в райцентре ежедневно умирало 15—20 человек (из сведений крайисполкома). В Караганде в прошлую весну умерло около 1 500 человек казахов, среди них — рабочие казахи от голода и эпидемий. В г. Сергиополе (Турксиб) за январь месяц умерло около 300 человек казахов. Все вышеприведенные данные взяты из официальных источников.

Таких примеров с большим или меньшим размером убыли казахского населения можно встретить и по ряду других казахских районов. Особенно значительна убыль среди детского населения. Многие откочевники бросают детей на произвол судьбы. Прибывшие в другие края откочевники мало приносят с собой детей. Массы беспризорных детей скапливаются по городам и станциям ж. д. в Казахстане. Казашки приносят и бросают детей перед учреждениями и домами. Казахские органы еще в конце 1932 года официально сообщали о неустроенных 50 тысячах казахских беспризорных детей. Существующие детдома в Казахстане переуплотнены и немало смертности среди детей. Так, например, в Семипалатинском районе при обследовании комиссии обнаружено было в одном детдоме в подвале разложившихся 20 трупов детей-казахов, которых вовремя не убрали из-за отсутствия транспорта. Вот выдержка из доклада того же актюбинского отряда Красного Креста о казахских детях в Тургае: «В самом жутком состоянии находятся дети. Детское население в возрасте

до 4-х лет вымерло поголовно, если осталось без родителей. В детдомах и т. д. приходилось видеть детей, начиная с 4-х лет, более молодой возраст только при родителях, да и то крайне истощены. Население детдомов поголовно охвачено поносами. Обычно в детдоме с населением 100—150 человек умирает 1-2, а то и 3 ребенка, число которых немедленно пополняется за счет новых поступлений. Детдомовскому населению грозит полное вымирание. Из Караганды в декабре и начале января (то есть в самый холод) перебросили обратно в районы (откуда бежит население) 1100 беспризорных детей в порядке чистки (которая проводилась в отношении взрослых). В Кзыл-Орде в январе скопилось до 450 беспризорных детей. С одной станции Аягуз было собрано 300 детей, и там же одна казашка бросила двух своих детей под поезд, а в г. Семипалатинске казашка двух детей также бросила в прорубь».

Как помогают казахские органы возвратившимся откочевникам и голодающим? Проведя прошлым летом кампанию возвращения откочевников, казахское правительство, однако, не сумело устроить большинство этих возвращенцев, часть которых, перенеся разные лишения, опять откочевала в соседние края, а последние, надеясь, что казахские органы заберут казахов обратно, также приняли мало мер к устройству казахов у себя. Следствием пассивного отношения руководящих казахских органов к этому вопросу явилось еще более бездушное и бюрократичное отношение в районах... Решением ЦК ВКП/б/ от 17 сентября 1932 года был отпущен один миллион пудов хлеба для продпомощи голодающим казахам. Из разрешенных (в счет 1 млн. пудов) центром в IV квартале и в I квартале текущего года 600 тысяч пудов и остатка с 1932 года —280 тысяч пудов хлеба казахские органы разнарядили 783 158 пудов, попало населению лишь 111 066 пудов, или 15 процентов (и то, видимо, не полностью). Большая часть предназначенного голодающим хлеба расхищается районными центрами и разными учреждениями и частью сдавали обратно в счет хлебозаготовок. Эти преступления обнаружены: в Кувском, Каркаралинском, Чуйском, Тургайском районах, и виновники привлекаются к ответственности. Вот решение Казкрайкома ВКП/б/ от 4 января 1933 года по Каратальскому району: «Ознакомившись с материалами по использованию продовольственной помощи, отпущенной для нуждающихся казахских хозяйств, объединенное заседание крайкома и крайКК устанавливает, что: а) районные организации не смогли представить точных данных, под-

тверждающих использование по прямому назначению отпущенной продпомощи в размере 6 500 центнеров весной 1932 года для нуждающихся казахских хозяйств; б) из отпущенной продпомощи районной организацией 2 811 центнеров было перечислено в план хлебозаготовок вместо того, чтобы этот фонд использовать по прямому назначению. Отпущенные откочевникам в районе промтовары лежат в райпотребсоюзе с июля по 15 января 1933 г. Выше сообщалось о смертности в Каратальском районе.

Вообще краевые органы не могут до сих пор получить от большинства районов данные об израсходовании отпущенного голодающим хлеба и других средств. В Чубартавском районе из отпущенных району государством 2 770 пудов хлеба в порядке продпомощи получено населением лишь 943 пуда, из них 10,5 пудов распределены райработникам в счет пайков, а 46 пудов роздано райработникам сверх нормы. По официальным данным, из означенного хлеба бедноте досталось только 11 пудов, остальные разбазарены, распределены среди баев, аткаминеров. Никаких расписок и раздаточных списков на это не существует. В Кургальджинском районе при переброске из Акмолинска 3000 пудов продпомощи дошло до места только 300 пудов, и в последнее время расхищено 117 центнеров хлеба, предназначенного голодающим. Председатель Западно-Казахстанского облКК-РКИ тов. Бидерман пишет о Таловском районе: «Возвращенцам не только не оказывали материальной помощи, но даже отпускаемые фонды для них использовали не по назначению...» Южно-Казахстанский обком ВКП/б/...объявил строгий выговор председателю Пахта-Аральского РИКа за исключительно безобразное отношение к устройству переселившихся за тысячи километров адаевцев.

В Западно-Казахстанской области, по договоренности между Таловским и Урдинским районами, около 40 хозяйств перекочевало в Таловский район, но там обещанной помощи не оказали, земли не дали, и казахи израсходовались и по снегу возвратились обратно. Органы Киргизской АССР сообщают, что недавно по согласованию с уполномоченным Казахского правительства направлено было 500 детей в Алма-Ату, но там их не приняли. Несколько детей умерли, а остальных пришлось везти обратно в г. Фрунзе.

Таких фактов немало можно привести и по другим районам. Несмотря на усиление опять откочевок и развивающейся эпидемии, казахские органы, видимо, бес-

сильны приостановить дальнейшие откочевки, бороться с эпидемиями и оказать действительную помощь голодающим. Казкрайком в последнее время энергично борется за это дело и привлек к ответственности целый ряд виновников, но пока раскачиваются места, пройдет время. Многие учреждения в областях и районах настолько свыклись с этим явлением, что проявляют подчас полное равнодушие. Вот характеристика отношения местных органов к вопросам борьбы с эпидемией, сообщаемая тем же актюбинским отрядом Красного Креста с места: «Тут не только нет содействия, но в некоторых районах (Батпаккаринский, Саксаульский, Тургайский) райздрав, инспектора возражали против развертывания оспопрививания... несмотря на наличие большого числа заболеваний оспой, мотивы возражения: «Сами справимся, не сейчас, так позднее, работа не убежит». Республиканский здравотдел также интереса к работе в Актюбинской области не проявляет...

Все это не случайно, а является следствием определенно проводившейся прежним руководством крайкома линии; запрещено было где-либо (даже в самой Алма-Ате, где на улицах убирали трупы казахов) говорить официально, что есть голод и смертельные случаи на этой почве. Мало того, местные работники не смели говорить о том, что есть сокращение скота. Представители Казахстана, приезжая в Москву, в центральных советских органах ни разу не ставили официально вопроса о том положении, которое существует в Казахстане. Мало того, старались давать иное объяснение причинам откочевок. Тов. Голощекин в своей статье «Еще раз о путях развития животноводства и об оппортунистах на этом фронте» (напечатанной в журнале «Народное хозяйство Казахстана», №№ 8—9, 1932), давая отпор Торегожину и другим на их утверждение о сокращении скота, дает следующее положительное объяснение откочевкам: «Казах, который никогда не выезжал из своего аула, не знал путей своего кочевания, теперь с легкостью переходит из района в район внутри Казахстана, включается в русские, украинские колхозы, переходит на работу, на хозяйственное строительство Поволжья, Сибири...» Эта теория, естественно, была подхвачена и другими, но мы из вышеприведенного видим, к каким результатам приводят подобные откочевки.

Но с таким положением в дальнейшем нельзя примириться. Когда вся страна добилась величайших успехов в области социалистического строительства и невиданного

культурного роста во всех республиках и краях и имеется успех в общем советском строительстве в целом самого Казахстана, нельзя дальше сохранять то положение, которое создалось в Казахстане в отношении большей части коренного населения. Советский Союз настолько окреп, что в силах оказать помощь и в кратчайшие сроки изжить это явление. Необходимо не только оказать быструю помощь голодающим казахам и повести борьбу с эпидемиями, но нужно развернутым фронтом взяться за проведение мероприятий, устраняющих коренные причины этого явления...

Важнее всего... что в течение 1932 года продолжалось дальнейшее сокращение скота в Казахстане, тогда как в остальных районах СССР оно приостановилось... Особенно большое сокращение произошло за год лошадей и верблюдов... Также имеется большое сокращение рабочего скота в совхозах... Причины такой бесхозяйственности — орудуют во многих из этих совхозов вредители и байство при попустительстве местных областных и районных органов.

Благосостояние большинства казахского населения на три четверти базируется на скотоводстве... Так как у казахского населения осталось менее 6 процентов скота, имевшегося у него в 1929 году, то понятны и результаты такого подрыва хозяйства казахов... Все эти обстоятельства объясняют причину того, что происходит сейчас среди казахского населения. Ведь еще бывшее переселенческое управление при царском строе, занимавшееся изъятием у казахов земель, считало, что кочевому хозяйству, чтобы сводить концы с концами, для существования одной семьи минимум нужно 30 голов скота...

Сокращение скота и откочевки казахов произошли в основном из-за допущенных огромнейших перегибов на местах с грубым нарушением целого ряда директив партии по колхозному строительству...»

Рыскулов предлагал срочно трудоустроить откочевников, оказать немедленную помощь голодающим, причем 400 тысяч пудов хлеба выдать уже в марте, построить жилье тем, кто переходит на оседлость, закупить для разрушенных хозяйств скот...

Наверное, многим нуждающимся людям смог он помочь своими письмами.

Только не тем, кто был уже мертв...

* * *

Наша новейшая история порой кажется каким-то чудовищным сном, фантасмагорией. Нигде еще на земле так не обесценивалась человеческая жизнь, никогда еще не лились такие потоки крови.

По различным подсчетам, население Советского Союза за 35 послеоктябрьских лет (до смерти Сталина) уменьшилось на 70—90 миллионов человек. Убитые в войнах, расстрелянные в «мирные» годы, истребленные голодом, болезнями, замученные в лагерях. Точной статистики нет, количество жертв измеряется с приблизительностью плюс-минус 10 миллионов...

От 10 до 20 миллионов людей погибли от голода в коллективизацию. Здесь статистические данные особенно неточны: статистика была невыгодна властям. Известно лишь, что наибольшее число жертв приходится, как это на первый взгляд ни покажется странным, на основные зерновые и скотоводческие районы — Россию, Дон, Северный Кавказ, Поволжье, Украину, Казахстан. Но ничего странного — именно в этих районах с особым усердием внедрялась сплошная коллективизация. Голодом морили кормильцев страны...

По переписи, на 1 января 1933 года население Союза составляло 165 миллионов 748 тысяч человек, но уже к апрелю 1933 года, как установил один из советских ученых [1], сократилось до 158 миллионов.

Для восполнения человеческих потерь, понесенных за все время коллективизации, стране потребовалось 5 лет. Если вспомнить, что для восстановления численности населения после Великой Отечественной войны понадобилось 9 лет (а число жертв войны составляло, по последним данным, от 25 до 46 миллионов), то становится понятным, какие страшные беды принесла принудительная коллективизация.

* * *

Никто не знает в точности, сколько людей в Казахстане погибло от голода в 1931—1933 годах, да и невозможно это установить. Ж. Абылхожин и М. Татимов считают, что «прямые потери» составили 1 миллион 700 тысяч человек («Ленинская смена», 1988, 19 октября);

---

[1] Урланис Б. Ц. Проблемы динамики населения СССР. М., 1974.

Б. Тулепбаев и В. Осипов заключают, что голод унес 1 миллион 50 тысяч — 1 миллион 100 тысяч жизней казахов и 200—250 тысяч казахстанцев других национальностей.

Достаточно просто взглянуть на материалы переписи населения в различные годы, чтобы увидеть: лишь в 70-х годах коренное население республики восстановило свою былую численность...

* * *

4 октября 1933 года, в годовщину Казахстана, землячество казахов-студентов, обучающихся в Москве, пригласило к себе в гости находившихся в Москве первого секретаря крайкома Мирзояна и председателя правительства Исаева. Попросили выступить. Мирзоян отказался, сослался на болезнь и на то, что человек он в Казахстане еще новый; Ураз Исаев согласился.

Сразу же после речи на него накинулись с вопросами. Больше всего спрашивали о том, что же творится в крае, отчего люди бедствуют.

— Почему казахи умирают с голода? — воскликнул кто-то.

Ураз Исаев покраснел и вдруг заорал:

— Это спрашивал байский сын!

Поднялся юноша, взглянул ему в глаза.

— ...Я сам из Аягуза. Летом собрался на каникулы в аул. Дал телеграмму, гляжу — на станции никто не встречает. Пошел домой пешком. Добрался до аула: пусто! Все юрты на месте, все добро цело, а людей нет. Никого. Пошел побродить в степь. И неожиданно прямо за аулом, в овраге, увидел трупы. Все они там лежали — и мои родители, и родичи, и земляки. Полный ров мертвых, весь аул. Ни одного в живых не осталось...

* * *

Одно из детских воспоминаний Мекемтаса Мурзахметова: базарная площадь, толкутся люди, а посреди людского сборища огромное, распухшее на солнце тело... Его обходят стороной. Будто не замечают... Нет сил похоронить родича.

* * *

...Неподалеку от Кустаная Габиту Мусрепову встретился по дороге один из многих опустевших городков, составленных из юрт. У этого странного на вид поселения были свои улицы и на каждой юрте был номер. Все как в городе. Висели таблички: улица имени Курамысова, имени Ерназарова, имени Исаева, имени Рошаля... Каждая улица называлась именем какого-нибудь казахстанского вождька. А сам городок назывался именем товарища Голощекина.

Людей в нем не было: вымерли.

* * *

...Живуче крапивное семя, даже со времен коллективизации сохранилось. В Кустанайской области есть железнодорожная станция — Голощекино. Зацепился-таки Филипп Исаевич своим именем. Как раз там, где больше всего людей он уморил до смерти.

* * *

Степняки называли его: Қу Жақ. В переводе это: Голые Щеки. Голое Рыло...

Его расстреляли 28 октября 1941 года у поселка Барбыш Куйбышевской области по приказу Берии. Расстреляли товарищи по борьбе, тоже считавшие себя солдатами партии. Расстреляли без суда, хотя следствие и было...

* * *

Галым Хакимович Ахмедов сказал мне в конце беседы:

— Если бы Голощекин побыл у нас еще с год, казахов бы не осталось...

XV

Что это было?

Что за дьявол летел внутри смерча и выдувал семью из дома, жизнь из аула, душу из человека, дух из народа?

Забытая богом безлюдная степь встает перед глазами, ясная степь в сиянии высоких небес, которую люди покинули не по своей воле, покинули, не выжив, не оставив потомства, ушли без следа — и умолкли навеки там, в тех

страшных годах. Не по своей воле... По чьей? Полного ответа все-таки еще не дано. Вопрос остается — и погаснуть ему не даст голос невинной крови, замершей до срока в остывающих жилах тысяч и тысяч жертв...

Как-то я прочел сказку о Ер-Тостике.

Это сказка о юном батыре, родившемся у старика Ерназара и его старухи в голодную пору.

Случился в степи большой джут, и люди откочевали в другие края. Вместе со всеми ушли восемь сыновей Ерназара. А сам он и жена остались дома с годовым запасом пищи, надеясь переждать бедствие.

Прошел год, еда кончилась. Однажды старуха открыла тундик, и Ерназар увидел на перекладинах свода юрты вяленую лошадиную грудинку — тостик.

Сварили они мяса, поели, окрепли, а там в положенный срок родился у них сын по имени Тостик.

Рос он быстро, через год стал настоящим батыром, которого никто не мог побороть, и стрелял лучше всех. Поедет на охоту, настреляет дичи — родители довольны. Хорошо зажили, сытно.

Как-то подстрелил Тостик чижика, отшиб ему крыло. Запрыгала птица по траве, заскочила в соседнюю юрту — охотник за ней. А там старуха пряжу пряла. Чижик перескочил через нити, а Тостик зацепил их ногой.

— Ах ты, бездельник! — рассердилась старуха.— Пряжу мне порвал. Чем болтаться попусту, лучше бы отыскал своих братьев.

Тогда-то и услышал Тостик впервые, что есть у него братья. Никогда о них не говорили родители. Расспросил мать.

— Врет пустоголовая старуха. Никаких братьев у тебя нет!

Поверил он и успокоился.

Через несколько дней случилось Тостику играть в асыки с сыном сварливой соседки. Разгорячился в игре и по нечаянности чуть его не зашиб насмерть. Еще сильнее обозлилась старуха.

— Чтоб ты подох, окаянный! Силу ему девать некуда! Пошел бы лучше и поискал кости своих пропавших братьев.

Призадумался Тостик. Опять спрашивает мать, а та молчит.

Попросил он тогда поесть. Мать отсыпала ему пшеницы и велела приготовить курмач. Тостик поджарил зерна и говорит:

— Попробуй, мать, готова ли пища?

Старуха взяла горсть горячей пшеницы, а сын схватил ее руку и сжал изо всех сил.

Взмолилась мать:

— Отпусти, сынок, горячо!

Тостик в ответ:

— Расскажи всю правду о братьях, тогда отпущу.

— Хорошо, расскажу.

И когда Тостик освободил руку, мать начала:

— Было у тебя восемь братьев. В год страшного джута ушли они. И не вернулись. Живы ли? Кто знает...

С этого начинается сказка о батыре, который отправляется на поиски пропавших братьев.

Но в завязке-то и кроется самое главное. Ведь богатырь добр, он никогда не обидит слабого, а вынужден причинить боль собственной матери-старухе. Какие же душевные муки нужно вынести, чтобы пойти на это!

Значит, чтобы узнать правду, надо перебороть страх перед страданием.

Пусть будет больно.

Но без правды нельзя.

Ер-Тостик это понимал...

Валерий Федорович МИХАЙЛОВ

ХРОНИКА ВЕЛИКОГО ДЖУТА

Документальное повествование

Редактор *В. Овсянников*
Художественный редактор *С Макаренко*
Художник *Л. Тетенко*
Технический редактор *Р. Винокурова*
Корректор *Р Соболева*

ИБ № 4313

Сдано в набор 17.10.89. Подписано в печать 11.04.90. УГ 16086. Формат $84\times108^1/_{32}$. Бумага тип № 2. Гарнитура «Тип Таймс». Печать высокая. Усл. п. л. 10,72. Усл. кр.-отт. 11,34. Уч.-изд. л. 11,82. Тираж 50.000. Заказ 2330. Цена 3 р. 60 коп.

Совместное советско-югославское издательско-полиграфическое предприятие «Интербук», Алма-Атинский филиал, 480124, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Полиграфкомбинат производственного объединения полиграфических предприятий «Кітап» Государственного комитета Казахской ССР по печати. 480002, г Алма-Ата, ул Пастера, 41

Алма-Атинский филиал
совместного советско-югославского
издательско-полиграфического
предприятия
«ИНТЕРБУК»

в 1990 году предлагает читателям
следующие издания:

Факсимильное издание книги, вышедшей в свет в Ташкенте в 1989 году, «СУЛТАНЫ КЕНЕСАРЫ И САДЫК. БИОГРАФИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ СУЛТАНА АХМЕТА КЕНЕСАРИНА».

А. Бобров «КИТАЙСКАЯ ЛЕЧЕБНО-ОЗДОРОВИТЕЛЬНАЯ ГИМНАСТИКА УШУ ДЛЯ ВСЕХ ВОЗРАСТОВ»

УЧАСТНИКАМ ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В КАЗАХСТАНЕ

Ваша активность на рынке привела к пониманию необходимости представить себя.

Доверьте реализацию Ваших идей нам. Если у Вас есть сложности с подготовкой оригинал-макета — мы сделаем макет. Если Ваши специалисты подготовили оригинал-макет — наше издательство в Вашем распоряжении.

Естественно Ваше желание знать цену наших полиграфических услуг. Наша политика — оказывать Вам эти услуги по наиболее рациональным расценкам, так как мы калькулируем цены с высокой степенью точности.

Все Ваши требования обязательно будут учтены. Мы всегда даем цены как в советских рублях, так и в долларах США.

Мы также готовы на всех этапах выполнения Вашего заказа оказывать Вам все виды технической, технологической и другой помощи.

Справки Вы можете получить
по телефону в офисе нашего
филиала в Алма-Ате: 42-75-81.
Адрес: 480124, Алма-Ата-124,
а/я 28, «ИНТЕРБУК»

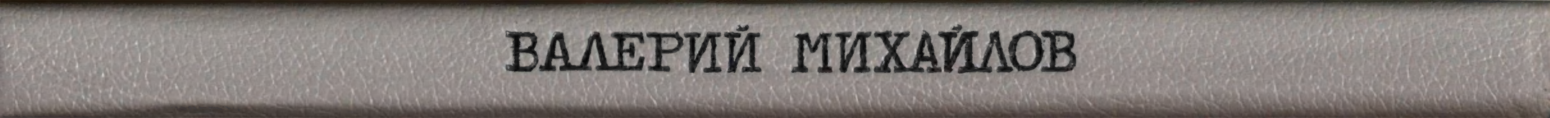
СОВМЕСТНОЕ СОВЕТСКО-ЮГОСЛАВСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСКО-ПОЛИГРАФИЧЕСКОЕ ПРЕДПРИЯТИЕ «ИНТЕРБУК»

ть
то
1.
4,
К»

3р.60к.

ВАЛЕРИЙ МИХАЙЛОВ